

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии, ученый секретарь социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. главного редактора, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

БАРКОВ Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

ВЕРШИНИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонов Анатолий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Бабосов Евгений Михайлович — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru

Вельц Франк — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Водопьянов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: pva1940@bk.ru

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философских и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Джаннотти Андреа — доктор политических наук, профессор, Департамент политических наук, Университет Пизы (Италия), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Ильхам Мамед-Заде — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Кеничи Охаша — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Михайленок Олег Михайлович — доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии РАН, e-mail: trudsociol@isras.ru

Мchedлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Скворцов Николай Генрихович — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО Костромской государственный университет, e-mail: kano_igt@mail.ru

Тай-Лок Луи — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tlouklui@eduhk.hk

Фарро Антимо Луиджи — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

FOUNDER

**Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)**

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Sergey O. ELISHEV — Doctor of Sociology, Professor of the Department of Modern Sociology, Scientific Secretary at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-61, e-mail: elishev@list.ru

Managing Editor: Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Editor: Olga V. ILINIY, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: iliniy@socio.msu.ru

Editorial board: Sergey A. BARKOV — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Management at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 932-88-71, e-mail: socorgmen@yandex.ru

Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-50-60, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Andrea Giannotti, PhD in Political Science, Professor, Department of Political Science, University of Pisa (Italy), e-mail: andrea.giannotti@sp.unipi.it

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Maria M. Mchedlova, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN, e-mail: mchedlova_mm@rudn.university

Oleg M. Mikhailenok, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department for the Study of Socio-Political Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: trudsociol@isras.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Vladimir A. Smirnov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, e-mail: kano_igt@mail.ru

Lui Tai-Lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tlolkui@eduhk.hk

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone: +43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 29 • 2023 •

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы современного российского общества

Осипова Н.Г. Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса. 7

Елишев С.О. “Большая игра”: противостояние русского и англосаксонского мира 33

Дорцева Е.В., Родин Н.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) 65

Смирнов В.А., Погодина Ю.А. Социальное самочувствие российских девушек в условиях специальной военной операции 89

Смолин М.Б. Обновленный строй Российской империи и царская прерогатива в проектах Льва Тихомирова 102

Экономическая социология и менеджмент

Ксенофонтова Е.Г. “Система высокой производительности труда”: трудности и позитивный опыт организаций разных стран 125

Сушко В.А. Способы реализации стратегий высшего образования как фактор формирования профессиональных ориентаций студента 149

Социология коммуникаций и киберпространства

- Гребенюк А.А., Максимова А.С., Агеенко А.Ю.** Русский язык в контексте социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России 167
- Багаева А.В.** Социальные аспекты проявлений региональной идентичности в топонимических прозвищах 188
- Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н.** Информационная безопасность: специфика феномена, методы и способы ее обеспечения 200

Социология в Китае

- Чень Сыли.** Экстраполяция традиционных взглядов на женщин в Китае 221

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 4 • VOLUME 29 • 2023 •

OCTOBER — DECEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Social problems of modern Russian society

- Osipova N.G.** Social construction of the health of modern Russian youth: the main vectors of domestic discourse 7
- Elishev S.O.** “The Great Game” — confrontation between the Anglo-Saxon and Russian world 33
- Dortseva E.V., Rodin N.V.** Features of the destructive impact on the youth of the new subjects of the Russian Federation 65
- Smirnov V.A., Pogodina Y.A.** Social well-being of Russian girls in the conditions of a special military operation. 89
- Smolin M.B.** The renewed system of the Russian Empire and the royal prerogative in the projects of Lev Tikhomirov 102

Economic sociology and management

- Ksenofontova E.G.** “High performance work system”: challenges and good practices of organizations around the world 125
- Sushko V.A.** Ways to implement higher education strategies as a factor in the formation of student’s professional orientations 149

Sociology of communications and cyberspace

- Grebeniyk A.A., Maksimova A.S., Ageenko A.Yu.*** The Russian language in the context of socio-economic adaptation of labor migrants from Central Asia in Russia 167
- Bagaeva A.V.*** Social aspects of manifestations of regional identity in toponymic nicknames 188
- Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N.*** Information security: key features of the phenomenon, its methods and means 200

Sociology in China

- Chen Sili.*** Extrapolation of traditional views on women in China 221

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-7-7-32

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА*

Н.Г. Осипова, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

В статье представлен системный анализ направлений и трендов в области исследований проблем здоровья в молодежной среде, которые касаются отношения к здоровью в целом, области сохранения и укрепления здоровья. Автором выявлены значимые факторы риска, которые существенно влияют как на уровень здоровья молодого поколения, так и на ожидаемую продолжительность жизни его представителей, показана амбивалентность и противоречивость данных об отношении молодых людей к своему здоровью. На базе анализа различных социологических исследований, в том числе и авторского исследования, проведенного в июле 2023 г., обобщены результаты дискуссий, которые ведут отечественные ученые, обращающиеся к проблемам здоровьесбережения молодого поколения России.

Первая группа включает проблемы макросоциального уровня, связанные с общим государственным регулированием сферы здоровья населения. В их числе — отсутствие здоровьесбережения населения в числе государственных приоритетов, неадекватная социальная политика РФ в сфере здравоохранения, деятельность институтов, включенных в управление сферой здоровья, включая ее нормативное регулирование. Вторая группа проблем связана с концептуализацией понятий “здоровье” и “здоровый образ жизни”, трактовка которых, как правило, неоднозначна. Очевидно, что нормативное определение “здорового образа жизни” имеет медицинские, физиологические, психологические и социальные структурные составляющие, к которым относят различного рода внешние факторы — влияние семьи и социального окружения, моды на социальные привычки, а также характер воздействия СМИ.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, грант № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

** **Осипова Надежда Геннадьевна**, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Данные, полученные автором, свидетельствуют о том, что наибольшее влияние на формирование представлений молодежи о проблемах здоровья и практиках его поддержания, оказывают собственный опыт, социальные сети, семья и мнение друзей. Они же подтверждают преобладающую тенденцию: хотя подавляющее большинство респондентов (85%) уверены в том, что людям необходимо вести здоровый образ жизни, каждый четвертый считает, что его образ жизни скорее нездоровый, чем здоровый, а 5% из них совсем не считают свой образ жизни здоровым.

К особой группе проблем автор относит воздействие на здоровье цифровой медиасреды, в которую сегодня активно интегрировано молодое поколение, прежде всего, так называемых “новых медиа” — интернет-порталов, онлайн-новых СМИ, блогосферы, социальных сетей, виртуальных сообществ, виртуальных игр и другие веб-ресурсы. Путем трансляции идей, моделей поведения новые медиа в известной степени участвуют в конструировании поведения индивида в отношении здоровья, которое носит как конструктивный, так и деструктивный характер.

Ключевые слова: социальное конструирование здоровья, параметры здоровья, дискурс о здоровье, факторы риска здоровью, государственное регулирование сферы здоровья, здоровый образ жизни, цифровая медиатизация здоровья, влияние новых медиа на психическое здоровье.

SOCIAL PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

SOCIAL CONSTRUCTION OF THE HEALTH OF MODERN RUSSIAN YOUTH: THE MAIN VECTORS OF DOMESTIC DISCOURSE*

Osipova Nadezda G., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: ngo@socio.msu.ru

The article presents a systematic analysis of trends and trends in the field of research of health problems in the youth environment, which relate to the attitude to health in general, the field of preserving and strengthening health.

The author identifies significant risk factors that significantly affect both the health level of the younger generation and the life expectancy of its representatives, shows the ambivalence and inconsistency of data on the attitude of young people to their health obtained by various researchers. Based on the analysis of various sociological studies, including the author's study conducted in July 2023, the results of the discussions con-

* The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

ducted by domestic scientists addressing the health-saving problems of the younger generation of Russia are summarized.

The first group includes macro-social problems related to the general state regulation of public health. Among them are the lack of health care of the population among the state priorities; inadequate social policy of the Russian Federation in the field of healthcare; the activities of institutions included in the management of the health sector, including its regulatory regulation. The second group of problems is related to the conceptualization of the concept of “health” and “healthy lifestyle”, the interpretation of which is usually ambiguous. It is obvious that the normative definition of a “healthy lifestyle” has medical, physiological, psychological and social structural components, which include various external factors — the influence of family and social environment, fashion on social habits, as well as the nature of media exposure.

The data obtained by the author indicate that the greatest influence on the formation of young people’s ideas about health problems and practices for its maintenance is exerted by their own experience, social networks, family and the opinion of friends. They also confirm the prevailing trend: although the overwhelming majority of respondents (85%) are sure that people need to lead a healthy lifestyle, one in four believes that their lifestyle is unhealthy rather than healthy, and 5% of them do not consider their lifestyle healthy at all.

The author refers to a special group of problems the impact on the health of the digital media environment, into which the younger generation is actively integrated today, first of all, about the so-called “new media”, which include: internet portals of online media, blogosphere, social networks, virtual communities, virtual games and other Web resources. By broadcasting ideas, behavioral models, new media in modern society become “legislators” in various spheres of social life. To a certain extent, they participate in the construction of an individual’s behavior in relation to health, which is both constructive and destructive in nature.

Key words: social construction of health, health parameters, health discourse, health risk factors, state regulation of health, healthy lifestyle, digital mediatization of health, the impact of new media on mental health.

Общественное здоровье, как интегрированное выражение динамики индивидуальных уровней здоровья всех членов общества, является одной из областей социальной реальности, а также важной сферой жизнедеятельности социума, которая подлежит социальному конструированию. Обозначенная ситуация создает широкие возможности для различного рода воздействий на формирование представлений о параметрах здоровья у различных групп людей, в том числе и манипулятивного характера¹.

Сложность оценки уровня социального здоровья обусловлена тем, что сама категория здоровья носит неоднозначный, порой

¹ *Осипова Н.Г.* Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 3.

субъективный характер², а также имеет физическую и психическую составляющие, которые тесно взаимосвязаны.

Физическое здоровье измеряется целым рядом объективных показателей, которые позволяют дифференцировать уровни здоровья, отличать “состояние здоровья” и “состояние болезни”. В отличие от отклонений в здоровье физическом, расстройства психического здоровья гораздо сложнее диагностировать, поскольку особенности поведения, с ними связанные, должны быть достаточно выраженными, ригидными, дезадаптивными, а их эпизоды — повторяющимися в течение длительного промежутка времени. Тем не менее, любые отклонения со стороны психического здоровья могут существенно влиять на параметры здоровья физического и наоборот. Это во многом обуславливает разнообразие направлений и трендов в области исследований проблем здоровья населения, в числе которых особое значение приобретает анализ тенденций в молодежной среде, которые касаются отношения к здоровью в целом, области сохранения и укрепления здоровья³.

В настоящее время еще не сложилась единая система мониторинга уровня здоровья российской молодежи, однако проводятся регулярные исследования, оценивающие ее здоровье на основе того или иного показателя⁴. Их анализ позволил выявить значимые факторы риска, которые существенно влияют как на уровень здоровья молодого поколения, так и на ожидаемую продолжительность жизни его представителей.

Первым фактором является омоложение неинфекционных заболеваний, служащих основной причиной смертности, к которым относят сердечно-сосудистые, онкологические, хронические и бронхолегочные заболевания, а также сахарный диабет, и которые приводят к увеличению числа потерянных лет потенциальной жизни⁵.

Второй фактор — омоложение вредных привычек, — курения, злоупотребления алкоголем и фастфудом, что способствует развитию обозначенных выше неинфекционных заболеваний, а также

² Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.

³ Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168–172. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (дата обращения: 06.04.2023).

⁴ Там же.

⁵ Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Смертность и факторы риска развития неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика и прогноз // Терапевтический архив. 2017. № 1. С. 7.

формированию зависимостей, приводящих к преждевременной смерти⁶.

Третий фактор — это недостаточный уровень физической активности и спортивной подготовки молодежи, что неизбежно приводит к ожирению, которое служит главной причиной сердечно-сосудистых заболеваний и сахарного диабета. Как отмечают исследователи, “увеличение распространенности ожирения является одним из самых серьезных вызовов политике формирования здорового образа жизни”⁷. Так, по итогам профилактических медицинских осмотров ожирение зафиксировано у 1,4% детей в возрасте до 14 лет и у 3,3% подростков⁸. Тревожным признаком является то, что наибольшая частота низкой физической активности выявлена у лиц молодого и среднего возраста (25–44 лет), что вероятно обусловлено не только особенностями современного рабочего процесса, но и характером досуга: многие молодые люди предпочитают проводить досуг в помещениях, за компьютерами и телевизором вместо активного отдыха⁹.

Четвертым фактором является незначительность доли молодежи, которая стабильно придерживается здорового образа жизни. Исследования показали, что современные молодые люди имеют достаточно низкий уровень мотивации для ведения здорового образа жизни. Лишь 15% опрошенных ведут здоровый образ жизни, а доля тех, кто не настроен вести здоровый образ жизни достаточно высока (20%). Примерно треть молодых респондентов (30%) здоровье интересует только в аспекте внешней привлекательности, а четверть полагает, что здоровье для человека неважно, важнее интеллект и духовная сфера (25%)¹⁰.

Следует отметить, что данные об отношении молодых людей к своему здоровью, полученные различными исследователями, достаточно амбивалентны, а порой и противоречивы.

С одной стороны, судя по исследованиям ВЦИОМ, именно собственное здоровье и здоровье близких является главной ценностью

⁶ Муромцева Г.А., Концевая А.В., Константинов В.В., Артамонова Г.В. и др. Распространенность факторов риска неинфекционных заболеваний в российской популяции в 2012–2013 гг. Результаты исследования ЭССЕ-РФ // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2014. № 13 (6). С. 4–11.

⁷ Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Указ. соч. С. 8.

⁸ Стратегия развития физкультуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 29 апреля 2023 г.). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566430492> (дата обращения: 01.08.2023).

⁹ Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Маркова Н.В., Рютин С.Г. Указ. соч.

россиян. При этом хорошие оценки своему здоровью чаще дают молодые люди — 56% в возрасте 18–24 лет и 67% в возрасте 25–34 лет¹¹. С другой стороны, результаты ряда опросов указывают на то, что “здоровье и здоровый образ жизни не находятся в списке приоритетов современной молодежи, которая характеризуется низким уровнем здоровья — физического и психического, тяготеет к нездоровому образу жизни, включающему низкую физическую активность и вредные привычки”¹².

Достаточно часто понимание ценности здоровья в теории сопровождается на практике нездоровыми привычками: примерно каждый пятый (22%) очень редко занимается спортом или физкультурой, 17% выкуривают в день пачку сигарет или больше, об употреблении алкогольных напитков сообщают 63% россиян¹³. Основой нездорового поведения, по утверждению ученых, является так называемый “нереалистичный оптимизм”: человеку сложно оценить реальные угрозы здоровью в силу отсутствия опыта, молодого возраста и многих других ситуативных причин, люди склонны переоценивать возможности и потенциал своего организма¹⁴.

Отечественные социологи ведут активную дискуссию по поводу проблем, которыми вызваны обозначенные выше тенденции и которые, на наш взгляд, можно объединить в следующие группы.

Первая группа включает проблемы макросоциального уровня, связанные с общим государственным регулированием сферы здоровья населения. В их числе отсутствие здоровьесбережения населения в числе государственных приоритетов, неадекватная социальная политика РФ в сфере здравоохранения, деятельность институтов, включенных в управление сферой здоровья, в том числе ее нормативное регулирование.

Сегодня объектом российской социальной политики в сфере общественного здоровья являются массовые заболевания и группы молодых людей, подверженные им. Практически здоровый молодой человек и здоровое население в целом находятся вне фокуса внимания современного здравоохранения до тех пор, пока у них не возникнут заболевания. Финансирование для отечественного здравоохранения выделяется исключительно на лечение нездоровых поколений, подверженных серьезной патологии, а также на изучение

¹¹ ВЦИОМ рассказал, как изменились жизненные ценности россиян. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-rasskazal-kak-izmenilis-zhiznennye-tsennosti-rossiyan/ (дата обращения: 15.07.2023).

¹² Маркова Н.В., Рютин С.Г. Указ. соч.

¹³ Здоровье — высшая ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyssshaya-czennost> (дата обращения: 06.07.2023).

¹⁴ Там же.

тех или иных болезней¹⁵. Соответственно и большинство правовых документов, касающихся сферы здоровья, направлено, преимущественно, на лечение заболевших людей¹⁶. Таким образом, все силы здравоохранения, как и ранее, направлены на лечение уже заболевшей или больной российской молодежи, а не на превентивные меры в отношении здоровой¹⁷.

Исследователями отмечается активная законотворческая деятельность правительства России в области охраны здоровья населения и особенно молодого поколения, что регулируется достаточным количеством Федеральных законов и Государственной программой Российской Федерации “Развитие здравоохранения”¹⁸ и другими документами¹⁹. Однако большинство документов включает перечень мер достаточно декларативного характера.

В целом функции системы государственного управления в области укрепления и сохранения здоровья молодежи сводятся к следующим основным положениям:

- разработке направлений государственной политики в области развития физической культуры и спорта, а также оздоровления населения;
- реализации направлений государственной политики в области развития физической культуры и спорта, а также оздоровления населения;
- разработке методов повышения физической активности разных групп населения (школьников, молодежи, взрослых, пожилых);
- реализации и популяризации физического воспитания и спорта; контролю результатов внедрения мер, методов, мероприятий в систему физического воспитания²⁰.

¹⁵ Гафиатулина Н.Х. Здоровье молодёжи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1. С. 140–143.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 140–143.

¹⁸ Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161). URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁹ О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/

²⁰ См.: “О физической культуре и спорте в Российской Федерации”: ФЗ № 329 от 4 декабря 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243 (ред. от 28.04.2023).

Все тенденции управления в области поддержания и сохранения здоровья молодежи можно условно классифицировать на те, которые направлены на поддержку физического здоровья, и те, которые направлены на поддержку психического здоровья молодежи.

В области сохранения и укрепления физического здоровья молодежи это такие направления деятельности, как принятие государственных (федеральных, региональных, муниципальных) программ развития здорового образа жизни и физической культуры, установление нормативных требований к уровню физической подготовленности (например, нормы ГТО), внедрение специализированных технологий, например здоровьесберегающих технологий в школах и вузах. Однако в отношении психического здоровья приоритеты достаточно размыты, а сама проблема еще не получила должной артикуляции в общественном дискурсе. Более того, ученые подчеркивают, что “в нашем государстве практически отсутствует идеология, которая нацеливала бы молодежь на эффективную трудовую деятельность, на жизнь полноценной, активной жизнью, что провоцирует среди молодежи несколько халатное отношение к своему здоровью”²¹. К сожалению, в настоящее время ее заменяет суррогат в виде “моды на здоровье”.

В области управления оздоровлением молодежи в ходе исследований учеными установлено, что молодежь часто возлагает ответственность за здоровый образ жизни на государство. Так, молодые люди склонны обвинять государство в том, что для них не созданы условия для здорового образа жизни в контексте спорта (40%) и правильного питания (30%), лишь 5% опрошенных указывают, что препятствием к ведению здорового образа жизни является их собственная неорганизованность²².

Вторая группа проблем связана с концептуализацией понятий “здоровье” и “здоровый образ жизни”, а дискуссии в ее рамках носят или общенаучный, или сугубо практический характер.

Как отмечают исследователи, сама категория “здоровье населения” остается слабо концептуализированной, несмотря на то что в последние годы появились исследования не собственно здоровья, а его определений²³.

Трактовка понятия “здоровый образ жизни”, также как правило, неоднозначна. В общем смысле под здоровым образом жизни

²¹ Маркова Н.В., Рютин С.Г. Указ. соч.

²² Там же.

²³ См.: Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья. С. 119.

понимают совокупность факторов, которые определяют деятельность человека на протяжении каждого дня, обеспечивая поддержание физиологических показателей организма на оптимальном уровне путем работы с физической и духовной составляющими личности.

В нормативных документах Российской Федерации “здоровый образ жизни” определяется как “образ жизни человека, направленный на предупреждение возникновения и развития неинфекционных заболеваний и характеризующийся исключением или сокращением действия поведенческих факторов риска, к числу которых относятся употребление табака, вредное потребление алкоголя, нерациональное питание, отсутствие физической активности, а также неадаптивное преодоление стрессов”²⁴.

Очевидно, что нормативное определение “здорового образа жизни” имеет медицинские, физиологические, психологические и социальные составляющие, которые тесно связаны с представлениями о здоровье у различных категорий населения, в том числе — молодежи. Медицинские включают профилактику и своевременное лечение различных заболеваний, соблюдение графика прививок от инфекционных заболеваний, диспансеризацию и т.п. Физиологические (включая занятия физкультурой и спортом) направлены на профилактику заболеваний, развитие выносливости; соблюдение режима дня, сбалансированное питание и пр. Психологические предполагают формирование эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости и прочих компонентов психики, влияющих на качество взаимоотношений с людьми, владение системами психофизической тренировки и аутотренинга, ценности личности, которые в принципе и определяют отношение к здоровому образу жизни. К социальным составляющим часто относят различного рода внешние факторы — влияние семьи и социального окружения, моды на социальные привычки²⁵, а также характер воздействия СМИ.

В данной связи интерес представляют результаты исследования “Социальное конструирование здоровья молодежи в условиях циф-

²⁴ Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года. Приложение к приказу Министра здравоохранения № 8 от 15 января 2020 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564215449> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁵ См. подробнее: Жилов Ю.Д., Назарова Е.Н. Здоровый образ жизни и его составляющие. М., 2008.

ровизации”, проведенного автором методом опроса в июле 2023 г. (далее — авторское исследование)²⁶.

Так, в отношении социальных факторов, которые оказывают наибольшее влияние на формирование представлений молодежи о проблемах здоровья и практиках его поддержания, мнения респондентов разделились. 18% опрошенных считают, что наибольшее влияние оказывает собственный опыт, при этом столько же, 17%, полагают, что эту роль берут на себя социальные сети, а 16% уверены в том, что в этом задействована семья. 12% опрошенных считают, что наибольшее влияние на формирование представлений молодежи оказывает мнение друзей, 11 — опыт авторитетных людей, 7 — профессиональное мнение, 5 — реклама и система образования, 3 — политика государства, и 2% — телешоу.

Как уже было отмечено выше, в числе физиологических составляющих здорового образа жизни особое внимание исследователи уделяют занятиям физической культурой и спортом, соблюдению режима дня и правильному питанию. Так, достаточно показательны результаты исследований, в которых при ответе на вопросы “Какова роль спорта в Вашей жизни?” и “Что для Вас является здоровым образом жизни?” 70% ответили, что спорт и здоровый образ жизни неразрывно связаны и ассоциируются с сохранением хорошей физической формы и укреплением здоровья. Для большинства (62%) физическая культура и спорт — это укрепление здоровья и способ поддержки своей фигуры. Почти треть респондентов (31%) считает, что физическая культура и спорт — это образ жизни, путь к самореализации²⁷.

В то же время ученые подчеркивают, что, понимая всю важность этой составляющей, 60% студентов спортом занимаются периодически, а 14% и вовсе не практикуют никакие занятия. Более того, есть основания полагать, что и эти нерегулярные занятия не дотягивают до гигиенической нормы двигательной активности. И только 23% имеют систематическую спортивную практику. К ним примыкают

²⁶ Опрос проводился с 10 по 23 июля 2023 г. В опросе приняли участие 256 человек, среди которых 79 (31%) мужчин и 177 (69%) женщин. Подавляющее большинство респондентов (85%) являются студентами ФГБОУВО Москвы и различных регионов России. Возраст респондентов находится в диапазоне от 16 до 36 лет, при этом диапазон возраста большинства респондентов (89%) 18–23 года.

²⁷ Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Здоровый образ жизни как ценность современной молодежи // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: Сб. науч. трудов Междунар. молодежной науч.-исслед. конференции (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.). Екатеринбург, 2020. С. 66–71. URL: <http://hdl.handle.net/10995/97444> (дата обращения: 12.07.2023).

3% спортсменов²⁸. Менее половины опрошенных делают иногда зарядку по утрам (46%), не делает зарядку 41% и только 13% регулярно занимаются утренней зарядкой²⁹. Эти данные означают, что один из основных пунктов здорового образа жизни выполняется в минимальной степени — студенты не осознают важность сохранения здоровья в современном обществе и влияние на него систематических занятий физкультурой и спортом.

Результаты авторского исследования в целом подтверждают обозначенную тенденцию. С одной стороны, подавляющее большинство респондентов (85%) уверены в том, что людям необходимо вести здоровый образ жизни, и только 5%, наоборот, не считают это необходимостью. Однако 11% опрошенных затрудняются дать однозначный ответ о том, что людям необходимо вести здоровый образ жизни. При этом 59% полагают, что их образ жизни скорее здоровый, чем нет, но всего 9% респондентов уверены в том, что их образ жизни является здоровым. Каждый четвертый опрошенный (26%) думает, что его образ жизни скорее нездоровый, чем здоровый, в то время как 5% из них совсем не считают свой образ жизни здоровым. (1% респондентов затруднился дать ответ на данный вопрос).

Почти четверть опрошенных (23%) выражает мнение, что здоровый образ жизни заключается в отсутствии вредных привычек, для такого же их числа (22%) — это регулярное умеренное питание. Каждый пятый опрошенный понимает под ним постоянную физическую активность, а 17% — соблюдение режима сна. Наименее популярными среди студентов являются представления о том, что здоровый образ жизни — это, прежде всего, занятия физической культурой (9%) и занятия спортом (8%)

Режим дня включает в себя полностью индивидуальное определение примерного времени начала и конца дня, а также количество приемов пищи, что будет способствовать выработке у организма определенной привычки, которая поможет снизить нагрузку и улучшить ежедневное физическое и моральное состояние в целом. Однако, судя по исследованиям, хотя большинство студентов (около 60–70%) утверждает, что при установленном режиме дня, когда сон начинается в 22–23 часа, уровень продуктивности организма на следующий день повышается, многие из них отмечают, что их режим сна сбив, либо они постоянно ложатся спать поздно, что отрицательно сказывается на их работоспособности.

²⁸ Гладышева А.А., Кантонист В.С. Здоровый образ жизни глазами молодого человека. URL: <https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/download/613/515> (дата обращения: 12.07.2023).

²⁹ Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Указ. соч.

Если вести речь о “правильном питании”, то отечественные ученые выделяют следующие характеристики здорового отношения к пище: выбор свежих продуктов и еды, приготовленной самостоятельно, внедрение в питание продуктов с содержанием всех полезных веществ, учет калорийности продуктов и режим питания, физические нагрузки для улучшения пищеварения и появления чувства голода. Однако, согласно опросам, современная молодежь придает здоровому питанию не так много значения (около 58% респондентов отмечают, что это — важная составляющая здорового образа жизни).

Результаты авторского исследования тоже показали, что только 44% придерживаются регулярного и сбалансированного питания, 32% респондентов отдают предпочтение отдельным видам продуктов. Однако почти четверть из них (22%) “питаются нерегулярно, чем придется”.

Большинство опрошенных более склонны улучшать другие направления их здорового образа жизни — особенно это касается сна, спорта и большего времени пребывания на воздухе. Таким образом, можно сделать вывод, что в какой-то степени не совсем сбалансированный рацион питания может быть скомпенсирован физической активностью и другими путями укрепления здоровья, в том числе и работой с психоэмоциональным состоянием³⁰.

С одной стороны, “в условиях функционирования современного рискогенного социального пространства особую важность представляет эффективное использование методов и средств сохранения и укрепления здоровья молодежи в целях максимально полной реализации ее потенциальных возможностей в личной и профессиональной сферах деятельности”³¹. С другой стороны, на современном этапе общественного развития отсутствует приоритет здорового образа жизни, не разработан механизм ответственности молодого человека за выбор способов жизнедеятельности, слабо поставлена пропагандистская установка на здоровый образ жизни³².

³⁰ Воронов Н.А. Еда и здоровый образ жизни // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eda-i-zdorovyy-obraz-zhizni/viewer> (дата обращения: 12.07.2023).

³¹ Воробьев Г.А., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи // Гуманитарные, социо-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 55.

³² Буянова Л.В. Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9. С. 245.

Исследования показали, что, по мнению респондентов, чтобы конструировать позитивное отношение молодежи к здоровому образу жизни, нужно формировать ее мировоззрение с опорой на общечеловеческие, духовно-нравственные и патриотические ценности (63,9%), решить проблему трудоустройства и приобретения устойчивого социального положения молодежи (42,6%), усовершенствовать воспитательную работу в рамках формирования здоровьесберегающих образовательных технологий и организовать молодежный досуг (по 34,4%), а также укреплять законодательную базу социальной работы с молодежью и обеспечить скоординированную работу всех субъектов профилактики (по 13,1%). Нужно проводить мероприятия, направленные на формирование у молодежи мотивации на ведение здорового образа жизни (42%), на повышение информированности по вопросам здоровья и его охраны (39%), пропаганду социальных ценностей и значимости здорового образа жизни³³.

Третья группа обсуждаемых проблем связана с отсутствием воспитания молодых людей в духе здорового образа жизни и обучения их заботе о собственном здоровье.

Исследователи выявили общие причины, по которым в жизни человека отсутствует физическая нагрузка и желание заботиться о ментальном здоровье. Стереотипом предшествующих десятилетий было патерналистское представление: "...о моем здоровье пусть заботится бесплатная медицина". Изменившаяся социально-экономическая ситуация, реформы в здравоохранении поставили российское общество перед необходимостью изменения стереотипов сознания и поведения, но оказалось, что молодые поколения к этому не готовы психологически, у них отсутствуют необходимые знания, и они не знают, где их можно получить³⁴.

Социологи утверждают, что "формирование здорового образа жизни детей должно осуществляться фактически с момента их рождения — в семье, дошкольном учреждении и школе практически непрерывно посредством формирования соответствующих ценностей"³⁵.

Психологи считают, что дети в младшем возрасте берут пример с родителей, поскольку они являются их ближайшим окру-

³³ Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Указ. соч.

³⁴ Гафиатулина Н.Х. Указ. соч.

³⁵ Журавлева И.В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017. С. 421–422; Журавлева И.В., Петренко Е.С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 80–103.

жением и практически единственными людьми, с которыми они проходят начальный этап социализации, в результате чего многие поведенческие привычки в различных аспектах, вплоть до сценария поведения в будущей семье, перенимаются. А родители обычно не соблюдают основные правила здорового образа жизни, поэтому такой привычки у детей с самого младшего возраста нет изначально³⁶.

Так, результаты авторского исследования показали, что только у каждого пятого респондента в семье были приняты такие практики поведения, поддерживающие здоровье, как отсутствие вредных привычек у близких родственников (21%), режим питания (19%), а также соблюдение определенного режима дня (18%). Для каждого десятого респондента такой практикой были физические нагрузки (11%). 7% респондентов ответили, что в их семье такой практикой являлась зарядка, для 6% опрошенных — работа над телом и физические игры на дворе, для 5% — закаливание. При этом 9% респондентов вообще не имели в семье практик поведения, поддерживающих здоровье.

Во время взросления (в период обучения в старшей школе и вузе) установки, цели на жизнь, привычки и приоритеты практически сформированы. Соответственно, намного сложнее воспитать в себе привычку следить за своим здоровьем, поскольку у людей данной возрастной категории приоритеты расставлены в пользу получения образования и развития социальных связей, которые сыграют важную роль во взрослой жизни, поэтому чаще всего совсем отсутствует время на занятия спортом, а также понимание важности этого процесса. Однако результат проведенного опроса показывает, что, тем не менее, значительное большинство студентов старается уделять время, по крайней мере, минимальным физическим нагрузкам³⁷.

В частности, результаты авторского исследования показали, что 70% респондентов занимаются физической культурой, из них большинство (72%) занимаются несколько раз в неделю, 15% занимаются раз в две недели, 8 — каждый день, 4 — раз в месяц, а 1% — реже раза в месяц.

Во взрослый период у человека фокус меняется на построение семьи и карьеры, а также на воспитание детей. Поэтому забота о собственном здоровье и внешнем виде становится второстепенной частью жизни и не оценивается как одна из важнейших составляю-

³⁶ Журавлева И.В. Указ. соч.; Журавлева И.В., Петренко Е.С. Указ. соч.

³⁷ Журавлева И.В. Указ. соч.; Журавлева И.В., Петренко Е.С. Указ. соч.

щих, способствующих поддерживать хорошую физическую форму и возможность выполнять гораздо больше задач. Тем не менее, человек начинает осознавать, что стиль жизни следует изменить на здоровый и вести его вне зависимости от обстоятельств, окружения и условий жизни, в связи с чем многие начинают приобщаться к культуре спорта, заботятся о положительном эмоциональном состоянии и пр.³⁸

Согласно авторскому исследованию, целью занятий физической культурой для примерно четверти опрошенных (26%) является сохранение и укрепление здоровья. Для каждого пятого респондента цель таких занятий состоит в том, что они хотят быть в хорошей физической форме. 17% респондентов ставят себе целью желание иметь красивую, подтянутую фигуру, 15% занимаются физической активностью, чтобы снять стресс, для 12% это просто хобби и занимаются этим ради развлечения, при этом каждый десятый ставит себе целью что-то другое.

Однако в целом индивидуальные установки россиян по отношению к собственному здоровью включают элементы пренебрежения, безразличия и беспомощности. Каждый россиянин сам решает — сохранять свое здоровье или разрушать его. Люди мотивированы в большей степени на достижение быстрых результатов, а не на долгосрочную перспективу сохранения хорошего здоровья³⁹.

Учеными установлено, что процесс конструирования здоровья в значительной степени зависит от наличия мотивации на заботу о здоровье — никакие просьбы, пожелания, приказание не могут заставить человека заботиться о здоровье, если отсутствует мотивация здоровья. В системе этой мотивации может присутствовать целый ряд мотивов — самосохранения, подчинения культурным нормам, получения удовольствия, возможность самосовершенствования, достижения комфортности, — конфигурация которых меняется с возрастом.

В детском и подростковом возрасте мотивация самосохранения (обуславливающая, в конечном счете, парадоксальное отношение к здоровью) действует, как правило, слабо. Также в этом возрасте отсутствует установка на культурные нормы, а при несформированной ответственности за свое здоровье и хорошем самочувствии молодые люди легко приобщаются к вредным привычкам.

³⁸ Зыков А.В., Чудайкин А.М. Влияние физической культуры на качество жизни // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2. С. 86–95; Лобанова Э.Н. Формирование культуры здорового образа жизни // Вестник науки и образования. 2021. № 5. С. 49–54.

³⁹ Журавлева И.В. Указ. соч. С. 427.

Исследования показывают, что молодые люди понимают здоровый образ жизни в основном как следование таким призывам как: не курить, не пить, заниматься спортом, не употреблять наркотики и т.д. Но эти призывы не становятся для них руководством к действию потому, что они насаждаются в назидательной, категоричной форме, и потому, что у молодых людей отсутствует установка на здоровый образ жизни. Например, более половины (54%) участников авторского исследования употребляют спиртное, из них 44% употребляют его примерно раз в месяц и реже, 30 — 2–3 раза в месяц, 17 — 3–4 раза в месяц, 9% — каждую неделю, обычно в выходные, хотя никто из респондентов не употребляет спиртные напитки ежедневно.

К сожалению, у российских граждан забота о здоровье не внедрена в культуру поведения, не является естественной необходимостью.

На наш взгляд, к особой группе проблем, притом до сих пор малоизученной, относится воздействие на здоровье “цифровой медиасреды, в которую сегодня активно интегрировано молодое поколение”⁴⁰.

В электронно-цифровую эпоху особенностью социальной коммуникации является то, что она все чаще опосредуется современными средствами массовой информации, т.е. “медиатизируется”.

В последнее время “медиатизация” все чаще трактуется как феномен, в свете которого иные социальные процессы, происходящие в обществе, рассматриваются лишь через призму медиaprостранства (в большинстве случаев через электронные СМИ или новые медиа)⁴¹, а разворачивающийся в цифровую эпоху процесс медиатизации становится доминирующим фактором в развитии общества⁴². Тогда термин “медиатизация” используется в смысле растущего подчинения влиянию масс-медиа всего современного жизненного пространства, когда возведение события в публичный статус медиакта коренным образом изменяет саму природу происходящего⁴³.

⁴⁰ Коханная О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // Научные труды московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 30.

⁴¹ Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // *Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. 2018. № 9 (55). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 29.06.2023).

⁴² Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // *Гуманитарный вектор*. 2022. Т. 17. № 2. С. 154–164.

⁴³ Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // *Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов. Вып. 9. Алматы, 2017. С. 31–40.*

Процесс медиатизации позволяет создать абсолютно новое медиапространство с охватом аудитории, в разы превышающее существующее, и тем самым сформировать новый тип восприятия аудиторией информации путем генерирования контента самим потребителем и новый тип аудитории как таковой⁴⁴.

“Развитие цифровых технологий, мобильных средств коммуникации, распространение Интернета создает условия для интеграции компьютеров, телевизоров, мобильных телефонов, смартфонов в мультимедийное средство коммуникации с широкой функциональностью. Конвергенция этих устройств образует ряд новых возможностей для развития медиасреды и, прежде всего – контроль и управление медиаконтентом со стороны пользователя”⁴⁵. Речь идет, прежде всего, о так называемых “новых медиа” или “новых медиаформатов”, к которым относят интернет-представительства (порталы) онлайн-СМИ, интернет-СМИ, интернет-ТВ (вебкастинг), интернет-радио (подкастинг), мобильное ТВ, кино, рассчитанное на интернет-аудиторию, блогосферу, социальные сети, виртуальные сообщества, виртуальные игры, другие веб-ресурсы⁴⁶.

Современные исследователи обычно описывают систему новых медиа четырьмя ключевыми взаимосвязанными процессами (или признаками): конвергенцией, дигитализацией, интерактивностью и принадлежностью данных медиаресурсов к сетевому пространству, а к ключевым принципам формирования и распространения нового медиаконтента относят то, что:

- любой может создавать информацию;
- любая история может быть рассказана и услышана;
- любая информация может получить реальную стоимость;
- любая информация превращается в коммуникацию;
- современная информационная среда скорее подконтрольна пользователю, чем создателю медиаконтента⁴⁷.

Внедрение новейших медиа не только трансформировало функции массовых информационных ресурсов, но и поставило под вопрос дальнейшую целесообразность существования периодических изданий (не только в печатном, но и электронном формате). Во мно-

⁴⁴ *Смеюха В.В.* Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 38–48.

⁴⁵ *Коломиец В.П.* Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 61.

⁴⁶ *Корякина К.А.* Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Электронный научный журнал “Медиаскоп”. 2010. Вып. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 02.08.2023).

⁴⁷ Там же.

гом их функции взяли на себя социальные сети и блоги, работа в которых не предусматривает обязательного наличия специального образования, журналистских навыков, широкая аудитория стала самостоятельно создавать значительный объем информации различной тематической направленности.

В XXI в. человек перманентно пребывает в масс-медийном поле и большую часть информации получает из средств массовой информации, а современная медиасреда существенно расширилась благодаря интеграции с интернетом, социальными сетями и блогосферой а, соответственно и увеличилась степень информационного воздействия на аудиторию⁴⁸. При этом наиболее активными пользователями электронных медиа являются дети и подростки.

По данным авторского исследования практически все опрошенные (98%) считают себя активными пользователями интернета, при этом никто не использует исключительно радио или печатные издания как вид СМИ. Что касается частоты общения в социальных сетях, то 91% респондентов отметил, что часто общаются в социальных сетях, в то время как всего 8% из них редко проводят время за общением в социальных сетях. Более четверти опрошенных (28%) проводят за общением в социальных сетях примерно 1–2 часа в день, а более трети (37%) — 3–4 часа в день. Каждый пятый респондент (20%) тратит на подобное общение 4–6 часов в день, а 14% из них проводит за общением в социальных сетях более 6 часов в день.

Путем трансляции идей, моделей поведения новые медиа в современном обществе становятся “законодателями” в различных сферах социальной жизни, конструируя в общественном дискурсе текущую “повестку дня”, культурные нормы, паттерны, которые в известной степени участвуют в конструировании поведения индивида в отношении здоровья.

В данной связи особо актуализируются проблемы деструктивного влияния новых массмедиа на психическое здоровье личности.

Новые медиа остро ставят проблему разрушения целостности и формирования разрозненности внутреннего мира личности, виртуального сознания, отличительными чертами которого являются клиповость, или коллажность, специфический способ установления логических связей, или гипертекстуальность, возможность работать с различными информационными средами, или “распределенность”, полифоничность⁴⁹.

⁴⁸ Смеюха В.В. Указ. соч.

⁴⁹ Кириллова Н.Б., Пестова А.В. “Виртуальный человек” как феномен новой культурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4. С. 628–641.

Более того, люди «живут и работают как бы в двух различных мирах одновременно... они обладают множественными «личностями» как в физическом, так и в виртуальном мире. Во многом виртуальные личности окажутся превыше всех остальных: следы, которые люди оставляют, будут запечатлены онлайн навеки... то, что мы размещаем в своих постах, пишем в электронной почте и СМС, то, чем делимся в сети, оказывает влияние на виртуальные личности других людей»⁵⁰.

Негативным аспектом, обусловленным частым пребыванием молодых людей в новой цифровой медиасреде, является просмотр в большом объеме нежелательного контента, который включает: непристойные материалы, подробную информацию о физической расправе, совершения самоубийства, сведения о наркотических веществах; добровольную социальную изоляцию: сокращение количества личных встреч, так как большая часть времени уходит на виртуальное взаимодействие на онлайн-платформах, анонимная коммуникация⁵¹. Кроме того, исследования показывают, что в сетевых СМИ чаще всего освещаются такие социальные проблемы детей и подростков, как агрессия, насилие, суицид и преступность⁵².

В значительной степени такая значимая роль средств массовой информации применительно к формированию массовых предпочтений, реакций, ценностных норм и представлений о реальной действительности во многом определяется существующими в современном мире информационными перегрузками, в условиях которых огромные массивы информации не поддаются структурированию и упорядочиванию простым обывателем, в результате чего в его сознании формируется своего рода информационный хаос, а картина мира является максимально фрагментированной, разбитой на бесконечное число смысловых осколков, имеющих порой весьма противоречивый характер⁵³. В результате человек вынужден пользоваться системой сформировавшихся в его сознании стереотипов⁵⁴. Обозначенные проблемы во многом облегчает манипулятивный характер воздействия новых медиа на конструирование представлений о здоровье у молодого поколения⁵⁵.

⁵⁰ Шмидт Э., Козн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют мир людей, модели бизнеса и понятие государства. М., 2013.

⁵¹ Коханная О.Е. Указ. соч.

⁵² Там же.

⁵³ Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125–136.

⁵⁴ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. С. 52.

⁵⁵ См.: Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи.

Так, результаты авторского исследования показали, что хотя наиболее популярным источником, из которого респонденты обычно получают информацию о проблемах, связанных со здоровьем, оказались врачи и медицинские работники (26%), а также близкое окружение и семья, для 18% опрошенных таким источником является публикация в интернете. При этом 10% из них используют социальные сети, а 6% — блоги. По мнению молодежи, наибольшее влияние на формирование представлений о проблемах здоровья и практиках его поддержания на них оказывает собственный опыт (18% ответов), а также социальные сети (17% ответов).

Наиболее интересной темой в интернет-публикациях о здоровье является тема психических проблем, именно такой вариант ответа выбрали 22% респондентов. Для 21% опрошенных наиболее интересной темой является правильно питание, а для 16% из них — фитнес. Наименее интересными для участников опроса являются такие темы, как цифровые медицинские технологии и проблемы с весом (по 8%), косметология и вредные привычки (по 7%), бодибилдинг (4%), нетрадиционная медицина (3%), пластическая хирургия (1%).

Для анализа ответов на открытый вопрос “Какова, по Вашему мнению, роль социальных медиа в формировании различных практик заботы о здоровье среди молодежи в России?” была сформирована схема связи кодов, которая показала взаимосвязь конструктивного влияния социальных медиа с заботой о здоровье, а их деструктивные последствия связаны с влиянием на самооценку респондентов, влиянием на психическое здоровье респондентов, а также пропаганду стандартизации параметров “здорового тела” и моды на внешний облик. Такое деструктивное влияние социальных сетей, по мнению респондентов, отражается на их самооценке, а также способствует формированию комплексов.

Таким образом, новые медиа, по мнению студентов, практически в равной степени несут в себе конструктивный и деструктивный потенциал для здоровья молодежи. В данной связи следует согласиться с тем, что в первую очередь важно отношение людей к высоким технологиям, именно люди на всей планете адаптируют и применяют их в своей жизни сегодня и завтра. Ведущая роль человека в новой цифровой эпохе сохраняется. “При всех возможностях, которые несут компьютерные технологии, их использование во благо или во зло зависит исключительно от людей. Забудьте о захвате власти машинами. Будущее зависит от нас”⁵⁶.

⁵⁶ Шмидт Э., Коэн Дж. Указ. соч. С. 133.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Н. Как молодежь поддерживает свое здоровье в условиях новой нормальности // Портал УрФУ. URL: <https://urgi.urfu.ru/science/ugiehkspertnoe-mnenie/kak-molodezh-podderzhivaet-svoe-zdorove/> (дата обращения: 17.07.2023).

Арсланбекова Э.М., Попова Н.В. Здоровый образ жизни как ценность современной молодежи // Инновационный потенциал молодежи: гражданственность, профессионализм, творчество: сборник научных трудов Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 24 ноября 2020 г.). Екатеринбург, 2020.

Бойцов С.А., Деев А.Д., Шальнова С.А. Смертность и факторы риска развития неинфекционных заболеваний в России: особенности, динамика и прогноз // Терапевтический архив. 2017. № 1.

Буянова Л.В. Формирование здорового образа жизни учащихся как профилактика девиантного поведения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 9.

Володенков С.В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4.

Воробьев Г.А., Гафиятулина Н.Х., Самыгин С.И. Формирование установок на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.

Воронов Н.А. Еда и здоровый образ жизни // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eda-i-zdorovyy-obraz-zhizni/viewer> (дата обращения: 12.07.2023).

ВЦИОМ рассказал, как изменились жизненные ценности россиян. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-rasskazal-kak-izmenilis-zhiznennye-tsennosti-rossiyan/ (дата обращения: 15.07.2023).

Гафиятулина Н.Х. Здоровье молодежи российского общества: социологический анализ неблагоприятных тенденций // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 1.

Гладышева А.А., Кантонист В.С. Здоровый образ жизни глазами молодого человека. URL: <https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/download/613/515> (дата обращения: 12.07.2023).

Государственная программа Российской Федерации “Развитие здравоохранения”. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 1640 (в редакции, введенной в действие с 1 января 2023 года постановлением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2022 года № 2161. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (дата обращения: 15.05.2023).

Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Медиатизация социальной сферы // Сборник PR и СМИ в Казахстане: Сб. научн. трудов. Вып. 9. Алматы, 2017. С. 31–40.

Жилов Ю.Д., Назарова Е.Н. Здоровый образ жизни и его составляющие. М., 2008.

Журавлева И.В. Здоровье молодежи: возможно ли его улучшить? // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.

Журавлева И.В., Петренко Е.С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2.

Здоровье — высшая ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vysshaya-czennost> (дата обращения: 06.07.2023).

Зыков А.В., Чудайкин А.М. Влияние физической культуры на качество жизни // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 2. С. 86–95.

Кириллова Н.Б., Пестова А.В. “Виртуальный человек” как феномен новой культурной цивилизации // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 4.

Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1.

Корякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Электронный научный журнал “Медиаскоп”. 2010. Вып. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (дата обращения: 02.08.2023).

Коханная О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних // Научные труды московского гуманитарного университета. 2022. № 1.

Кузнецова Е.И. Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 154–164.

Лебедева Н.М., Чирков В.И., Татарко А.Н. Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай. М., 2007. С. 145–161.

Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992.

Лобанова Э.Н. Формирование культуры здорового образа жизни // Вестник науки и образования. 2021. № 5.

Маркова Н.В., Рютин С.Г. Здоровье студенческой молодежи: современные тенденции // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 3. С. 168–172. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (дата обращения: 06.04.2023).

Муромцева Г.А., Концевая А.В., Константинов В.В., Артамонова Г.В. и др. Распространенность факторов риска неинфекционных заболеваний в российской популяции в 2012–2013 гг. Результаты исследования ЭССЕ-РФ // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2014. № 13 (6). С. 4–11.

Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2018. № 9 (55). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (дата обращения: 29.06.2023).

О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164534/>

О физической культуре и спорте в Российской Федерации: ФЗ № 329 от 4 декабря 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 50. Ст. 6243 (ред. от 28.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/

Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.

Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. № 3.

Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодежь в системе социально-гуманитарных наук. Монография. М., 2022.

Памятка о ЗОЖ. URL: <http://gkb2-74.ru/pamjatka-o-zozh/> (дата обращения: 02.08.2023).

Почему важно вести здоровый образ жизни. URL: <http://www.virusbol.ru/pages/informatsiya-dlya-naseleniya/zdorovyj-obraz-zhizni> (дата обращения: 02.08.2023).

Смеюха В.В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Вып. 27.

Стратегия развития физкультуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 29 апреля 2023 г.). Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566430492> (дата обращения: 01.08.2023).

Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года // Приложение к приказу Министра здравоохранения № 8 от 15 января 2020 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564215449> (дата обращения: 12. 07. 2023).

Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М., 2013.

REFERENCES

Antonova N. Kak molodezh' podderzhivaet svoe zdorov'e v usloviyah novoj normal'nosti [How young people maintain their health in the new normal] // Portal UrFU. URL: <https://urgi.urfu.ru/ru/science/ugi-ehkspertnoe-mnenie/kak-molodezh-podderzhivaet-svoe-zdorove/> (data obrashcheniya: 17.07.2023) (in Russian).

Arslanbekova E.M., Popova N.V. Zdorovyj obraz zhizni kak cennost' sovremennoj [Healthy lifestyle as a modern value] // Innovacionnyj potencial molodezhi: grazhdanstvennost', professionalizm, tvorchestvo: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (Ekaterinburg, 24 noyabrya 2020 g.). Ekaterinburg, 2020 (in Russian).

Bojcov S.A., Deev A.D., Shal'nova S.A. Smertnost' i faktory riska razvitiya neinfekcionnyh zabolevanij v Rossii: osobennosti, dinamika i prognoz [Mortality and risk factors for the development of non-communicable diseases in Russia: features, dynamics and prognosis] // Terapevticheskij arhiv. 2017. N 1 (in Russian).

Buyanova L.V. Formirovanie zdorovogo obraza zhizni uchashchihsya kak profilaktika deviantnogo povedeniya [Formation of a healthy lifestyle for students as a means of preventing deviant behavior] // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2018. N 9 (in Russian).

Dzyaloshinskij I.M., Dzyaloshinskaya M.I. Mediatizaciya social'noj sfery [Mediatization of the social sphere] // Sbornik PR i SMI v Kazahstane: Sb. nauchn. trudov. Vyp. 9. Almaty, 2017. S. 31–40 (in Russian).

Gafiatulina N.H. Zdorov'e molodezhi rossijskogo obshchestva: sociologicheskij analiz neblagopriyatnyh tendencij [Health of the youth of Russian society: sociological analysis of unfavorable trends] // Vestnik Instituta IAE. 2016. N 1 (in Russian).

Gladysheva A.A., Kantonist V.S. Zdorovyj obraz zhizni glazami mladogo cheloveka [A healthy lifestyle through the eyes of a young man]. URL: <https://ojs.irgups.ru/index.php/mns/article/download/613/515> (data obrashcheniya: 12.07.2023) (in Russian).

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Razvitie zdorovoohraneniya". Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrya 2017 goda N 1640 (v redakcii, vvedennoj v dejstvie s 1 yanvarya 2023 goda postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2022 goda N 2161 [State program of the Russian Federation "Health Development". Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1640 (as amended, put into effect on January 1, 2023 by Decree of the Government of the Russian Federation of November 29, 2022 No. 2161)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/556183184> (data obrashcheniya: 15.05.2023) (in Russian).

Kirillova N.B., Pestova A.V. "Virtual'nyj chelovek" kak fenomen novoj kul'turnoj civilizacii ["Virtual man" as a phenomenon of a new cultural civilization] // Kul'tura i civilizaciya. 2017. T. 7. N 4 (in Russian).

Kohannaya O.E. Cifrovye media kak faktor, provociruyushchij deviantnoe povedenie nesovershennoletnih [Digital media as a factor provoking deviant behavior of minors] // Nauchnye trudy moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2022. N 1 (in Russian).

Kolomiec V.P. Mediasreda i mediapotreblenie v sovremennom rossijskom obshchestve [Media environment and media consumption in modern Russian society] // Sociologicheskie issledovaniya. 2010. N 1 (in Russian).

Koryakina K.A. Aktual'nye formy i modeli novyh media: ot ponimaniya auditorii k sozdaniyu kontenta [Current forms and models of new media: from understanding the audience to creating content] // Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Mediascope". 2010. Vyp. N 1. URL: <http://www.mediascope.ru> (data obrashcheniya: 02.08.2023) (in Russian).

Kuznecova E.I. Fenomen cifrovoj mediatizacii: aksiologicheskij aspekt social'noj kommunikacii [The phenomenon of digital mediatization: an axiological aspect of social communication] // Gumanitarnyj vektor. 2022. T. 17. N 2. S. 154–164 (in Russian).

Lebedeva N.M., Chirkov V.I., Tatarko A.N. Kul'tura i otnoshenie k zdorov'yu: Rossiya, Kanada, Kitaj [Culture and attitude to health: Russia, Canada, China]. M., 2007. S. 145–161 (in Russian).

Lerner M. Razvitie civilizacii v Amerike [Development of civilization in America]. M., Raduga, 1992 (in Russian).

Lobanova E.N. Formirovanie kul'tury zdorovogo obraza zhizni [Formation of a culture of healthy lifestyle] // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2021. N 5 (in Russian).

Markova N.V., Ryutin S.G. Zdorov'e studencheskoj molodezhi: sovremennye tendencii [Health of student youth: current trends] // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2020. N 3. S. 168–172. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37961> (data obrashcheniya: 06.04.2023) (in Russian).

Muromceva G.A., Koncevaya A.V., Konstantinov V.V., Artamonova G.V. i dr. Rasprostranennost' faktorov riska neinfekcionnyh zabolevanij v rossijskoj populyacii v 2012–2013 gg. Rezul'taty issledovaniya ESSE-RF [Prevalence of risk factors for non-communicable diseases in the Russian population in 2012–2013. Results of the ESSE-RF study] // Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika. 2014. N 13 (6). S. 4–11 (in Russian).

Nasedkina N.I. Sushchnost' mediatizatsii kak yavleniya sovremennogo obshchestva [The essence of mediatization as a phenomenon of modern society] // *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn.* 2018. N 9 (55). URL: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/6381> (data obrashcheniya: 29.06.2023) (in Russian).

O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii: FZ N 329 ot 4 dekabrya 2007 g. [On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law N 329 of December 4, 2007] // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii.* 2007. N 50. St. 6243 (red. ot 28.04.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (in Russian).

O Strategii razvitiya zdavoohraneniya v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Ukaz Prezidenta RF ot 6 iyunya 2019 g. N 254 [On the Strategy for the development of healthcare in the Russian Federation for the period until 2025. Decree of the President of the Russian Federation of June 6, 2019 N 254]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72164534/> (in Russian).

Osipova N.G. Social'noe konstruirovanie obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya.* 2016. N 4 (in Russian).

Osipova N.G. Cifrovye manipulyatsii psicheskim zdorov'em sovremennoj molodezhi [Digital manipulation of the mental health of modern youth] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya.* 2023. N 3 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Molodezh' v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk. Monografiya [Youth in the system of social and human sciences. Monograph]. M., 2022 (in Russian).

Pamyatka o ZOZH [Reminder about healthy lifestyle]. URL: <http://gkb2-74.ru/pamyatka-o-zozh/> (data obrashcheniya: 02.08.2023) (in Russian).

Pochemu vazhno vesti zdorovyy obraz zhizni [Why is it important to lead a healthy lifestyle]. URL: <http://www.virusbol.ru/pages/informatsiya-dlya-naseleniya/zdoroviy-obraz-zhizni> (data obrashcheniya: 02.08.2023) (in Russian).

Shmidt E., Koen Dzh. Novyy cifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudej, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv [New digital world. How technology is changing people's lives, business models and the concept of states]. M., 2013 (in Russian).

Smeyuha V.V. Mediatizatsiya obshchestva: problemy i posledstviya [Mediatization of society: problems and consequences] // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki.* 2015. N 18 (215). Vyp. 27 (in Russian).

Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya, profilaktiki i kontrolya neinfekcionnyh zabolevanij na period do 2025 goda [Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population, prevention and control of non-communicable diseases for the period until 2025] // *Prilozhenie k prikazu Ministra zdavoohraneniya N 8 ot 15 yanvarya 2020 g.* URL: <https://docs.cntd.ru/document/564215449> (data obrashcheniya: 12. 07. 2023) (in Russian).

Strategiya razvitiya fizkul'tury i sporta v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (s izmeneniyami na 29 aprelya 2023 g.). Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 noyabrya 2020 goda N 3081-r [Strategy for the development of physical education and sports in the Russian Federation for the period until 2030 (as amended as of April 29, 2023). Approved by Decree of the Govern-

ment of the Russian Federation dated November 24, 2020 No. 3081-r]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566430492> (data obrashcheniya: 01.08.2023) (in Russian).

Volodenkov S.V. Mediatizatsiya i virtualizatsiya sovremennogo prostranstva publichnoy politiki [Mediatization and virtualization of the modern space of public policy] // *Kommunikologiya*. 2016. N 4 (in Russian).

Vorob'ev G.A., Gafiatulina N.H., Samygin S.I. Formirovanie ustanovki na zdorovyj obraz zhizni kak mera profilaktiki deviantnogo povedeniya sredi molodezhi [Formation of an attitude towards a healthy lifestyle as a measure for the prevention of deviant behavior among young people] // *Gum., soc.-ekon. i obshchestv. nauki*. 2019. N 10 (in Russian).

Voronov N.A. Eda i zdorovyj obraz zhizni [Food and healthy lifestyle] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eda-i-zdorovyj-obraz-zhizni/viewer> (data obrashcheniya: 12.07.2023) (in Russian).

VCIOM rasskazal, kak izmenilis' zhiznennye cennosti rossiyan [VTsIOM told how the life values of Russians have changed]. URL: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/vtsiom-rasskazal-kak-izmenilis-zhiznennye-tsennosti-rossiyan/ (data obrashcheniya: 15.07.2023) (in Russian).

Zhilov Yu.D., Nazarova E.N. Zdorovyj obraz zhizni i ego sostavlyayushchie [Healthy lifestyle and its components]. M., 2008 (in Russian).

Zhuravleva I.V. Zdorov'e molodezhi: vozmozhno li ego uluchshit'? [Youth health: is it possible to improve it?] // *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik / Otv. red. M.K. Gorshkov*. M., 2017 (in Russian).

Zhuravleva I.V., Petrenko E.S. Otvetstvennost' individa za zdorov'e: patterny povedeniya [Individual responsibility for health: patterns of behavior] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2023. T. 11. N 2 (in Russian).

Zdorov'e — vysshaya cennost' [Health is the highest value]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vysshey-czennost> (data obrashcheniya: 06.07.2023) (in Russian).

Zykov A.V., Chudajkin A.M. Vliyanie fizicheskoy kul'tury na kachestvo zhizni [The influence of physical culture on the quality of life] // *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana*. 2021. N 2. S. 86–95 (in Russian).

“БОЛЬШАЯ ИГРА”: ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУССКОГО И АНГЛОСАКСОНСКОГО МИРА

С.О. Елишев, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Настоящая статья посвящена осмыслению сущности, определению пространственных и временных рамок, а также описанию наиболее значимых эпизодов развития “Большой Игры” (The Great Game) — политики сдерживания развития России англосаксонскими элитами и державами, насчитывающей уже более двух столетий. Воспринимая Россию как основное препятствие для достижения своей глобальной геополитической гегемонии, англосаксонские элиты и державы активно вели против России масштабные дипломатические, экономические, информационные войны и баталии, военные действия, проводили операции по организации государственных переворотов и “революций”, стремясь уничтожить Россию как действиями извне, так и подрывая ее изнутри.

Автор статьи обращает внимание на происхождение самого понятия “Большая Игра”, а также его употребление в узком и широком смыслах. В узком смысле данное понятие используется для обозначения активного геополитического и экономического противостояния Великобритании и Российской империи за контроль над Центральной Азией на всем протяжении XIX в. (или, по мнению ряда авторов, начиная с 1856 г.) вплоть до 1907 г. В широком — для обозначения глобального геополитического противостояния Англосаксонского и Русского мира с начала XIX в. и продолжающегося по настоящее время.

Автор считает, что трактовка “Большой Игры” в узком смысле является не верной, политически ангажированной и сознательно направленной на сокрытие знаний о “Большой Игре” от массовой аудитории.

Автор рассматривает различные точки зрения отечественных и зарубежных авторов на определение отправной и завершающей точек, временных и пространственных рамок “Большой Игры”. К ярким эпизодам “Большой Игры” он относит: дворцовый переворот 1801 г. — убийство императора Павла I; “Наполеоновские” войны; декабрьский путч 1825 г.; противостояние с Англией в Туркестане, на Кавказе, иных регионах, русско-персидские и русско-турецкие войны, Крымскую войну, русско-японскую войну; Кавказскую войну и события в Средней Азии и Туркестане; финансирование и организацию в Российской империи “пятой колонны”; революционные события 1905–1907 гг.; Первую мировую войну; Революцию 1917 г.; Гражданскую войну в России; поддержку “внутри-

* Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

партийной” оппозиции; привод к власти А. Гитлера в Германии; организацию Второй мировой войны; “Холодную войну”, расчленение СССР; чеченские войны; “цветные революции” на постсоветском пространстве; войну 2008 г. и “принуждение” Грузии к миру; государственный переворот 2014 г., и последующую гражданскую войну на Украине, начало Специальной военной операции.

Ключевые слова: “Большая Игра”, Русский мир, Англосаксонский мир, “Завещание Петра Великого”, историческая Россия.

“THE GREAT GAME”: CONFRONTATION BETWEEN THE RUSSIAN AND THE ANGLO-SAXON WORLD

Elishev Sergey O., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

This article is devoted to understanding the essence, defining the spatial and time frames, as well as describing the most significant episodes of the development of The Great Game — the policy of containing the development of Russia by Anglo-Saxon elites and powers, dating back more than two centuries. Perceiving Russia as the main obstacle to achieving its global geopolitical hegemony, Anglo-Saxon elites and powers actively waged large-scale diplomatic, economic, information wars and battles against Russia, military operations, conducted operations to organize coups d'état and “revolutions”, trying to destroy Russia both by actions from outside and undermining it from within.

The author of the article draws attention to the origin of the very concept of “Great Game”, as well as its use in a narrow and broad sense. In a narrow sense, this concept is used to denote the active geopolitical and economic confrontation between Great Britain and the Russian Empire for control over Central Asia throughout the 19th century (or according to a number of authors, starting in 1856) until 1907. Broadly, to indicate the global geopolitical confrontation between the Anglo-Saxon and Russian world from the beginning of the 19th century and continuing to the present.

The author believes that the interpretation of the “Great Game” in a narrow sense is incorrect, politically biased and deliberately aimed at hiding the knowledge of the “Great Game” from the mass audience.

The author considers various points of view of domestic and foreign authors to determine the starting and final point, time and spatial framework of the “Great Game”. He refers to the vivid episodes of The “Great Game”: the Palace Coup of 1801 — the assassination of Emperor Paul I; “Napoleonic” wars; December putsch of 1825; Confrontation with England in Turkestan, the Caucasus, other regions; Russo-Persian and Russo-Turkish Wars, Crimean War, Russo-Japanese War; the Caucasian War and events in Central Asia and Turkestan; Financing and organization in the Russian Empire of the “fifth column”; Revolutionary events of 1905–1907; World War I; 1917 Revolution; Russian Civil War; Support for “intra-party” opposition; Bringing A. Hitler to power in Germany; World War II organization; “Cold War”, Dismemberment of the USSR; Chechen Wars; “Color revolutions” in the post-Soviet space; The 2008 war and Georgia’s “coercion” to peace; 2014 coup d'état, the subsequent civil war in Ukraine, start of Special Military Operation.

Key words: *“Great Game”, Russian World, Anglo-Saxon World, “Testament of Peter the Great”, Historical Russia.*

Одним из важных и актуальных направлений современных геополитических, политических и исторических исследований является изучение сущности, истории, особенностей и тенденций развития “Большой Игры” или “Великой Игры” — глобального противостояния Англосаксонского и Русского мира, продолжающегося с переменным успехом, начиная с начала XIX в. до настоящего времени.

“Большой Игрой” или “Великой Игрой” (англ. The Great Game) представители единой англосаксонской политической и экономической элиты Англии, США и других держав англосаксонского мира, именовали и продолжают именовать политику сдерживания России в различных сферах ее жизнедеятельности, стремясь на протяжении всего этого времени добиться не только улучшения своих позиций в тех или иных областях или полной своей гегемонии, но расчленения и исчезновения нашего государства и страны с политической карты мира.

Впервые понятие “Большая Игра” в своей переписке употребил офицер британской разведки Артур Конолли, казненный в 1842 г. в Бухаре за шпионаж, но широкое распространение оно получило благодаря известному британскому писателю и поэту, апологету британской колониальной системы Редьярду Кипплингу, популяризовавшему его в своем романе “Ким” в контексте описания противостояния английской и русской разведок в Центральной Азии и на севере Индостана.

В настоящее время само понятие “Большая Игра” употребляется в узком и широком смыслах. В узком смысле оно достаточно широко используется, прежде всего, в англосаксонской историографии и публицистике, а также, хотя и гораздо реже, — в отечественной науке и публицистике. Речь в данном случае идет о различных аспектах геополитического и экономического противостояния Великобритании и Российской империи за контроль над Центральной Азией на всем протяжении XIX в. вплоть до 1907 г., года подписания англо-русского соглашения (от 18 (31) августа) о разграничении сфер влияния в Азии, а также оформления Блока Антанты. Или еще в более зауженных рамках — начиная с 1856 г., т.е. окончания Крымской войны и вплоть до того же 1907 г.

В широком смысле “Большая Игра” не ограничивается обозначенными временными периодами или регионом и трактуется как глобальное геополитическое противостояние Англосаксонского и

Русского мира, стартовавшее с начала XIX в. и продолжающееся и в наши дни. По поводу того, когда началось данное противостояние, среди исследователей существуют разные точки зрения, которые мы обозначим в дальнейшем. Однако анализ особенностей взаимодействия Российского государства с державами англосаксонского мира позволяет с уверенностью сказать, что “Большая Игра” конечно же не была ограничена Центрально-азиатским регионом и, естественно, не закончилась в 1907 г. Она проходила и продолжалась в различных регионах мира как в последующие десять лет существования Российской империи, так и в советский, а также в постсоветский периоды российской истории. Только после 1945 г. ведущей державой англосаксонского мира, вступившей в “Большую Игру”, и не только с Россией, но и целым рядом государств¹, стала уже не Великобритания, а стали США.

Сегодня “Большая Игра” — это инициированные англосаксонской элитой дипломатические, экономические, информационные войны и противоборства, вооруженные конфликты, операции спецслужб по противодействию законным правительствам и осуществлению государственных переворотов и всевозможных “революционных” сценариев в различных государственных образованиях. Все эти действия направлены на закрепление за США и другими державами англосаксонского мира их геополитической гегемонии над миром, а также возрождения распадающегося однополярного мироустройства. Россия в представлениях англосаксонской элиты является основным препятствием в достижении поставленной цели.

В условиях уже состоявшегося перехода от однополярного к многополярному миру, обострения геополитической ситуации в мире, проведения Специальной военной операции, активно ведущихся информационных войн и противоборств, конструирования различных социальных и исторических мифов изучение проблематики, связанной с “Большой игрой”, приобретает еще большую актуальность. Однако ее изучение в настоящее время осложняется привнесением в науку различных идеологем, политтехнологий и методов манипулирования общественным сознанием, закономерно приведших к господству в социально-гуманитарных науках различных западных концепций и формационного подхода к трактовке процессов общественно-исторического развития. В рамках же данного подхода и концепций в силу политической и идеологической ангажированности их апологетов наблюдается либо под-

¹ См. об этом: Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003.

черкнутое игнорирование, отрицание самого факта существования “Большой Игры”, поскольку трактовка “Большой Игры” в широком смысле не вписывается в концепции формационного подхода (чем грешили, например, советские ученые за редким исключением), либо преуменьшение ее значения и необоснованное, чрезмерное ограничение и сужение временных (например, с 1856 по 1907 гг.) и пространственных (исключительно Центральной Азией) рамок ее действия не только англосаксонскими и западными исследователями, но и представителями современного российского “западничества” в его радикально-либеральной и промарксистской левацкой составляющей.

Такого рода подход позволяет, по мнению журналиста А.А. Медведева, с одной стороны, как бы “вывести сам этот термин за рамки современной нам политологии и геополитики”², при этом утверждая, что “Большая Игра — это якобы дело прошлого, она давно закончена, и сегодняшние события на Ближнем Востоке и в Южной Азии (и на Украине — С.Е.) даже как-то нелепо сравнивать с противостоянием России и Британии в 19 веке”³. С другой стороны, “позволяет избежать ненужных вопросов, <...> отсекает лишние и опасные для Запада рассуждения о том, что Большая Игра — это не просто борьба за контроль над территориями в Азии и на Балканах и ведется она не только между Петербургом и Лондоном”⁴, а “речь шла и идет о насчитывающем множество столетий глобальном противостоянии двух систем, двух миров с разными религиозными взглядами, ценностями, отношением к другим народам и восприятием самих себя”⁵.

Естественно, осмысление “Большой Игры” не только как процесса, протекающего исключительно в Центральной и Средней Азии, но и на Кавказе, Дальнем Востоке, в Европе, на окраинах Российского государства, да и в самой России, является также крайне невыгодным и представителям российского “западничества” — радикально-либерального и промарксистского социалистического лагеря, поскольку это сразу выставляет их в неприглядном свете. Ведь фактически на протяжении двух веков “Большой Игры” они выполняли роль деструкторов-антисистемщиков⁶ и “пятой колонны”, являясь фактическим оружием англосаксов в их деятельности,

² Медведев А.А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М., 2016. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 13–14.

⁶ См.: Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018. С. 248–250.

направленной на сдерживание, уничтожение России. В силу этого они закономерно не будут признавать, что “Большая Игра” распространялась на эти пространства, будут отрицать, что она еще не закончилась, и упрекать своих оппонентов в некомпетентности и политической ангажированности.

Тем не менее, как западные, так и российские апологеты подобного подхода все-таки были вынуждены сами признать имеющийся в настоящее время огромный интерес к данной проблематике не только со стороны ученых, “но и практиков — политиков, дипломатов, военных, а также представителей широкой общественности”⁷. В результате “на страницах периодических изданий и в виртуальной информационной среде можно встретить немало публикаций, авторы которых стремятся сопоставить тенденции сегодняшнего дня с наиболее показательными эпизодами соперничества великих держав в различных регионах мира. Неслучайно также в ряде университетов Европы и США студентам читаются учебные курсы по истории Большой Игры в контексте эволюции международных отношений Нового времени”⁸ (Вашингтонский, Колумбийский, Лондонский университеты, Оксфорд, Кембридж, Французская школа восточных языков, университеты Тегерана, Лахора, Ташкента, Дели и Пекина⁹). Естественно, подобного рода аналогии и сопоставления вряд ли бы приходили на ум, а учебные курсы вряд ли бы читались в этих университетах и научных учреждениях, если бы данная тема была не актуальной для современной действительности, “Большая Игра” была бы действительно делом прошлого, и до сих пор бы не продолжалась пусть даже и в закамуфлированной форме (неслучайно ряд исследователей говорят о “Новой Большой Игре”¹⁰ в реалиях XXI в.).

И тут, как бы представители современного российского “западничества” в его радикально-либеральной и промарксистской левацкой составляющей не рассуждали на эту тему, становится понятным, что “Большая Игра” не может просто игнорироваться, быть ограничена узкими пространственными и временными рамками и сводится исключительно к трактовке ее как эпизода российско-британского противостояния в конкретном регионе без анализа всех аспектов англосаксонских и российских взаимоотношений вплоть

⁷ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ См.: Там же. С. 300.

¹⁰ См., например: Хопкирк П. Большая игра. М., 2023. С. 12, 13.

до настоящего времени. В силу чего в этом контексте становится, прежде всего, актуальным выяснение пространственных, временных границ (отправной точки, генезиса) “Большой Игры”, описание ее ярких эпизодов, а также осмысление перспектив ее дальнейшего развития.

Относительно генезиса, отправной точки начала “Большой Игры”, как мы уже отмечали, среди отечественных и зарубежных исследователей существуют разные точки зрения. В основе “Большой Игры”, как справедливо отметил журналист М.В. Леонтьев, первоначально лежал страх англичан потерять колониальные владения в Индии — “жемчужине британской короны”. “Британия была просто уверена — Россия обладает таким могуществом, что в принципе не может не претендовать на Индию. Собственно, это и было единственным основанием британских страхов, временами доходящих до паранойи”¹¹. Хотя, как, наверное, ему заочно возразил бы современный британский журналист Питер Хопкирк, “чтобы не утверждали историки сегодня в ретроспективе, в ту пору русская угроза Индии представлялась вполне реальной”¹².

Поэтому неудивительно, что целый ряд англосаксонских исследователей, в частности, как констатирует Е.Ю. Сергеев “Э. Ингрэм, Д. Морган, М. Эдвардес, П. Хопкирк, К. Мейер и Ш. Брайсэк, Р. Джонсон, а также индийский историк Вишванатам Чавда относят начало Большой Игры ко второй половине XVIII в. Например, Р. Джонсон называет в качестве исходной точки 1757 г., когда англичане приступили к систематическому покорению Индостана, тогда как его коллеги — британские историки — находят истоки этого процесса в эпохе Наполеоновских войн. Скажем, М. Эдвардес указывает на тильзитское свидание российского и французского императоров в июле 1807 г., во время которого, как известно, обсуждался проект совместного комбинированного похода на Индостан по суше и морям. Несколько вариантов датировки начала Игры можно обнаружить в работах Э. Ингрэма — 1798, 1828–1834 или 1828–1842 гг.”¹³.

Э. Ингрэм увязывает начало “Большой Игры” с эпохой Великой французской революции, кульминацией активного англо-французского противостояния за мировую геополитическую гегемонию и сменой Франции, основного соперника Англии, на Россию. «В сво-

¹¹ Леонтьев М.В. Большая Игра. Британская империя против России и СССР. М.; СПб., 2012. С. 9.

¹² Хопкирк П. Указ. соч. С. 26.

¹³ См.: Сергеев Е.Ю. Указ. соч. С. 300.

ем заключительном труде, охватывающем последнюю четверть XVIII — первую треть XIX в., Ингрэм пришел к <...> выводу о том, что Большая Игра была вызвана стремлением британцев навязать остальному Человечеству свои представления об устройстве мира, а затем попыткой избежать последствий провала предпринятых усилий. Чтобы аргументировать эту интерпретацию, британский профессор предложил определить Большую Игру как “изобретение англичан в соавторстве с турками, иранцами, афганцами и сикхами, направленное против русских”»¹⁴.

Российский журналист М.В. Леонтьев, снявший многосерийный документальный фильм о “Большой Игре”, видит ее истоки в успешной для России русско-турецкой войне 1787–1791 гг., во взятии Очакова и в последующем успешном обретении и освоении Новороссии¹⁵. Слова Премьер-министра Великобритании Уильяма Питта-младшего, сказанные им в 1788 г. во время его выступления в британском парламенте, очень хорошо вписываются в эту канву: “Высокомерие русского кабинета становится нетерпимым для европейцев. За падением Очакова видны цели русской политики на Босфоре, русские скоро выйдут к Нилу, чтобы занять Египет. Будем же помнить: ворота на Индию ими уже открыты”¹⁶.

Об этом же периоде в своих работах пишет и британский журналист П. Хопкирк, который утверждал, что именно в 1791 г., российская императрица Екатерина Великая уже “обсуждала тщательно разработанный план по освобождению Индии из крепнущей хватки Великобритании”¹⁷, хотя, впрочем, “дальше обсуждения плана дело не пошло (Екатерину отговорил ее главный министр и бывший любовник, одноглазый князь Потёмкин), но это был первый из длинной цепочки подобных прожектов вторжения в Индию, с которыми русские государи забавлялись еще около столетия”¹⁸.

В то же время П. Хопкирк в своих книгах, посвященных изучению “Большой Игры”, обращает внимание, что в странах Запада, политических, научных кругах, средствах массовой информации крайне популярным является воспроизведение подложного “Завещания Петра Великого”, первого из российских государей, проявившего интерес к возможному продвижению России в Центрально-азиатский регион¹⁹. Следовательно период правления в России

¹⁴ См.: *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 10–11.

¹⁵ См.: *Леонтьев М.В.* Указ. соч. С. 16–17.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 16.

¹⁷ *Хопкирк П.* Указ. соч. С. 43.

¹⁸ Там же.. С. 43–44.

¹⁹ См.: Там же. С. 38.

Петра I также может рассматриваться как одна из отправных точек “Большой Игры”.

Вот что отмечает П. Хопкирк: “Много лет спустя после его кончины (Петра I — С.Е.) в 1725 году по Европе стала упорно циркулировать странная история относительно последней воли Петра. Как утверждали, на смертном одре он тайно велел своим преемникам и последователям осуществить историческую миссию России — а именно добиться мирового господства. Обладание Индией и Константинополем являлось двойным ключом к такому господству, и Петр настойчиво призывал их не успокаиваться до тех пор, пока город и регион не окажутся в русских руках. Самого документа никто никогда не видел, большинство историков считает, что его никогда не существовало. Но трепет и страх перед Петром Великим были столь велики, что временами в этот документ начинали верить и принимались публиковать различные версии его предполагаемого текста. В конце концов легендарное завещание превратилось в своеобразный наказ, оставленный неугомонным и амбициозным гением грядущим поколениям. Последующее движение России в сторону Индии и Константинополя многим представляется достаточным подтверждением этого факта. Вплоть до недавнего времени на Западе были твердо уверены в том, что долгосрочной целью России является мировое господство”²⁰.

Так как всем в настоящее время доподлинно известно, что Петр I не оставил никакого завещания, чем породил в России вкупе с изменением в 1722 г. традиционного порядка наследования знаменитую “Эпоху Дворцовых переворотов”²¹, это распространяемое в странах Запада фальшивое “Завещание Петра Великого”, было очевидно необходимо для того, чтобы идеологически обосновать русофобскую политику Англии и иных западных держав, а также породить миф о “русской угрозе” для всего человечества. Информационные войны активно велись уже в то время. А вброс данной фальшивки в информационное пространство допустил в 1817 г. в своем памфлете “Описание военной и политической мощи России” английский генерал сэр Роберт Томас Вильсон.

П. Хопкирк пишет: «Если потребуется назвать человека, ответственного за создание мифа о русской опасности, им окажется заслуженный английский генерал сэр Роберт Вильсон. Ветеран многих кампаний, обладавший репутацией человека горячего и вспыльчи-

²⁰ Хопкирк П. Указ. соч. С. 42–43.

²¹ См.: Елишев С.О. О сущности современных революций и государственных переворотов. М., 2017. С. 28–33.

вого как на поле боя, так и вне его, он давно и внимательно интересовался делами России. Именно он первым предал гласности известные сейчас слова Александра, когда тот в 1807 году поднимался на борт плота в Тильзите: “Я ненавижу Англию не меньше Вас и готов Вас поддержать во всем, что Вы предпримите против неё”. Один из агентов Вильсона лично слышал эти слова царя»²². В своем памфлете со ссылками на данную фальшивку Р. Вильсон писал, что “воодушевленная своим неожиданным могуществом Россия намерена исполнить пресловутое предсмертное завещание Петра Великого и покорить весь мир. Первой целью русских должен стать Константинополь, а затем последует поглощение остатков обширной, но угасающей империи султана. После этого должен был прийти черед Индии”²³.

Интерес Петра I к Среднеазиатскому и Центрально-азиатскому регионам, выразившийся в неудачной экспедиции 1717 г. под руководством князя А. Бекович-Черкасского в Хиву, конечно же не свидетельствует о наличии у Петра I планов по покорению Индии и угрозе британским колониям. Все такого рода утверждения безусловно являлись надуманными и притянутыми за уши западной пропагандой. Поэтому началась “Большая Игра” явно не в его правление.

Но страх потерять Индию, основу своего благополучия и процветания, стал формироваться у англичан действительно во второй половине XVIII в., которую характеризует широкомасштабная борьба Франции и Англии за мировую геополитическую гегемонию. И шаг за шагом приближая свою победу в этом противостоянии с французами, англичане стали опасаться появления в лице Российской империи нового конкурента в своей борьбе за эту геополитическую гегемонию. Такого рода опасения появились у них, как видно из вышеприведенных цитат, в правление Екатерины II, но они из опасений переросли в явный страх и панику уже в последний год правления в России императора Павла I, когда стало уже явлю прямое и непосредственное военное столкновение Великобритании и Российской империи в союзе с Францией, а значит стартовал и первый раунд — эпизод “Большой Игры”, ее отправная точка. В ответ на целую серию враждебных действий антироссийской направленности Павел I расплатился с англичанами заключением союза с Наполеоном Бонапартом и направил донских казаков в поход на Индию. Реакцией англичан на эти действия Павла I стала организация удачного для них государственного переворота в России 1801 г.,

²² Хопкирк П. Указ. соч. С. 83.

²³ Там же. С. 85.

который можно считать первым, выигранным англосаксами раундом “Большой Игры”, поскольку вектор внешней политики России после этого претерпел существенные изменения.

Впрочем, среди отечественных авторов есть и иные точки зрения. Например, уже упомянутый нами журналист А.А. Медведев считает, что “Большая Игра” “началась не в 1856 году и даже не в Русско-персидскую войну 1812 года, не в день убийства Павла I и не с присоединением Крыма Екатериной II. А началась она — и пусть не согласятся с этим многие историки — в 1612 году, когда охваченное смутой Русское государство едва не стало британской колонией”²⁴. Однако такого рода отсылки к Смутному времени, как, впрочем, и у С.Ю. Порохова к эпохе правления Ивана IV²⁵, по нашему мнению, являются не соответствующими действительности. В эти периоды Россия даже близко не могла соревноваться с англичанами в борьбе за мировую геополитическую гегемонию и соответственно восприниматься англосаксами в качестве основного и опасного соперника.

Однако сам факт наличия такого рода отсылок однозначно, на наш взгляд, свидетельствует о наличии другой крайности в изучении “Большой Игры”: когда некоторые авторы с позиций цивилизационного подхода необоснованно и чрезмерно расширяют временные и пространственные границы “Большой Игры”, фактически отождествляя Англосаксонский мир со всей западноевропейской цивилизацией (великой культурой), а Русский мир — с восточно-христианской (православной) великой культурой. Соответственно трактовка “Большой Игры” в этом понимании фактически сводится к цивилизационному противостоянию, конфликту всего Западного мира с Россией, как имперским государственным образованием и центром восточно-христианской великой культуры, начиная с момента возникновения русского единого централизованного государства, расширения его границ и противодействия этому со стороны различных западных государств. Хотя тут сразу же следует отметить, что державы англосаксонского мира, стоящие в настоящее время во главе “коллективного Запада” в его противостоянии с Россией, к моменту возникновения русского единого централизованного имперского государства, по большей своей части не существовали, а Англия даже близко не занимала таких позиций в Западном мире, только-только начиная свое движение к обретению геополитической гегемонии в противостоянии с различными европейскими державами. В силу чего именовать многовековое ци-

²⁴ Медведев А.А. Указ. соч. С. 14.

²⁵ См.: Порохов С.Ю. Битва империй: Англия против России. М.; СПб., 2008. С. 6–20.

визационное противостояние России с Западной цивилизацией “Большой Игрой” будет не корректно.

“Большая Игра” — термин англосаксонского происхождения, он не характеризует взаимоотношения бывшей западно-христианской (ныне секулярной) и восточно-христианской цивилизаций. “Большая Игра” началась в тот период, повторимся, когда англосаксы стали воспринимать Россию как основного своего конкурента в борьбе за геополитическую гегемонию в мире, что произошло после начала Великой французской революции, когда погруженная в революционный хаос Франция перестала восприниматься ими как главный соперник в борьбе за мировую геополитическую гегемонию. Именно в этот период (правление в России императора Павла I), когда Англия и Россия стояли на грани прямого вооруженного конфликта, “Большая Игра” и началась. И началась она не как конфликт-противостояние всего Запада и России, хотя сейчас и приобрела такого рода характер, так как все западные страны находятся под полным контролем англосаксов.

“Большая Игра” — это противостояние Русского и Англосаксонского миров, разных ценностных систем, мировоззрений, мировосприятия, уклада и образа жизни, форм и типов государств и политических систем. Этот конфликт за мировую геополитическую гегемонию явно не завершился в 1907 г., о чем пишут и многие западные авторы. Кто-то говорит, что “Большая Игра” продолжалась вплоть до 1917 г., «когда большевистское правительство разорвало все прежние дипломатические соглашения. К примеру, американская исследовательница Дженнифер Сигел не склонна рассматривать англо-русскую конвенцию 1907 г. в качестве дипломатического шага, положившего конец Игре. Она указывает на то недовольство, которое выражала часть властных элит, особенно военных, в России и Великобритании по отношению к этому документу, стремясь саботировать выполнение его статей. Сигел пишет, что для обеих стран “соглашение 1907 г. оказалось не решением, а временным мостом над пропастью, которая разделяла британские и русские цели в Центральной Азии”. Характерно, что одна из глав ее книги получила название: “Смерть англо-русского соглашения в 1914 г.”. Близкую изложенной выше оценку можно найти в работе британского историка-востоковеда Аластера Лэмба, который также утверждает, что после 1907 г. “игра не закончилась, хотя и заняла второстепенное место в британском дипломатическом календаре»²⁶. По мнению других исследователей, “Большая Игра” завершилась либо в 1947 г.,

²⁶ См.: *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 19–20.

“когда англичане вынуждены были предоставить независимость государствам на территории полуострова Индостан”²⁷, либо продолжалась весь XX в. до настоящего времени. Как пишет П. Бробст “Большая Игра не завершилась вместе с уходом англичан из Индии в августе 1947 г. Да этого и не ожидали представители ее колониальной администрации”²⁸.

Таким образом, рассмотрев имеющиеся точки зрения на временные и пространственные границы “Большой Игры”, становится целесообразным обозначить наиболее яркие эпизоды и пространства “Большой игры” с целью их обязательного последующего системного и скрупулезного изучения, а также наиболее полного осмысления ее сути. К ним, на наш взгляд, прежде всего относятся:

Во-первых, *дворцовый переворот 1801 г. — убийство императора Павла I*. Убийство императора Павла I, осуществленного в результате заговора и государственного переворота, организованного англичанами и на деньги англичан в 1801 г., стало первым и наиболее заметным эпизодом, начатой ангlosаксами против России “Большой игры”. Англичане были очень напуганы усилением России, ставшей восприниматься ими уже к концу XVIII в., наряду с Францией, в качестве опасной конкурентки в борьбе за мировую геополитическую гегемонию. Тот факт, что император Павел I одобрил идею Наполеона Бонапарта о совместном русско-французском сухопутном походе в Индию, а донские казаки выдвинулись по его распоряжению в сторону Оренбурга для его реализации, заставил их оперативно изыскать средства, организовать из приближенных Павла I и гвардейских офицеров заговор и осуществить их руками физическое устранение враждебного Англии российского императора. Устранение Павла I являлось не только политическим убийством, в результате хорошо спланированного заговора в его окружении, осуществленного под руководством английских спецслужб. Оно в большей степени являлось именно государственным переворотом, в силу того что по результатам его Россия полностью изменила свой вектор внешней политики. Напуганный этим событием император Александр I вынужден был, опасаясь разделить судьбу отца, отменить совместный с Францией поход в Индию, разорвать союзнические отношения с Францией, вступить на стороне англичан и в интересах Англии в череду “наполеоновских войн” и понести из-за этого большие разорения и потери.

²⁷ См.: *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 20.

²⁸ Цит. по: Там же.

Как говорил Наполеон об убийстве Павла I (по счастливой случайности выживший после одновременно с этим организованного на него англичанами покушения в Париже): “Они промахнулись по мне в Париже, но попали в Петербурге”.

Государственный переворот 1801 г. с полным основанием можно было считать последним дворцовым переворотом в Российской империи, при этом организованным и спланированным в значительной степени извне, что выделяет данный дворцовый переворот из череды дворцовых переворотов XVIII в. и на этих основаниях позволяет отделить его от “эпохи дворцовых переворотов”. Для правящей же династии признать факт и причины совершения государственного переворота 1801 г., а также утрату в силу его успешного осуществления определенной части государственного суверенитета, было сопоставимо с потерей лица. Поэтому В.О. Ключевский под воздействием действовавшей цензуры не стремился особенно акцентировать внимание на анализе последствий осуществленного в 1801 г. государственного переворота. А они, как мы понимаем, были существенны. Трагедия 1812 г. (нашествие Наполеона Бонапарта) могла бы не состояться, ведь Павел I был союзником Наполеона Бонапарта.

Вторым эпизодом “Большой Игры” закономерны стали “*Наполеоновские*” войны, не отвечающие интересам России и принесшие нам множество бед (в отличие от насильно втянувшей в них нас Англии).

Затем случился *Декабрьский путч 1825 г.* К сожалению, события 1825 г., особенно в советский период были крайне мифологизированы. Стоит вспомнить, например, фильм “Звезда пленительного счастья”. Путчистам в силу совершенного их женами подвига незаслуженно был придан своеобразный героический ореол, а сам путч именовался “восстанием”. Между тем, как верно охарактеризовал его А.С. Грибоедов, активный участник “Большой Игры” с нашей стороны, лично знакомый с большинством “декабристов”: “Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России. Я говорил им, что они дураки”²⁹. У А.С. Грибоедова не было особых сомнений, кто фактически использовал в своих целях “декабристов” для дестабилизации обстановки в России. В случае победы путчистов планируемые ими преобразования (реформа системы государственного управления, административно-территориальные преобразования, ликвидация профессиональной армии, неподготовленная надлежащим образом реформа по отмене крепостно-

²⁹ А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 269.

го права и др.), несомненно, вызвали бы масштабные и кровавые потрясения, сопоставимые с событиями 1905–1907 гг. или 1917–1921 гг., но только на сто лет раньше. Заинтересована в подобного рода ходе событий была, прежде всего, Англия.

Следующим эпизодом “Большой Игры” стало *противостояние с Англией в Туркестане, на Кавказе и в других регионах (начиная с начала XIX в. условно до 1907 г.)*. Сюда относятся: русско-персидские и русско-турецкие войны, Крымская война, русско-японская война и другие. “Большая Игра закончится, когда все будут мертвы, не раньше”³⁰, — писал Редьярд Киплинг, характеризуя масштабность, долговременность и неразрешенность этого противостояния.

Другими значимыми эпизодами “Большой Игры” стали *Кавказская война и события в Средней Азии и Туркестане*. Речь идет о дестабилизации обстановки и поддержке сепаратистских движений на окраинах Российской империи (на Кавказе, в Польше, иных регионах). Как отмечал один из видных участников “Большой Игры”, английский дипломат и публицист Дэвид Уркварт: “Сопrotивляясь России, кавказские народы оказывают бесценную услугу Англии и Европе. Если русская армия захватит Кавказ, уже никто и ничто не сможет остановить ее победную поступь дальше на юг, восток или запад и помешать царю стать полновластным хозяином в Азии и Европе. Черкесы являются стражами Азии”³¹.

Одновременно с этим англосаксы активно занимались *финансированием и организацией в Российской империи “пятой колонны”* (шла активная поддержка революционных, экстремистских и террористических организаций, тех же сепаратистских движений и оппозиционных англофильских сил). Как справедливо писал об этом И.А. Ильин, «Русская революция подготавливалась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, “идеями” которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева»³².

³⁰ Киплинг Р. Ким // Киплинг Р. Малое собрание сочинений. СПб., 2014. С. 226.

³¹ Цит. по: Леонтьев М.В. Указ. соч. С. 43–44.

³² Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 130.

Знаковым эпизодом “Большой Игры” стали также *революционные события 1905–1907 гг.*, старт которых был обусловлен желанием англосаксов не допустить победы России над Японией в русско-японской войне 1904–1905 гг. В отличие от жестко прагматичных действий большевиков по захвату власти в 1917 г. — захвата стратегических объектов в Петрограде, самого Петрограда, затем Москвы и иных российских городов, с последующим распространением своей власти по всей стране — революционеры в 1905 г. придерживались совсем иной стратегии и тактики. Они явно не стремились взять власть в стране, а хотели только полностью дестабилизировать ситуацию в стране. Обрушить рубль (финансовые аферы Л.Д. Троцкого и А.Л. Парвуса (И.Л. Гельфанда)); посредством забастовок и организации беспорядков парализовать всю транспортную систему и систему путей сообщений и связи (на начальной стадии событий, дабы не допустить переброски на Дальний Восток свежих армейских частей для разгрома Японии); поднять вооруженные мятежи на флоте (в местах его базирования, на броненосце “Князь Потёмкин-Таврический”, дабы не допустить формирования и переброски к берегам Японии новой российской эскадры, уже позднее — на крейсере “Очаков”); организовать беспорядки и мятежи в ключевых регионах Российской империи (например, в Москве, где революционные боевики, вооруженные лучше полицией и многих армейских подразделений, взяли под контроль район Красная Пресня, при этом не стремились захватить власть в самой Москве). Напуганный началом этих революционных событий Николай II согласился на уговоры С.Ю. Витте и подписал позорный и невыгодный для России Портсмутский мир с Японией, полностью устраивавший англосаксов.

После 1907 г. новым важным эпизодом “Большой Игры” стала *Первая мировая война*, в которую Россия оказалась втянутой вопреки своим национальным интересам на стороне Англии и одержать победу в которой благодаря спецслужбам Англии, готовившим в России Февральский переворот 1917 г., одну из первых в XX в. “цветных революций”, и последовавшие затем “революционные события”, мы оказались не в состоянии. Эта война нужна была Англии для решения своих геополитических проблем. Россия и Германия, как ведущие континентальные государства Евразии, стали с легкой руки основоположника британской школы геополитики Дж.Х. Маккиндера восприниматься как основные конкуренты Великобритании и англосаксонского мира в борьбе за геополитическую гегемонию. Поэтому в основу внешнеполитического курса Великобритании, а затем и США, легло предложение Дж.Х. Маккиндера всеми сила-

ми не допускать возникновения русско-германского союза, как и усиления позиций России в странах Азии и Европы. Как этого достигнуть? Ответ был достаточно прост — столкнуть в кровопролитной войне друг с другом двух своих опасных конкурентов, Россию и Германию. А затем, предельно ослабив их, добиться осуществления своих стратегических целей и задач. Как показали события XX в., сделать это ангlosаксам удалось дважды: в 1914 и в 1941 гг. Как точно сказал А.Е. Вандам, “Плохо иметь ангlosакса врагом, а еще хуже иметь его другом”.

Следует отметить, что очень верную оценку событиям данной войны дал Президент РФ В.В. Путин: “Это забытая война. Забыта она понятно почему... Эту войну называли империалистической в советское время. Чем Вторая мировая война отличается от Первой, по сути, непонятно. Никакой разницы, на самом деле нет, но я думаю, что замалчивали ее не потому, что ее обозвали империалистической, хотя речь шла прежде всего о геополитических интересах стран, вовлеченных в конфликт. Замалчивали ее совсем по другим причинам. Мы почти не задумываемся над тем, что произошло. Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества! Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, и замалчивали это, и несли на себе этот крест... Да ведь и цена какая была этого поражения! Что мы потеряли после того, как капитулировали! Огромные территории, огромные интересы страны были отданы, положены непонятно ради каких интересов, ради партийных интересов только одной группы, которая хотела стабилизировать свое положение у власти. Но время прошло, сейчас нужно вернуться к этому, потому что люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты”³³.

Закономерным итогом втягивания России в Первую мировую войну стала *Революция 1917 г.* — еще один эпизод “Большой Игры”. В организации революционных событий 1917 г. четко просматривается ангlosаксонский след. Февралю 1917 г. предшествовало убийство в декабре 1916 г. Г.А. Распутина. Кто бы как ни относился к личности этого, весьма мифологизированного персонажа, следует признать, что это было физическое устранение единственного че-

³³ См.: Ответы на вопросы членов Совета Федерации. 27.06.2012 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15781> (дата обращения: 24.06.2016).

ловека, который благодаря своему воздействию на членов императорской семьи и самого императора, безусловно, отговорил бы его и не допустил бы подписания императором акта об отречении от престола. Заговор с целью убийства Г.А. Распутина, в котором участвовали члены императорской семьи, был организован и осуществлен британскими спецслужбами. Контрольный выстрел в голову Г.А. Распутину совершил офицер британской разведки³⁴. После этого реализации первого “цветного” революционного сценария в России уже ничто не мешало.

Октябрьский же переворот 1917 г. на практике был организован и осуществлен агентом англосаксонских спецслужб и ставленником американского капитала Л.Д. Троцким. Для чего? Для того чтобы уже начавшая трещать по швам Россия не могла получить положенных ей преференций от участия в Первой мировой войне. По имеющимся соглашениям между державами блока Антанты, по результатам победы в войне с Германией, Австро-Венгрией и Турцией Россия претендовала на Константинополь и должна была его получить, а также на черноморские проливы и еще некоторые территории. В этих соглашениях при этом содержалось одно условие: если участник блока Антанты без согласия с союзными державами заключит сепаратный мир с противоположной стороной, он автоматически лишался всех возможных преференций. В этом контексте вполне понятно, почему приход к власти большевиков, стремившихся заключить сепаратный мир с Германией, отказывавшихся от исполнения обязательств имперского правительства, был выгоден англосаксам. После заключения Брестского мира, акта национального предательства большевиков ради обретения власти, у них были развязаны руки в плане неисполнения имевшихся обязательств по отношению к России как к государству, понесшему наиболее масштабные потери в этой войне.

Правда, как показали последующие события, В.И. Ленин обманул ожидания своих зарубежных “кураторов”. Вместо того чтобы стать временной, промежуточной фигурой, оказавшейся во главе расчленяемой на части России, он решил сам определять свою судьбу. Не стал уходящим “мавром, сделавшим свое дело”, а активно принялся утверждать большевистскую власть, выходя за рамки отведенной ему роли, занимаясь строительством первого в истории “государства рабочих и крестьян”. Подобные действия с его стороны обусловили как последующее покушение на него, так и борьбу

³⁴ См.: Кто убил Распутина. BBC: Who Killed Rasputin? 2005. Русский перевод. URL: <http://1bbc.co/dok/bbc/171-bbc-kto-ubil-rasputina-bbc-who-killed-rasputin-2005.html> (дата обращения: 24.06.2016).

с большевиками иных “революционных” партий и организаций, полностью подконтрольных своим зарубежным спонсорам и кураторам.

Вслед за Революцией 1917 г. следующим эпизодом “Большой Игры” стала *Гражданская война в России*. Не допустить возрождения сильной российской государственности, пусть и большевистского типа, ангlosаксы попытались посредством организации Гражданской войны в России (напомним, что активная ее фаза началась с мятежа чехословацкого корпуса, подчинявшегося Антанте), а также интервенции против Советской России. Ангlosаксонские политические и экономические элиты, реализуя в отношении России “стратегию Анаконды”, стремились отторгнуть от России ее береговые пространства и расчлениить на ряд мелких, подконтрольных им государственных образований.

Как явствовало в 1919 г. из программы американского президента Вудро Вильсона (Архив полковника Хауса, советника по национальной безопасности президента США В. Вильсона), “Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу русских народов”³⁵.

Не добившись расчленения России по ходу Гражданской войны и интервенции, ангlosаксонские элиты сделали ставку на *поддержку “внутрипартийной оппозиции” в СССР* (новый эпизод “Большой Игры”, но уже в советский период российской истории), противодействуя попыткам И.В. Сталина построить социализм в отдельно взятой стране. Осуществление на практике концепции “экспорта революции” лидера “внутрипартийной” оппозиции Л.Д. Троцкого, ставленника ангlosаксонских элит и спецслужб, закономерно привело бы к использованию российских ресурсов как базы для осуществления “перманентной революции”, что в послевоенных условиях и состоянии разрухи неминуемо привело бы “первое государство рабочих и крестьян” к краху.

Однако в ходе внутрипартийной борьбы победил И.В. Сталин, добившись в 1929 г. высылки Л.Д. Троцкого из СССР. Именно с 1929 г. начинается единоличное правление И.В. Сталина в СССР. Придя к власти, он тут же взял курс на индустриализацию страны, превращение СССР в промышленно развитую державу — конкурента ведущих индустриальных стран Запада.

Закономерным ответом на это со стороны ангlosаксов стал новый эпизод “Большой Игры” — *привод к власти в Германии А. Гит-*

³⁵ Цит. по: Леонтьев М.В. Указ. соч. С. 163–164.

лера. Привод к власти Гитлера являлся своеобразным геополитическим проектом англосаксонских политических и экономических элит³⁶. Этот проект вступил в активную фазу в 1929 г. после поражения “внутрипартийной” оппозиции в СССР и высылки Л.Д. Троцкого из СССР, на фоне разразившегося вслед за этим Всемирного экономического кризиса. К власти буквально за уши начинают вести политика, англофила и русофоба, который, оказавшись у руля власти, неминуемо начнет войну с СССР, зримо превращающимся в могучую индустриально развитую державу, конкурента англосаксонских государств. Политика радикальных и фанатичных убеждений, который будет идти до конца и своими преступлениями надолго дискредитирует образ Германии и ее народа в глазах всего мирового сообщества.

Выходец из социальных низов, не гражданин Германии до 1932 г., фактически гастарбайтер-мигрант, “приходит” к власти в стране, где среди его конкурентов были весьма видные государственные и политические деятели Веймарской республики, превосходящие его на голову. “Приходит” для того, чтобы развязать войну, одержать окончательную победу в которой он будет не в состоянии, а уже потом от него можно легко избавиться. Например, посредством организации военного заговора и последующего устранения “мавра, сделавшего свое дело”. В этом контексте становится понятным высказывание другого ставленника англосаксонского капитала, Л.Д. Троцкого: “Без Сталина не было бы Гитлера!”

Англофильскую и русофобскую ориентации А. Гитлера наглядно иллюстрируют следующие две его цитаты из “Майн Камф”: “Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены”³⁷.

³⁶ См., подробнее: *Елишев С.О.* Обыкновенный нацизм: гитлеризм как геополитический проект англосаксонской элиты // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 1–2 (144–145). С. 48–58.

³⁷ Цит. по: *Стариков Н.В.* Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? СПб., 2012. С. 45.

И еще: “Англия представляет собою величайшую мировую державу”, “союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе”³⁸.

Именно благодаря поддержке англосаксонской элиты в Германии возник первый в мировой истории нацистский режим — правый вариант тоталитаризма. Следует также отметить, что нацистские проекты могут быть реализованы только при активной поддержке извне (например, то, что мы сейчас наблюдаем на Украине). В государствах, не находящихся под внешним управлением и обладающих всей полнотой государственного суверенитета, никто никогда к власти отморозков-нацистов не допустит.

Затем англосаксы приступили к действиям, направленным на *разжигание Второй мировой войны* — еще одного знакового эпизода “Большой Игры”. Поставив А. Гитлера во главе Германии, страны англосаксонского мира и их союзники отдавали А. Гитлеру страну за страной, укрепляя мощь Третьего Рейха, максимально способствуя милитаризации экономики Германии, а также продвижению границ Третьего Рейха к границам Советского Союза.

А. Гитлер начиная с 1933 г. и до 1939 г., на протяжении всех этих лет, несмотря на преследования евреев, цыган, инакомыслящих, многочисленные нарушения условий Версальского мирного договора, агрессивную внешнюю политику, преступления и свои нацистские убеждения, оставался вполне “рукопожатным” политиком для государственных и политических деятелей англосаксонского мира и их союзников. “Плохим парнем” он стал в 1939 г., когда попытался вести самостоятельный курс внешней политики, и им был подписан Советско-германский договор о ненападении, который подчиненные англосаксам СМИ окрестили “Пактом Молотова-Риббентропа”. Стремясь стать полноправным партнером англосаксонских держав, он невольно для себя вступил с ними в нежелательную для него конфронтацию, оптимальным выходом из которой, как ему нашептывали на ухо, являлось бы начало войны с СССР. Англофил А. Гитлер, с его нацистскими убеждениями и русофобией, слишком желал во все это поверить. Поэтому все-таки пошел на поводу у англосаксов и развязал 22 июня 1941 г. войну с Советским Союзом.

Интересно, как прокомментировали это событие некоторые видные представители англосаксонской элиты. Например, сенатор США, будущий президент США Гарри Трумен (в ин-

³⁸ *Стариков Н.В.* Указ. соч. С. 47.

тервью газете “Нью-Йорк Таймс” от 24 июня 1941 г.): “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях”³⁹. Рандольф Черчилль, сын Уинстона Черчилля: “Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом”⁴⁰.

22 июня 1941 г. стало отправной точкой завершения геополитического проекта англосаксонской элиты под наименованием “Адольф Гитлер”. Именно ради событий этого дня его буквально за уши привели к власти, укрепляли новую немецкую государственность, играли с ним “в поддавки” и толкали к осуществлению прописанной для него в сценарии Второй мировой войны роли “мавра” — агрессора. Не допустить к власти, остановить реализацию его агрессивных замыслов могли на протяжении многих лет, на любой из стадий. Но этого сделано не было. Когда же у него появилась боеспособная армия, сделать это стало сложнее, хотя свою роль в этом эпизоде “Большой Игры” он все же отыграл. Тем не менее, мужество и героизм русского народа и других народов СССР не позволили ни ему, ни англосаксонской элите оставить этот раунд “Большой Игры” за собой⁴¹.

После уничтожения гитлеризма стартовал следующий раунд “Большой Игры” в виде всем известной “Холодной войны”, которую многие ученые и публицисты называют Третьей мировой или Информационной войной. “Холодная война” — состояние напряженной военно-политической конфронтации между СССР и странами Варшавского договора, с одной стороны, и западными странами, блоком НАТО — с другой, в период с 1946 г. до конца 1980-х гг.

С момента начала “Холодной войны” американцами были разработаны стратегические планы ведения “Холодной войны” против СССР. Это были план директора ЦРУ Аллена Уэлша Даллеса (1893–1969) и теория “политики сдерживания” американского дипломата и политолога Джорджа Фроста Кеннана (1904–2005), разработанная им во второй половине 40-х гг. XX в.

План А. Даллеса представлял собой план уничтожения Советского Союза изнутри через подрывную пропаганду и приход к вла-

³⁹ New York Times. 1941.24.06.

⁴⁰ Цит. по: Краминов Д. Правда о втором фронте. Петрозаводск, 1960. С. 30.

⁴¹ См.: Елишев С.О. Обыкновенный нацизм... С. 48–58.

сти либерально-демократической прозападной “пятой колонны”, который был осуществлен на практике в ходе “Холодной войны”, а затем — “перестройки”. Теория “политики сдерживания” Д. Кеннана в рамках атлантизма основывалась на предпосылках о необходимости наращивания военной мощи как гарантии ненападения со стороны СССР, а также невозможности достижения поставленных стратегических целей в противоборстве сверхдержав военным путем. В условиях наличия у СССР ядерного оружия (как мощного фактора сдерживания от взаимно-гарантированного уничтожения друг друга и всего живого в случае ядерного конфликта между сверхдержавами) Д. Кеннан предлагал посредством наращивания геоэкономической и военной мощи ограничить и замкнуть в узком геополитическом и геоэкономическом пространстве влияние СССР, доведя ситуацию до последующего краха СССР.

В 1991 г. в результате успешной реализации Плана А. Даллеса и предательства высшего руководства государства был расчленен СССР. Расчленение СССР стало знаковым эпизодом “Большой Игры”. СССР был расчленен на 15 искусственно созданных государственных образований по условно и произвольно очерченным административно-территориальным границам субъектов в его составе. Фактически это был преступный акт произвола со стороны группы высокопоставленных чиновников, сопоставимый с действиями Семибоярщины в эпоху Смуты.

После расчленения СССР в России сложилась катастрофическая ситуация. Историческая Россия, как страна, оказалась разделенной между несколькими государствами. В настоящее время территории компактного проживания русских отнюдь не ограничиваются территорией Российской Федерации. Российская Федерация является всего лишь одним из ряда государственных образований, возникших на территории нашей страны после расчленения СССР. У русской нации не стало своего собственного полноценного государства. Русский народ оказался в положении фактически “разделенной”, расчлененной нации. Во всех этих 15 государственных образованиях политические и экономические системы были взяты под жесткий контроль англосаксонской элитой, поставившей следить за управлением этими территориями свою колониальную администрацию из бывших партократов, бюрократов и компрадорской буржуазии. Это справедливо подчеркнул в своей знаменитой “крымской речи” В.В. Путин, описывая данную ситуацию: “Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в

бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделенным народом в мире”⁴².

Оценивая последствия расчленения СССР, известный американский геополитик Зб. Бжезинский констатировал, что: “Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария — Соединенных Штатов — в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы”⁴³. При этом, как считает Зб. Бжезинский, “жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке”⁴⁴.

В этом контексте неудивительно, что несмотря на практически полный контроль над политической и экономической ситуацией в России англосаксонские элиты планировали дать старт очередному “параду суверенитетов” по расчленению уже самой Российской Федерации.

Следующим эпизодом “Большой Игры” стали *Чеченские войны*. На Северном Кавказе, как неотъемлемой части Исторической России⁴⁵, с расчленением СССР разразилась череда межэтнических конфликтов и геноцид Дудаевским режимом русского населения в Чечне. Англосаксонские политические элиты попытались превратить Северный Кавказ, и прежде всего Чечню и Дагестан, посредством организации Первой и Второй Чеченских кампаний, в тот регион, с которого стартует очередной “парад суверенитетов” — дальнейшее расчленение Российской Федерации на более мелкие государственные образования.

Как справедливо отметил в свое время Р.А. Кадыров, “Сегодня ни для кого не является секретом, что Советский Союз расчленили вопреки воле народа. На Западе решили, что нельзя на этом останавливаться. Следует разжечь пожар локальной войны, который

⁴² Путин В.В. Обращение Президента Российской Федерации от 18.03.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 20.11.2016).

⁴³ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010. С. 12.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ См., подробнее: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия: территория и перспективы. М., 2020.

охватит все новые регионы и приведет как минимум к ослаблению России, а возможно, и к ее развалу... ставка делалась и на то, что, спровоцировав войну в Чечне, удастся придать ей характер межрелигиозного конфликта, вовлечь в нее регионы с мусульманским населением, далее по цепочке вызвать массовые беспорядки в стране на межнациональной почве... Запад поставил задачу, а тогдашнее руководство России сознательно или неосознанно пошло на поводу и позволило придать локальному конфликту характер национальной трагедии. Да, это была трагедия общенационального масштаба для всей России... Сегодня весь мир видит, что не было в Чечне межрелигиозной войны. Была попытка начать процесс развала России. Чеченский народ огромной ценой при поддержке руководства России сорвал эти планы”⁴⁶.

Северный Кавказ в целом, и Чечня в частности, снова стал одной из арен ведения против России “Большой Игры” со стороны англосаксонской элиты. Эти войны, а также попытки создания “Имарата Кавказ”, являлись своеобразным сепаратистским геополитическим проектом англосаксов по организации новой Кавказской войны, дестабилизации обстановки в регионе, расчленению Российской Федерации. Когда же благодаря действиям В.В. Путина этот проект потерпел неудачу, “пятая колонна” в России снова попыталась его перезапустить посредством попыток организации очередной цветной революции, вбрасывания сепаратистских лозунгов “Хватит — кормить Кавказ!” и, фактически, подспудным разжиганием межнациональной розни. Представители “пятой колонны”, подчеркнуто не замечая очевидного, манипулируя фактами и не признавая, что Кавказ, где русское население в процентном соотношении составляет большинство, является частью Исторической России, фактически, являются марионетками, способствующими реализации очередных планов англосаксов по сдерживанию и расчленению России.

Очередным эпизодом “Большой Игры” в постсоветский период истории России стали *“Цветные революции” на постсоветском пространстве*. В 90-е гг. XX в. Российская Федерация не обладала всей полнотой государственного суверенитета, находясь фактически под внешним управлением Вашингтона. Но после прихода к власти В.В. Путина ситуация в Российской Федерации начала меняться в лучшую сторону. Несмотря на значимое противодействие В.В. Путин взял курс на обретение Российской Федерацией всей

⁴⁶ Цит. по: Первой чеченской войне — 15 лет. Кадыров винит во всем Запад // Официальный сайт NEWSRU.COM. URL: <http://www.newsru.com/russia/11dec2009/chеченwar.html>

полноты государственного суверенитета, добившись в этом значимых успехов.

Заслуги В.В. Путина состоят в том, что он:

- во-первых, взял курс на централизацию власти и укрепление государственности, стабилизировав тем самым обстановку в стране;
- во-вторых, не допустил “парада суверенитетов” и реализации сценария дальнейшего расчленения РФ, ликвидировал опасные очаги сепаратизма, успешно завершил многолетний вооруженный конфликт в Чечне;
- в-третьих, поднял знамя борьбы за переход от однополярного мира к миру многополярному, сплотив вокруг РФ множество государств, недовольных американской, англосаксонской гегемонией в мире. Иными словами, возродил курс независимой внешней политики России, тем самым подняв престиж РФ на международной арене;
- в-четвертых, добился воссоединения Крыма и Севастополя с РФ, положив начало процессу воссоздания целостности Исторической России. Поддерживал и признал ДНР и ЛНР. Начал Специальную военную операцию на Украине с целью прекращения геноцида русского населения на Украине и ее денацификации и демилитаризации.

Тем самым В.В. Путин предпринял все возможное, чтобы РФ обрела всю полноту государственного суверенитета, в том числе и в информационно-пропагандистской сфере. Была запущена конституционная реформа, отменяющая примат международного права над национальным, а также созданы структуры, которые также стали доводить до иностранных граждан альтернативную точку зрения⁴⁷.

Деятельность В.В. Путина в этих направлениях вызвала активное противодействие со стороны Запада и подконтрольных ему представителей “пятой колонны”, стремящихся не допустить возрождения России, саботирующих многие решения Президента. Еще в 1996 г. в интервью “Открытому институту медийных исследований”, Зб. Бжезинский отметил следующее: “Если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником”⁴⁸. На протяжении всех этих лет бескомпромиссной

⁴⁷ Например, телеканал RT — Russia Today.

⁴⁸ Бжезинский Зб. Россия как империя. URL: http://azer.com/aiweb/categories/topics/Quotes/quote_brzezinski.html (дата обращения: 28.06.2016).

борьбы В.В. Путина с англосаксами и “пятой колонной” за обретение РФ всей полноты государственного суверенитета англосаксы стремились не допустить развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве посредством успешной или безуспешной организации в нем череды “цветных революций”.

Одновременно с этим шла подготовка к осуществлению подобного рода “цветного” революционного сценария и в самой Российской Федерации (в 2007 г., в 2011–2012 гг., в 2016 г., 2018 г. и 2020–2021 г.), а генеральной репетицией готовящегося к осуществлению в Российской Федерации очередного революционного сценария стал государственный переворот на Украине в 2014 г.

Закономерным результатом череды “цветных революций” на постсоветском пространстве стал новый эпизод “Большой Игры” — *Война 2008 г. и “принуждение” Грузии к миру*. После осуществления одной из “цветных революций” на постсоветском пространстве (так называемой “революции роз”) к власти в Грузии в 2004 г. американцы привели своего очередного ставленника — М. Саакашвили. Последний стал предпринимать все меры для того, чтобы не только исключить Грузию из интеграционных процессов на постсоветском пространстве, но и сделать ее агрессивным проводником политики англосаксов в регионе. Создавая милитаризованное государство, М. Саакашвили приложил все усилия для того, чтобы Грузия стала членом блока НАТО, а затем дестабилизировать ситуацию на Кавказе у российских границ.

Под предлогом восстановления территориальной целостности Грузии во время Олимпийских Игр 2008 г. он фактически “разморозил” два межнациональных конфликта в регионе (осетино-грузинский и грузино-абхазский конфликты). Однако целью агрессии режима Саакашвили стали не только осетинский и абхазский народы, но и Российская Федерация и русский народ. Проведя своеобразный “блицкриг” в Южной Осетии, а затем и в Абхазии, Саакашвили стремился поставить Российскую Федерацию перед свершившимся фактом захвата этих территорий, доказав “неспособность” Российской Федерации защитить своих союзников в регионе, а также “несовременность” и “небоееспособность” ее армии. Поэтому объектом агрессии был выбран также и российский миротворческий батальон, мешавший реализации этих планов. Если бы они удались, была бы полностью дестабилизирована ситуация не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, а репутации Российской Федерации, как сильного государства, был бы нанесен непоправимый ущерб. Российская Федерация ходом событий была вынуждена начать операцию по “принуждению к миру” режима Саакашвили.

При этом характерно, что действия России по “принуждению к миру” режима Саакашвили были естественно-одобрительно восприняты как в самой России, так и в “незападном” мире, поскольку в них многие усмотрели возможный поворот-возвращение России к традиционной имперской политике защиты “малых” народов (осетин и абхазов) от притеснения их народами “средними”, более крупными (грузинами). Абхазия и Южная Осетия, как государства, пусть и никем непризнанные, по факту являются частью Исторической России и Русского мира, развивая активные союзнические взаимоотношения с Российской Федерацией.

По ходу этого недолгого по времени конфликта западные государства активно поддерживали режим Саакашвили по дипломатической, политической, военной и экономической линиям. В западных СМИ разгорелась откровенно русофобская кампания, направленная на дискредитацию Российской Федерации в глазах западноевропейских обывателей. На государственных деятелей Российской Федерации и саму Российскую Федерацию были вылиты целые потоки лжи и искусно разжигаемой ненависти. Однако ни сам М. Саакашвили, ни его хозяева, поставленных перед собой целей так и не достигли.

Следующим знаковым эпизодом “Большой Игры” стали *Государственный переворот 2014 г. и последующая гражданская война на Украине*. В процессе противодействия развитию интеграции на постсоветском пространстве особое внимание англосаксы традиционно уделяли Украине.

Как говорил З. Бжезинский, “Без Украины Россия перестает быть евразийской империей”⁴⁹. В 1999 г. по случаю присвоения звания почетного гражданина г. Львова Зб. Бжезинский сказал также следующее: “Задание нашего американо-украинского консультативного комитета — перспективное планирование в отношениях США — Украина. Моя роль, как лидера этого комитета, сводится к тому, чтобы еще глубже заниматься делами будущего развития Украины во имя интересов Америки. Важно то, чтобы Украина постоянно и последовательно шла на Запад, ибо, если она этим будет пренебрегать и не определится, как средневропейское государство, ее будут втягивать в сферу влияния России. Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России. Украина для нас — это форпост Запада”⁵⁰.

⁴⁹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска... С. 63.

⁵⁰ Цит. по: Бжезинский вразумляет малороссию (Кириллов Ю. г. Львов, “Севастопольская правда”) // Газета “Дуэль”. 1999. Февраль. № 5.

После осуществления под руководством США и их союзников государственного переворота на Украине в 2014 г. и привода к власти нацистов, Украина, как государство, затрепала по швам, показав свою нежизнеспособность, оказавшись в состоянии перманентного хаоса, смуты, гражданской войны, геноцида русских и подготовки к вторжению на территорию Российской Федерации, разменной монетой Запада в противостоянии с Россией.

На территории еще подконтрольной киевской хунте при активной поддержке извне происходило создание очередного, третьего в мировой истории, нацистского режима, правого варианта тоталитаризма (первым был режим А. Гитлера в Германии, когда Гитлер буквально “силком” был приведен к власти англосаксами, вторым — режим Б. Муссолини в Италии, образца 1944 г., когда Гитлер вызволил Муссолини из тюрьмы и тот пытался создать при поддержке Германии нацистскую республику САЛО на территории Италии).

Параллели происходящих на Украине событий с гитлеровской Германией более чем очевидны:

1. Приход, а вернее привод к власти нацистов при активной поддержке извне и активном финансировании из-за рубежа. Красочной и символичной иллюстрацией этого являлась раздача печенек В. Нуланд на Майдане.
2. Преследование оппозиции. Запрет оппозиционных партий. Политика террора в отношении своих оппонентов.
3. Установление единой идеологии — украинизма. Запрет иных идеологий. Героизация украинского нацизма. Пропаганда этой идеологии в массах.
4. Легализация нацистских отрядов (так называемых “тербатов” и “нацбатов” — карательных батальонов, своеобразных “эскадронов смерти”).
5. Стремление развязать войну, которая “все спишет”, втянув в нее Российскую Федерацию. Геноцид русского населения и массовые военные преступления (в том числе и уничтожение Боинга).
6. Аналогия в судьбах некоторых персонажей: Э. Рэм — А. Мухоморова.

Но несмотря на данные сходства и исторические параллели налицо и определенная разница сопоставляемых событий: в Германии не было вооруженного сопротивления нацистам. В Новороссии оно возникло. Речь идет о феномене “Русской Весны”. Стоит также отметить, что война в Новороссии в чем-то напоминает конфликт в Испании 1936–1939 гг.

Нацистский переворот на Украине по замыслу его организаторов должен был стать репетицией “майданного” сценария в самой Москве. Здесь долго готовился государственный переворот по тому же сценарию. Попытки его осуществления были предприняты в 2007 и 2011–2012 гг. и осуществлялись они по шаблону методички Джина Шарпа, будучи приуроченными к очередным избирательным кампаниям по выборам депутатов Государственной Думы ФС РФ и Президента РФ. Очевидно, что и избирательная кампания 2016 г. по выборам депутатов Государственной Думы ФС РФ и избирательная кампания по выборам Президента РФ 2018 г. также были неуспешно использованы ими для запуска подобного сценария уже в Российской Федерации. К повторению подобного рода действий надо быть готовыми тем более, что такого рода попытки осуществления государственных переворотов были предприняты в Белоруссии в 2020 г. и в Казахстане в январе 2022 г.

Начало Специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. буквально на дни опередило нападение укро-нацистов, поддерживаемых всем “коллективным Западом” и Блоком НАТО на ДНР и ЛНР. Если бы она вынуждено не началась, последствия могли бы стать для России и русского народа катастрофическими. Уничтожение ДНР и ЛНР, геноцид русского населения с последующим наступлением “укро-вермахта” на Крым должны были, по замыслу англосаксов, дестабилизировать ситуацию в России, вызвав наступление новой Смуты и запуск нового “майданного” сценария внутри России. Президент РФ В.В. Путин принял самое верное решение, спутав планы англосаксов и их сателлитов, защитив русских людей. В Россию вернулась еще одна часть ее исторических земель. Процесс воссоединения земель Исторической России активно продолжается по ходу закономерно затянувшихся военных действий фактически со всем блоком НАТО. Несмотря на имеющиеся трудности и жертвы этот раунд “Большой Игры” будет явно не за англосаксами. Украина будет денацифицирована и демилитаризована. Но следом за Украиной может полыхнуть Казахстан или другие окраины Исторической России: англосаксы продолжают и непременно будут гадить. До окончания “Большой Игры” далеко, и к этому надо быть готовыми.

Как писал и говорил в свое время император Александр III, “У России нет друзей. Нашей огромности бояться”⁵¹, “У России есть

⁵¹ Завещание Государя Императора Александра III Наследнику. URL: <http://samoderjaviye.ru/zaveshanie-Alexandra-III> (дата обращения: 29.06.2016).

только два союзника: ее армия и флот”. Учитывая бесконечную череду уже организованных и организуемых англосаксонскими спецслужбами государственных переворотов и “революций” во всем мире, в том числе и в России, актуально и необходимо последнюю фразу императора несколько перефразировать и дополнить: у России есть только три союзника — ее армия, флот и спецслужбы. Однако помимо этих союзников у российской элиты и простых русских людей должно быть системное знание о действиях англосаксов, а также понимание сути, ведущейся более двух веков англосаксами против России “Большой Игры”. В информационную эпоху это знание становится оружием, которое поможет нам взять реванш за ряд проигранных раундов “Большой Игры” и восстановить целостность Исторической России. Знание о “Большой Игре” — это сила, власть и оружие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929.
Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., 2010.
Елишев С.О. Обыкновенный нацизм: гитлеризм как геополитический проект англосаксонской элиты // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2016. № 1–2 (144–145). С. 48–58.
Елишев С.О. О сущности “современных революций” и государственных переворотов. М., 2017.
Елишев С.О. Политика. Базовые понятия. М., 2018.
Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Книга 1. М., 1993.
Киплинг Р. Малое собрание сочинений. СПб., 2014.
Леонтьев М.В. Большая Игра. Британская империя против России и СССР. М.; СПб., 2012.
Медведев А.А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М., 2016.
Осипова Н.Г., Елишев С.О. Историческая Россия: территории и перспективы. М., 2020.
Порохов С.Ю. Битва империй: Англия против России. М.; СПб., 2008.
Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
Стариков Н.В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина? СПб., 2012.
Хопкирк П. Большая игра. М., 2023.
Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения. М., 2012.

REFERENCES

- A.S. Griboedov v vospominaniyah sovremennikov [A.S. Griboyedov in the memoirs of his contemporaries]. M., 1929 (in Russian).

Bzhezinskij Zb. Velikaya shahmatnaya doska. Amerikanskoe prevoskhodstvo i ego geostrategicheskie imperativy [Great chessboard. American superiority and its geostrategic imperatives]. M., 2010 (in Russian).

Elishev S.O. Obyknovennyj nacizm: gitlerizm kak geopoliticheskij proekt anglo-saksonskoj elity [Ordinary Nazism: Hitlerism as a geopolitical project of the Anglo-Saxon elite] // *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*. 2016. N 1–2 (144–145). S. 48–58 (in Russian).

Elishev S.O. O sushchnosti "sovremennykh revolyucij" i gosudarstvennykh perevotov [On the essence of "modern revolutions" and coups d'état]. M., 2017 (in Russian).

Elishev S.O. Politika. Bazovye ponyatiya [Policy. Basic concepts]. M., 2018 (in Russian).

Hopkirk P. Bol'shaya igra [The Big Game]. M., 2023 (in Russian).

Il'in I.A. Nashi zadachi [Our tasks] // *Sobr. soch.: V 10 t. T. 2. Kniga 1*. M., 1993 (in Russian).

Kipling R. Maloe sobranie sochinenij [Small collected works]. SPb., 2014 (in Russian).

Leont'ev M.V. Bol'shaya Igra. Britanskaya imperiya protiv Rossii i SSSR [Big game. The British Empire against Russia and the USSR]. M.; SPb., 2012 (in Russian).

Medvedev A.A. Vojna imperij. Tajnaya istoriya bor'by Anglii protiv Rossii [War of Empires. The secret history of England's struggle against Russia]. M., 2016 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O. Istoricheskaya Rossiya: territorii i perspektivy [Historical Russia: territories and prospects]. M., 2020 (in Russian).

Porohov S. Yu. Bitva imperij: Angliya protiv Rossii [Battle of Empires: England versus Russia]. M.; SPb., 2008 (in Russian).

Sharp D. Ot diktatury k demokratii: strategiya i taktika osvobozhdeniya [From dictatorship to democracy: strategy and tactics of liberation]. M., 2012 (in Russian).

Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh ot-noshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. M., 2012 (in Russian).

Starikov N.V. Kto zastavil Gitlera napast' na Stalina? [Who made Hitler attack Stalin?]. SPb., 2012 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-65-88

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ (НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Е.В. Дорцева, старший преподаватель социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Н.В. Родин, асп. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234**

Настоящая статья посвящена изучению особенностей деструктивного воздействия на современную российскую молодежь со стороны иностранных государств, российских и международных организаций, различных группировок с целью изменения мировоззрения, ценностных ориентаций, убеждений, поведенческих стереотипов молодых людей, создания и распространения антироссийской идеологии, формирования негативного отношения к государственным институтам и традиционным ценностям России, а также подрыва социально-экономической и политической стабильности в Российской Федерации. Анализируя примеры и особенности такого рода воздействия со стороны этих субъектов на современную российскую молодежь, авторы статьи особый акцент делают на изучении специфики подобного рода воздействия на молодежь новых субъектов Российской Федерации. Для иллюстрации и обоснования своих утверждений авторы приводят результаты экспертного опроса “Внешнее деструктивное воздействие на молодежь новых субъектов Российской Федерации”, проведенного в марте–апреле 2023 г. на территории новых субъектов Российской Федерации среди сотрудников профильных министерств и департаментов, активистов общественных движений, специалистов в сфере государственной молодежной политики в новых субъектах Российской Федерации (Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики).

Констатируя факт такого рода воздействия на молодежь в новых субъектах Российской Федерации, анализируя цели, к которым стремятся субъекты деструктивного воздействия, используемые ими формы и механизмы, авторы систематизируют предложения экспертов по противодействию данному воздействию и совершенствованию механизмов и форм осуществления государственной молодежной политики в данных регионах.

Ключевые слова: молодежь, деструктивное воздействие, новые субъекты РФ, социальное манипулирование, субъекты деструктивного воздействия, протестный потенциал молодежи.

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

** Родин Никита Витальевич, e-mail: n.rodin.rt@yandex.ru

FEATURES OF THE DESTRUCTIVE IMPACT ON THE YOUTH OF THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dortseva Elena V., Senior Lecturer at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: dortseva@mail.ru

Rodin Nikita V., Postgraduate Student at the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: n.rodin.rt@yandex.ru

This article is devoted to the study of the peculiarities of the destructive impact on modern Russian youth by foreign states, Russian and international organizations, various groups, with the aim of changing the worldview, value orientations, beliefs, behavioral stereotypes of young people, creating and spreading anti-Russian ideology, forming a negative attitude towards state institutions and traditional values of Russia, as well as undermining socio-economic and political stability in the Russian Federation. Analyzing the examples and features of this kind of influence of these subjects on modern Russian youth, the authors of the article place special emphasis on studying the specifics of this kind of impact on the youth of new subjects of the Russian Federation. To illustrate and substantiate their statements, the authors cite the results of an expert survey "External destructive impact on youth of new constituent entities of the Russian Federation", conducted in March–April 2023 on the territory of new constituent entities of the Russian Federation among employees of relevant ministries and departments, activists of social movements, specialists in the field of state youth policy in new constituent entities of the Russian Federation (Donetsk People's Republic and Lugansk People's Republic).

Recognizing the fact of this kind of impact on young people of new constituent entities of the Russian Federation, analyzing the goals of which the subjects of destructive influence, the forms and mechanisms used by them seek, the authors systematize the proposals of experts on countering this impact and improving the mechanisms and forms of implementation of state youth policy in these regions.

Key words: youth, destructive impact, new subjects of the Russian Federation, social manipulation, subjects of destructive impact, protest potential of youth.

В настоящее время на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации нацизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов, вводятся санкции в отношении российских спортсменов. Российская Федерация необо-

снованно обвиняется в нарушении международных обязательств, проведении компьютерных атак, вмешательстве во внутренние дела иностранных государств. Российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию¹.

Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, активизации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. К одной из таких маргинальных и уязвимых групп, привлекаемых для внешнего воздействия, направленного против России и ее национально-государственных интересов, относится молодежь².

Во все времена именно молодежь была той социальной группой, которая стремилась к изменениям в окружающем ее мире, установлению новых социальных порядков. По этой причине она, порой, напрямую противопоставляет себя действующей власти. Молодежь несет в себе протестный потенциал, способный стать мощнейшей разрушительной силой в случае, если эта энергия и тяга к изменениям не будут направлены в сторону созидания и развития.

При этом важно учитывать частую неопределенность положения молодежи, ее постоянное существование в условиях риска. Согласно исследованию Ю.А. Зубок, молодежь, находясь перед противоречием низкой вертикальной мобильности и желания получить “все и сразу”, достаточно часто готова идти на риски, чтобы добиться желаемого. Однако риск может выражаться как в позитивных, так и в деструктивных формах³. Один молодой человек, чтобы добиться успеха, сконцентрируется на образовании и разработке собственной бизнес-модели, а другой — пойдет по пути криминала и насилия. В обоих случаях мы видим молодежь, стремящуюся к собственному благополучию, повышению уровня жизни, однако механизмы достижения этих целей — противоположны.

Данный компонент делает молодежь такой группой населения, которая крайне восприимчива к деструктивному воздействию и соответствующим соблазнам. Кроме того, риски повышаются и в силу трансформации системы ценностей.

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Портал “Президент России”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023).

² См. подробнее: *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодежью: Научная монография. М., 2018. С. 37.

³ Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4(228). С. 7.

Многочисленные деструктивные организации, имея определенные знания в области педагогики и психологии, актуальных тенденций и проблем в молодежной среде, активно воздействуют на сознание и поведение ее представителей, ведут постоянную борьбу за их умы и сердца. Для этого они активно используют пробелы в процессе социализации молодых людей, те этапы в развитии личности, в которые молодой человек старается активно копировать со взрослого определенные поведенческие стереотипы, жизненные ориентиры, образы будущего. Это создает мотивационную составляющую,двигающую молодежь в определенном направлении. А если в этот момент человек не видит достойного примера, то молодой мозг вбирает в себя любой пример, который будет ему интересен или выгоден. Но когда настанет следующий этап развития и человек захочет действовать уже сам (а, бывает, находится в иллюзии, что действует сам), то весь негативный опыт, все негативные эмоции, накопленные за время первого этапа, он направляет на “виновников всех его бед” в лице органов государственной власти, а также на устоявшиеся ценности и нормы, что делает его очень удобным объектом деструктивного воздействия.

На наш взгляд, “деструктивное воздействие на молодежь России” — это комплекс средств и методов воздействия на граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 35 лет со стороны иностранных государств, российских и международных организаций, группировок, направленных на изменение мировоззрения, ценностных ориентаций, убеждений, поведенческих стереотипов молодежи, создание и распространение антироссийской идеологии, формирование негативного отношения к государственным институтам и традиционным ценностям России, а также на подрыв ее социально-экономической и политической стабильности.

Следует отметить, что категорию “деструктивное воздействие на молодежь” следует отличать от активно разрабатываемой в общественных науках близкой по своей сути, но не равнозначной категории “социальное манипулирование молодежью”.

Социальное манипулирование молодежью — это процесс специфического коммуникативного воздействия различных субъектов общественной жизни на молодежь, которое осуществляется при помощи средств массовой информации и пропаганды, а также социально-экономических и политических средств с целью управления мышлением и поведением молодых людей вопреки их интересам. Собственно манипулирование — это вид социально неодобряемого, деструктивного, неэтичного воздействия, которое осуществляется вовсе не в интересах их успешной социализации,

а в частных интересах, приносящих вред социальному развитию личности, социальных групп и общества в целом⁴.

Тем не менее, субъекты как манипулятивного, так и деструктивного воздействия на молодежь вполне идентичны: ими являются отдельные личности и олигархические структуры, политические партии и движения, а также общественные объединения и НКО, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы, спецслужбы иностранных государств и международные организации. Все эти субъекты активно манипулировали молодыми людьми в различные исторические периоды в разных странах мира для достижения конкретных политических целей, в том числе для организации бунтов, народных волнений, государственных переворотов и революций (в том числе — “цветных”) с участием молодежи⁵.

Молодежь, согласно “Стратегии национальной безопасности РФ”, является основным объектом деструктивного воздействия, связанным с искажением информации, смыслов и ценностей⁶, которое существенно облегчается в эпоху бурного развития электронно-цифровых коммуникационных технологий и новых медиа. Об этом достаточно активно пишут современные отечественные исследователи. Так, Е.В. Горина отмечает «высочайший деструктивный потенциал сети Интернет, который связан с тем огромным количеством информации, которая в ней представлена. Такое разнообразие информационных источников способно в перспективе оказывать деструктивное воздействие на пользователей, как минимум, по пяти направлениям — псевдонаучность, дезинформация, “выкачивание” из пользователя финансов, “пустые” материалы, не имеющие явной цели создания и публикации, контраст настроений — от открытости до искренности — до агрессии и резкости. Все это создает среду, в которой пользователь, зачастую, не знает, как себя вести, как воспринимать доступную информацию во всем ее многообразии и соответственно — в перспективе может быть подвержен манипулятивному воздействию»⁷. При этом, по мнению исследователя И.М. Дзялошинского, “особенная опасность подобного воздействия заключается в том, что объект воздействия,

⁴ Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью: Дисс. ... докт. социол. наук. М., 2018. С. 21–22.

⁵ Там же.

⁶ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52 // Портал “Президент России”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023).

⁷ Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: Учеб.-метод. пособ. Екатеринбург, 2016. С. 51–56.

зачастую, даже не понимает, что оказался в данной ситуации, видоизменяет свою систему ценностей, знаний в соответствии с поступающей информацией и находится в полной уверенности, что это его личная точка зрения”⁸.

В.М. Бехтерев также подтверждает тот факт, что большой поток поступающей информации усваивается объектом воздействия неосознанно: «...кроме активного восприятия многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего “я”, когда внимание наше чем-либо занято, например при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше, вследствие тех или других причин, ослаблено, как это наблюдается например в состоянии рассеянности»⁹.

Особую роль в качестве источника и механизма продвижения деструктивных идей и взглядов играют социальные сети. Социальные сети тесно вошли в нашу жизнь, став не просто удобным ее инструментом, но и самостоятельной средой. Многие люди четко разделяют себя в мире реальном и мире виртуальном, компенсируя в последнем свои комплексы, недостатки, пытаясь найти механизмы самоутверждения и доминирования. Так, С.Г. Ивченков и А.А. Кошелев в своем исследовании делают акцент на том, что “появление Интернета и глобального виртуального пространства обусловило возникновение возможности мгновенного распространения информации для самой широкой аудитории без территориального и финансового ограничений”¹⁰.

Часто именно социальные сети становятся механизмом манипуляции, вводящей молодежь в заблуждение относительно политической обстановки, являются проводником деструктивных идей. Исследователи Т.В. Игнатова и Я.А. Цуканов, анализируя ход подготовки митингов сторонников А. Навального¹¹, выводят из этого механизмы реализации протестной активности. По сути, они приходят к выводу, что цифры потенциальных участников подобных митингов, которые заявляются организаторами в процессе подготовки, чаще всего не имеют ничего общего с реальностью — количество участников искусственно завышается, а аккаунты, которые

⁸ Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 58.

⁹ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001. С. 10.

¹⁰ Ивченков С.Г., Кошелев А.А. Особенности выбора Интернет-СМИ в молодежной среде: региональный аспект // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 3(56). С. 100.

¹¹ Признан иностранным агентом.

проходят регистрацию, очень часто являются “однодневками”¹². Тем самым молодежь ввиду своей незрелости, в поиске себя, может столкнуться с фальшивым сообществом людей, объединенных общей “благородной” идеей и примкнуть к ним. А затем оказывается, что идея — деструктивная и преступная, а сообщество не такое уж и масштабное.

Если продолжать рассуждения о социальных сетях, можно отметить, что сегодня они становятся источником заработка, порой крупного, легкого и неосязаемого. Соответственно, налицо, как минимум два стремления, которые могут служить как мотивами развивать себя в социальных сетях, так и механизмами для деструктивного воздействия. Именно манипуляция заработком или повышением собственной значимости являются порой самыми эффективными рычагами воздействия на неокрепшее сознание молодого человека. Вместе с тем поводом для опасений является тот факт, что большая часть контента, который потребляет молодежь, размещается на зарубежных платформах и в социальных сетях, несмотря на нормативные ограничения и блокировки. То, что эти платформы являются зарубежными, влечет за собой принятие пользователями пользовательских соглашений, правил порой информационно не выгодных для собственной страны. Так, сервисы компании Meta¹³ оказались частично запрещены в Российской Федерации в марте 2022 г. за активное распространение контента экстремистского характера, а также терпимого отношения к контенту, призывающему к насилию в отношении российских военнослужащих.

В феврале 2022 г. в десятку самых востребованных интернет-сервисов по охвату пользователей в России (старше 12 лет), согласно исследованиям компании Mediascope, входило сразу пять иностранных сервисов: вторую строчку занял поисковик Google (914 тыс. чел.), третью — сервис Youtube (888 тыс. чел.), четвертую — мессенджер Whatsapp¹⁴ (839 тыс. чел.), восьмую — Instagram¹⁵ (667 тыс. чел.), девятую — Tiktok (661 тыс. чел.)¹⁶.

¹² Игнатова Т.В., Цуканов Я.А. Политмоб: текущее состояние формы протестной активности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 3. С. 23.

¹³ Компания Meta признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁴ Whatsapp — один из сервисов Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹⁵ Работа Instagram запрещена на территории РФ.

¹⁶ Интернет. Регион: Россия 0+ Год/Месяц: Февраль 2022 г. Целевая аудитория: люди старше 12+ // Mediascope.ru. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 08.08.2023).

Практически через год после запрета сервисов компании Meta (Facebook¹⁷, Instagram¹⁸), ограничений в пользовании TikTok — по состоянию на февраль 2023 г., можно наблюдать ситуацию, при которой сервисы, находящиеся на второй, третьей и четвертой строчках рейтинга не просто сохранили свои позиции, но и укрепили их. Однако из рейтинга уходит Instagram¹⁹, на десятую строчку опускается TikTok. Вместе с этим усиливают позиции российские сервисы Дзен и Telegram, которых ранее в рейтингах не было, увеличивает свою аудиторию и ВКонтакте после покупки Mail Group и соответственно уменьшается аудитория последнего²⁰.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в настоящее время большая часть населения страны старше 12 лет активно продолжает пользоваться интернет-сервисами, в том числе — зарубежными. Небольшое снижение позиций последних связано с нормативным запретом и техническими ограничениями на территории страны для использования отдельных сервисов — Instagram²¹ и Facebook²². Однако люди по-прежнему пользуются ими, потребляя контент по правилам, установленным данными сервисами, которые порой продвигают с помощью своих алгоритмов далеко не российскую патриотическую повестку. В условиях мировой напряженности это является мощнейшим рычагом и одновременно каналом для деструктивного воздействия на российскую молодежь.

Социальные сети доказывают свою эффективность в качестве информационного оружия в отношении подростков, что может привести к серьезным последствиям для общества и государства в целом.

Исследования показывают, что молодые люди, которые являются наиболее активными пользователями социальных сетей, в которых проводят большую часть своего свободного времени, не обладают должным уровнем критического мышления и жизненного опыта²³.

¹⁷ Facebook — один из сервисов Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

¹⁸ Работа Instagram запрещена на территории РФ.

¹⁹ Работа Instagram запрещена на территории РФ.

²⁰ Интернет. Регион: Россия 0+ Год/Месяц: Февраль 2023 г. Целевая аудитория: люди старше 12+ // Mediascope.ru. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 08.08.2023).

²¹ Работа Instagram запрещена на территории РФ.

²² Работа Facebook запрещена на территории РФ.

²³ Ишманов А.Р. Экстремизм — как угроза национальной безопасности России // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 6 июня 2019 г.) / Сост. З.С. Зинурова, Т.Р. Фахретдинов, В.С. Хазиев, Р.З. Юлбаев. Уфа, 2019. С. 223.

Сегодня молодой человек полноценно живет как в реальном мире, так и в виртуальном, причем позиционирование человека в этих двух ролях может сильно отличаться. Так, по мнению Р. Захаркина, “все большее проникновение в жизнь современного человека Интернета оказывает значительное влияние на интенсивность личного общения людей, переводя большую часть контактов в виртуальную область, тем самым задавая новые стандарты межличностного общения, что чаще всего ведет к их снижению”²⁴.

При активном, в том числе “сетевом”, участии многочисленных субъектов деструктивного воздействия на молодежь радикально настроенные группировки молодежи тактически могут быть сформированы и использованы для “разгона” определенной темы в обществе “здесь и сейчас” — проведения соответствующих митингов, разрушений, публичных акций и т.д. Однако их стратегией является глубокое внедрение необходимых идей, идеалов, кумиров в молодежную среду, формирование прочных межпоколенных связей, рост носителей идей, в том числе и политических, захват информационной и идеологической “повестки дня”.

В условиях проведения Специальной военной операции (далее — СВО), борьбы Российской Федерации за традиционные ценности, суверенитет и безопасность, странам Запада важно показать проявления шовинизма и неонацизма, негативного отношения к религии, семейным ценностям, национальной терпимости и единству народов и т.д. в нашей стране, дискредитировать саму идею проводимой операции и подавляющей консервативности взглядов внутри России. С этой целью проводится множество информационных акций, формируются соответствующие информационные поводы, сообщества единомышленников. Примером являются инциденты с надругательством представителей молодежи над православными святынями, распространение конфликта на почве строительства мечети в городе Москве и т.д.

В зависимости от преследуемых целей и решаемых задач данные группы субъектов воздействия могут выполнять свои функции обособленно или в объединении. Но чаще всего очевидна связка тех или иных субъектов. Причем можно проследить зависимость: чем крупнее цель, тем более разветвленная цепь взаимодействия субъектов, а в решении задач задействуется весь спектр возможных ресурсов — от материальных (деньги, предметы роскоши, недра и т.д.) до информационных (публикации в газетах, журналах, телепрограммы, YouTube-каналы, группы в социальных сетях и т.д.) и

²⁴ Захаркин Р. Влияние средств массовой коммуникации на формирование жизненных ценностей молодежи. Владивосток, 2017. С. 6.

административных (принятие тех или иных нормативных актов, организация/прекращение преследований, определение государственных приоритетов и т.д.).

Если субъектом воздействия выступает какое-либо государство, то в рамках реализации обозначенных задач при совпадении интересов возможно объединение ресурсов деструктивного воздействия в рамках взаимодействия уже сформированных союзов (Европейский союз, НАТО и т.д.). Ими и реализуются так называемые “цветные революции”, одной из основных движущих сил которых является молодежь — категория, представители которой находятся на стадии самоопределения и легко примыкают к толпе. Наиболее актуальные для современной России примеры подобных активностей — “Оранжевая революция” и “Евромайдан” на территории Украины, “Революция роз” на территории Грузии, “Революция тюльпанов” в Киргизии, а также несколько крупных попыток революций в самой России, а также в Белоруссии, Армении, Молдавии.

В соответствии с материалами межведомственного научного семинара МПГУ “Цветные революции: современная эпоха и ее диагноз” “цветные революции” являются социальной технологией, имитирующей революционные процессы и ставящей своей задачей государственный переворот, разрушение политической системы общества до ее простейших форм с целью осуществления в последующем внешнего контроля и управления²⁵.

Многие из перечисленных выше акций направлены не столько на страны, где они инициированы, сколько на подрыв ценностных ориентиров и взаимодействия с соседними странами. Некоторые западные страны не удовлетворены тем, что Россия становится одним из влиятельнейших центров цивилизации со своей системой ценностей, которую разделяют многие страны и прогрессивные общества. Поэтому политики США и Европейского Союза, поддерживая отдельные НКО как проводников мультикультурных свобод, принимают агрессивные действия по экспорту западной культуры в Россию и применяют экономические санкции.

Обозначенные послышки хорошо подтверждают технологии прошедшего на Украине Майдана 2014 г., которые также проливают свет на технологии, используемые в схожих мероприятиях, а также позволяют прогнозировать модели поведения людей в тех или иных ситуациях. На подготовительном этапе за основу брались текущие общественные проблемы, на их основе формировалась ненависть к

²⁵ В МПГУ прошло очередное заседание семинара по “цветным революциям”. URL: <http://mpgu.su/novosti/v-mpgu-proshlo-ocherednoe-zasedanie-seminara-po-tsvetnyim-revolutsiyam> (дата обращения: 08.08.2023).

действующим институтам власти и России как одному из главных источников всех проблем. Эта ненависть подогревалась и распространялась через различные площадки (пикеты, митинги, газеты, мероприятия, проводимые НКО и др.), была запущена волна деструктивного народного творчества, пропаганды, направленная на действующую власть и российскую сторону (многочисленные словесные каламбуры, плакаты, лозунги, рисунки, анекдоты, видеоролики и т.д.)²⁶, активно задействовались молодежные субкультуры, организации, активизировались националистические ячейки, подогреваемые бесконечными сообщениями о национальной идентичности, уникальности, верховенстве украинской нации и многое другое. В нужный момент, когда “прогрев” составляющих украинского социума достиг нужного градуса, людям просто задали направление, назначили точку сбора, поставили общие ориентиры и создали нужную атмосферу (громкая музыка, массовость, первоначально достигаемая за счет проплачивания участия людей), общность противника и социальных проблем, единство в понимании своей вседозволенности и собственной величественности, бесплатные выступления знаменитостей, угощения (по некоторым данным, зачастую содержащие запрещенные вещества), громкие крики, эмоциональные лозунги и т.д. — полное ощущение своего единения с толпой, безграничной силы и правоты. В эту толпу вошли представители максимально разных слоев населения, “прогреваемые” на подготовительном этапе различными технологиями, но в момент общего призыва в нужной среде они все моментально объединились и пошли крушить.

Итак, субъекты и формы деструктивного воздействия на молодежь России могут быть совершенно разными по масштабу и силе воздействия, но преследуют один и тот же результат — дестабилизацию текущей социальной и, в особенности, — политической обстановки внутри страны, с далеко идущими собственными целями и планами, которые необходимо своевременно выявлять и нивелировать.

В данной связи актуальным представляется изучение опыта государств-соседей, близких нам по культуре, истории и менталитету, на примере которых становятся очевидными последствия деструктивного внешнего воздействия наиболее приближенно к нашим реалиям. В настоящее время таким государством является Украина. Именно в ходе проведения Специальной военной операции на ее территории можно не просто анализировать новостные

²⁶ Снежкова И.А. Политический фольклор как зеркало украинской “революции достоинства” // Власть. 2017. Т. 25. № 3. С. 205.

сводки, слухи и доклады, дошедшие изнутри, но и пообщаться с людьми, которые видели происходящее своими глазами, а возможно и испытали на себе деструктивное воздействие извне — жителями новых субъектов Российской Федерации. Особый интерес представляет сообщество тех, кто непосредственно находился внутри реализации молодежной политики Украины — сотрудники профильных министерств и департаментов, активисты общественных движений, представители субкультур и т.д., которые и выступили экспертами в авторском социологическом исследовании “Внешнее деструктивное воздействие на молодежь в новых субъектах Российской Федерации”.

Социологическое исследование было проведено в марте—апреле 2023 г. на территории новых субъектов Российской Федерации методом экспертного опроса. Объектом исследования выступила молодежь, проживающая на территории новых субъектов Российской Федерации, а его предметом — технологии деструктивного воздействия на молодежь новых субъектов Российской Федерации.

Цель исследования — анализ механизмов воздействия на молодежь на примере молодежи из новых субъектов Российской Федерации, предопределила его конкретные задачи:

- проанализировать особенности работы с молодежью новых субъектов Российской Федерации в период их нахождения в составе Украины;
- выявить деструктивные формы и механизмы работы с молодежью, в том числе ориентированные на разжигание межнациональных конфликтов, общественные беспорядки, революционные процессы и т.д.;
- конкретизировать субъекты воздействия на молодежь из новых субъектов Российской Федерации в период их вхождения в состав Украины, определить их цели и задачи;
- уточнить основные формы, механизмы и динамику деструктивного воздействия на молодежь;
- определить технологии, по аналогии реализующиеся в Российской Федерации и представляющие в перспективе угрозы национальной безопасности страны;
- предложить механизмы противодействия выявленным потенциальным угрозам, в том числе исходя из опыта молодежи из новых субъектов Российской Федерации и охарактеризовать основные необходимые мероприятия в сфере работы с молодежью по ограничению деструктивного воздействия.

Выборка была сформирована в процессе выездов одного из авторов в новые субъекты России, профессионального взаимодей-

ствия с потенциальными респондентами. В рамках исследования были проведены интервью с восемью респондентами из Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Следует отметить, что они сами являются представителями молодежи в возрасте от 18 лет до 31 года.

В ходе проведения социологического исследования были проведены экспертные интервью с представителями сферы государственной молодежной политики из новых субъектов Российской Федерации. Интервью состояло из 18 вопросов, разделенных на три смысловых блока: 1. Общие вопросы. Субъект, объект, цели деструктивного воздействия. 2. Формы и механизмы деструктивного воздействия на молодежь. 3. Противодействие деструктивному воздействию.

Анализ ответов экспертов, представителей сферы государственной молодежной политики новых субъектов Российской Федерации, на первый блок вопросов интервью “Общие вопросы. Субъект, объект, цели деструктивного воздействия” позволил получить следующие результаты.

При ответе на вопрос “Как Вы считаете, является ли молодежь объектом внешнего деструктивного воздействия?” абсолютно все респонденты ответили утвердительно. Более того, один из респондентов, раскрывая ответ, отметил, что “помимо молодежи данному воздействию подвержены и другие категории населения”, а еще один предположил, что “практически все современные информационные средства воздействия недружественных государств так или иначе направлены на молодежь”.

Следующим вопросом стал: “Каковы, на Ваш взгляд, основные причины, по которым молодежь становится объектом внешнего деструктивного воздействия?” Из наиболее популярных причин, названных респондентами, можно назвать следующие: недостаток опыта, несформированность жизненной позиции, ценностных ориентиров, высокий протестный потенциал, импульсивность, психологическая нестабильность и легкомысленность. Сразу двое респондентов связывают неопытность молодежи и восприимчивость к ярким образам, символам, что может являться дополнительным механизмом воздействия и усиливающим фактором влияния. Данная восприимчивость способствует повышению значения эмоциональной составляющей при принятии решений и анализе информации, что порой деструктивно сказывается на конечном результате. Кроме того, отдельные опрошенные выделили в качестве причин, усиливающих деструктивное влияние, политическую и экономическую нестабильность, неравенство, рост влияния национализма и

сепаратизма, низкий авторитет правоохранительных органов, несовершенство системы образования и ошибки в воспитании.

Большинство опрошенных при ответе на вопрос *“Исходя из Вашего опыта, кто является субъектами деструктивного воздействия на молодежь?”* в качестве субъектов воздействия назвали лидеров общественного мнения, некоммерческие организации, социальные сети, зависимые СМИ, политические партии, неформальные молодежные объединения. Часто в ответах встречаются такие механизмы работы, как подкуп, финансирование, финансовое поощрение деструктивных действий со стороны субъектов воздействия.

Одной из основных целей воздействия (ответы на вопрос *“Какие цели преследуют субъекты воздействия на молодежь Украины?”*) респонденты называют укрепление веры молодежи Украины в верность курса западной политики. На российскую молодежь, в свою очередь, это влияет как пример. Многие представители российской молодежи, видя убежденность молодежи Украины в правильности выбранного пути, позитивности западных ценностей, начинают ставить под сомнение политику Российского государства, развивая риск внутренних революционных процессов, “оттока мозгов” и т.д.

Озвучены такие цели, как создание негативного образа России, обесценивание советского прошлого, развитие идеи национальной идентичности украинцев, избранности их нации. Причем ряд респондентов указали, что второй компонент чаще всего воспитывается за счет первого.

Одной из ярких целей также обозначена, помимо прочего, подмена традиционных и исторических ценностей, что в свою очередь, при необходимом информационном освещении, способно воздействовать и на молодежь России, подменяя имеющиеся знания и ценности.

Еще одной целью, по мнению экспертов, является прививание молодым украинцам установок о том, что Россия на протяжении всей истории ущемляла народ Украины. В свою очередь у части россиян подобная работа способна привести к воспитанию чувства вины перед украинцами и подогреванию протестных настроений по отношению к собственной власти. Также респонденты считают, что воздействие направлено на увеличение числа барьеров между нашими народами, в том числе языковых.

Если говорить в целом о влиянии на российскую молодежь (вопрос *“Какое значение это имеет для молодежи России?”*), то респонденты утверждают, что подобные результаты воздействия создают у наших молодых людей стереотипы, которые в будущем могут мешать в установлении взаимодействия с иностранными государствами.

Вместе с тем большинство респондентов сходятся во мнении, что любое деструктивное воздействие, которое хотят оказать на российскую молодежь через воздействие на молодежь Украины, при верной работе в сфере молодежной политики, образования будет нивелировано, а традиционные и исторические ценности сохранены.

При ответе на вопросы *“Сталкивались ли Вы с деструктивным воздействием на молодежь в то время, когда (название субъекта Российской Федерации) входила в состав Украины? Какие примеры подобного воздействия Вы можете привести?”* большинство опрошенных солидарны во мнении, что и до вхождения в состав Российской Федерации и после молодежь сталкивается с давлением со стороны соотечественников, покинувших территорию субъектов, и занимающих проукраинскую сторону. Так, ими часто распространяются фейки о самообстрелах территории, зверствах россиян, насильственном захвате территорий со стороны Российской Федерации.

Во время принадлежности субъектов к Украине часть респондентов также сталкивалась с русофобскими и неонацистскими настроениями, пропагандой, в том числе в государственных СМИ. Часть респондентов, не сталкиваясь лично с данными проявлениями, рассказала об имеющихся у них сведениях о вербовке различными способами украинской молодежи в националистические и иные экстремистские организации.

Как пример воздействия был приведен ранее рассмотренный выше Майдан 2014 г., на котором молодежь стала одним из ключевых объектов воздействия. Благодаря продуманному сценарию западных властей и огромному финансовому обеспечению студентов учебных заведений выгоняли на главную площадь, подкупая их финансово, а также обещая решить проблемные моменты с учебой.

Исследование показало, что практически во всех ответах респондентов именно социальные сети являются главным источником деструктивной информации и воздействия. Так, группы ответов респондентов на вопрос *“Как Вы считаете, что является мотивом для участия украинской молодежи в деструктивных формах активности?”* по частоте ответов можно расположить следующим образом: 1) отстаивание собственной идентичности, воспитанной в том числе на русофобии, противопоставлении наших народов, национализме, примере старшего поколения; 2) шантаж и материальное вознаграждение; 3) просто способ самовыражения. Кроме того, среди причин также назывались недовольство политической и экономической ситуацией и недостаточная информированность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что часто молодежь используется как объект воздействия из-за ее неопытности и незрелости. Кроме того, субъекты деструктивного воздействия используют факт недостаточного уровня реализации молодежной политики и “предоставленность молодежи самой себе” для насаждения деструктивных форм активности в качестве досуга или способа самовыражения.

Отвечая на вопрос *“По Вашему мнению, насколько велик риск развития конфликта между Российской Федерацией и странами-соседями по аналогии с Украиной? Какую роль в этом играет внешнее деструктивное воздействие на молодежь?”*, практически все респонденты высказались о том, что оценивают вероятность такого конфликта крайне низко. Основной причиной этого они считают развитую сеть коммуникации между молодежью стран-соседей, совместные проекты и мероприятия. Многие из респондентов убедились в этом на себе уже после вхождения субъектов в состав Российской Федерации.

Два респондента, напротив, оценили вероятность потенциального конфликта достаточно высоко. Основным источником потенциальных разногласий они считают подрывную деятельность Запада, направленную на ослабление России. С этой целью ведется деструктивная работа с молодежью стран-соседей, и она будет только расширяться.

Следующий, второй, блок включал вопросы, затрагивающие формы и механизмы деструктивного воздействия на молодежь.

Отвечая на первый вопрос этого блока *“Какие методы использовались(-ются) для антироссийской пропаганды среди молодежи Украины?”*, респонденты выделили два крупных информационных канала воздействия, через которые транслируется деструктивный контент — 1) система образования (школа) и 2) социальные сети.

В отношении образования респондентами подчеркивается тот факт, что деструктивной и искажающей историческую действительность является сама школьная программа, литература, которая пропитана антироссийской и антисоветской пропагандой. Также респонденты говорят о том, что с учащимися в форме очных встреч проводятся пропагандистские антироссийские занятия.

По мнению экспертов, антироссийская пропаганда активно распространяется через социальные сети. Учитывая популярность у детей и молодежи коротких эмоциональных видеороликов в формате ТикТок, именно по этому каналу и ведется основная работа. Так респондентами приводится в пример факт о том, что в прошлом

году набирала популярность так называемая “байрактарщина” (песни про Стефанию, про Ваньку-встаньку и т.д.) — песни, олицетворяющие поражение и смерть русского солдата.

Начиная с первых дней СВО в интернет-пространстве появлялись разговорные видео, текстовые посты и т.д., в которых любым способом оскорблялся русский солдат, обвинялся в мародерстве и казни пленных. По словам респондентов, “начиная с 2014 г. в украинских СМИ распространялась информация, что именно российская сторона ведет обстрелы территории Донбасса. Сейчас в украинских пабликах публикуют, что русские солдаты — фашисты и пришли убивать украинское население”. Тем самым украинская сторона пытается выставить действительность в противоположном свете, применяет манипулятивные технологии формирования общественного мнения с целью очернить Российскую Федерацию в сознании не только своих граждан, но и в глазах мировой общественности.

Большинство респондентов при ответе на вопрос *“По Вашей информации, какие источники финансирования были или существуют у тех или иных деструктивных форм работы с молодежью Украины?”* указало, что не обладают данной информацией. Однако оставшаяся часть респондентов убеждена, исходя из информации от своего окружения, очевидцев, СМИ и т.д., в том, что деструктивная деятельность в молодежной среде финансируется а) самим государством, б) иностранными государствами (через НКО, фонды). В частности, несколькими респондентами, как пример приводится Фонд Сороса.

Следующим вопросом, на который отвечали респонденты, стал вопрос *“Насколько сильное влияние на молодежь Украины оказала политическая деятельность страны по отношению к русскому языку, культуре, нашей общей истории?”* Все респонденты сошлись во мнении, что влияние оказалось огромным. Насильственное внедрение чуждого языка взамен общепринятого, в том числе путем физического насилия, административных мер воздействия в сочетании с информационной антироссийской пропагандой, искаженной историей со временем привело к тому, что значительная часть молодежи Украины сегодня действительно является сторонницей действующей идеологии, несмотря на ее деструктивность, разделяет антироссийские ценности. В информационном пространстве продолжает проводиться кампания против русского языка. Сегодня русский язык представляется общественности как “язык страны — спонсора терроризма”.

Однако, по словам респондентов, есть и часть украинской молодежи, которая стремится говорить на русском языке, считая его

своим родным и чувствует себя ущемленной вследствие проводимой политики Украины.

В целом, выводом, судя по ответам на данный вопрос, может стать цитата одного из респондентов: “Результаты влияния ошеломительны и мы видим их сегодня, в ходе проведения Специальной военной операции”.

Как уже можно было предположить, основываясь на более ранних ответах, отвечая на вопрос *“Насколько сильным на Ваш взгляд, является влияние социальных сетей на молодежь, ее убеждения и поведение?”*, респонденты характеризуют данное воздействие как “крайне сильное”. Более того, большинство опрошенных сходятся во мнении, что социальные сети сегодня являются ключевым каналом воздействия на молодежь — это модно, это затягивает и молодежь проводит там очень много времени. А учитывая уровень критического мышления молодежи, можно предположить, что социальные сети являются крайне эффективным механизмом насаждения деструктивной идеологии. Примером тому служит молодежь Украины, активно потребляющая и распространяющая антироссийскую пропаганду и фейковые новости.

В ответах на вопрос *“Какую роль в формировании, изменении взглядов молодежи, на Ваш взгляд, играют НКО, фонды, молодежные объединения?”* все респонденты отметили крайне важную роль данных организаций в развитии молодежи, формировании ее ценностных ориентиров. По словам одного из респондентов, “зачастую, проблемы в молодежной среде возникают из-за того, что для молодых людей нет площадки для развития. Огромное количество талантливых людей чаще всего не могут проявить свои таланты в силу отсутствия финансовых ресурсов или поддержки со стороны единомышленников. Молодежные объединения, НКО, фонды дают эту возможность. Когда молодой человек понимает, что он нужен своему государству, у него даже не возникнет мысли попрыгать за деньги на сомнительном митинге”. Многие респонденты отметили роль общественных организаций в патриотическом воспитании молодежи, однако заметили, что данная работа должна быть как можно более завуалирована — «от патриотизма “в лоб” многие уже сторонятся».

Один из представителей ДНР отметил, что “НКО Донецкой Народной Республики в данный момент являются одним из ключевых субъектов работы с молодыми людьми в направлении сохранения традиционных ценностей, патриотической повестки”, а также, что “молодежь находит себя в волонтерской, культурной и творческой деятельности”.

Анализ ответов на вопрос *“Какую роль играют субкультуры в работе по деструктивному воздействию на молодежь, как внутреннему, так и внешнему?”* показал, что респонденты во многом подходят к субкультурам с двух позиций: 1) как к среде, которая формирует человека из-за влияния сообщества; 2) как месту для самовыражения. Оба формата, несомненно, взаимосвязаны и оказывают большое влияние на формирование личности. Особенное воздействие, как отмечают отвечающие, субкультуры оказывают на молодежь из неблагополучных семей, молодых людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Причем, как в положительном, так и отрицательном направлении.

Респонденты отмечают, что *“благодаря развитию субкультур можно централизовывать скопления молодых людей под единые замыслы, что и используют западные и украинские заинтересованные лица для осуществления своих преступных действий, изменяя направление группы молодых людей в деструктивную сторону”*. Кроме того, *“субкультуры своими нормами и правилами часто оказывают давление на молодых людей, заставляя их соответствовать навязанным образам и стандартам. Это может привести к негативному воздействию на самооценку молодежи”*.

В целом, по мнению респондентов, субкультуры предоставляют возможность отдельным категориям молодежи выразить себя и найти себе место в социальной структуре. Однако, если субкультура несет деструктивные ценности, пропагандирует опасное поведение, она может негативно повлиять на жизненные принципы и ориентиры молодого человека.

Если говорить об ответах на вопрос *“Какие из форм деструктивного воздействия на молодежь являются, на Ваш взгляд, наиболее эффективными?”*, следует отметить, что основными эффективными каналами подачи деструктивной информации, по мнению респондентов, также являются система образования и социальные сети. Что касается форм подачи материала, то, по мнению отвечающих, они могут быть самыми разнообразными. Однако “ТикТок” наглядно показал, что короткие видео с ярким визуалом и заedaющим мотивом являются довольно популярными среди молодежи. Становится понятно, что молодежь *“остро реагирует на яркие образы, эмоциональную подачу информации”* и *“это используется как в позитивном, так и в деструктивном ключе (в том числе экстремистскими организациями)”*.

Третий блок вопросов экспертного интервью был посвящен путям и способам защиты российской молодежи от деструктивного воздействия.

Так, при ответе на первый вопрос *“Как Вы считаете, какие действия со стороны Российской Федерации наиболее эффективны в плане защиты молодежи от деструктивного внешнего воздействия на сегодняшний день?”* большинство респондентов сошлись в эффективности направления и развития молодежной общественной активности — создание и развитие молодежных объединений, поддержка волонтерства, культурных, исторических и патриотических программ, фондов поддержки молодежных инициатив, развитие молодежного спорта, предпринимательства. В качестве наиболее эффективных форм донесения информации респонденты предлагают чаще использовать мультимедийные, интерактивные форматы. Кроме того, респонденты акцентируют внимание на работе с “запретами”, говоря от том, что “запретный плод сладок” и данный факт используется сейчас как средство и деструктивного и конструктивного воздействия. Отдельные респонденты выступают за дальнейшее блокирование зарубежных социальных сетей, считая их источниками деструктивного контента.

Следует отметить, что практически все респонденты в процессе ответа на вопрос *“Как Вы считаете, какие меры необходимы государству, чтобы более эффективно противостоять деструктивному воздействию на молодежь? Схожи ли эти меры по отношению к России и к Украине?”* изначально коснулись второй его части. Чаще всего акцент делался на абсолютной противоположности текущих курсов молодежной политики и, соответственно, невозможности общих рекомендаций для России и Украины. Была высказана точка зрения, что Украине необходимо для начала в корне пересмотреть информационную повестку с деструктивной на конструктивную. В данный же момент “они смеются над ужасами боевых действий, обесчеловечивают нас в глазах молодых людей, детей”, “обесценивают русский мир, культуру и ценности”, “выставляют фальшивую информацию, оскорбляющую честь и достоинство жителей России”. Один из респондентов ответил, что “посоветовал бы украинским властям пропагандировать не ненависть и вражду к России, а воспитывать нацию людей, уважающих и себя, и окружающих”.

Что же касается российской молодежи, респонденты считают, что ее важно вовлекать в процесс разработки законов и программ, которые направлены на противодействие деструктивному воздействию. Государство также может создавать платформы для обмена идеями и предоставлять возможности молодежи высказывать свои мнения, предлагать решения и активно участвовать в принятии решений.

Также респонденты говорят о более широких, системных мерах противодействия и считают, что “государству необходимо развивать возможности для получения молодежью качественного образования, наращивать финансирование культурных и спортивных мероприятий, организовывать молодежные центры и форумы”, “чаще вовлекать молодежь в жизнь государства, давать возможность как можно большему количеству молодых людей проявить себя”.

Кроме того, большое внимание уделяется досуговой деятельности с необходимостью “создания бесплатных спортивных, культурных, научных учреждений с большим спектром направлений этих сфер для возможности проводить время с пользой”. Также респонденты говорят о необходимости расширения возможности достойной профессиональной занятости молодежи.

Анализ ответов на вопрос *“Какие изменения в работе с молодежью Вы видите после вхождения региона в состав Российской Федерации?”* показал, что респонденты отмечают, что взаимодействие с субъектами Российской Федерации, в том числе в сфере молодежной политики, у них выстроено достаточно давно и к моменту вхождения в состав России система в данной отрасли уже была выстроена. Однако отмечается, что “Для молодежи открылось невероятное количество возможностей участия в молодежных конкурсах и премиях, грантовых конкурсах и реализации собственных проектов, содержательных программах обучения в сфере молодежной политики для всех желающих”. Также в Республиках выросло количество доступных для молодежи общественных организаций, через них молодежь более тесно вовлекается в различные крупные федеральные проекты, форумные кампании и т.д.

При ответе на вопрос *“Насколько эффективным является патриотическое воспитание в деле противодействия деструктивному воздействию на молодежь?”* респонденты сошлись на мнении, что данное направление воспитательной работы является одним из ключевых в сфере работы с детьми и молодежью. “Патриотическое воспитание является основой личностных ценностей, которые позволяют человеку самостоятельно противодействовать попыткам деструктивного влияния на него”. По словам одного из респондентов: “Если патриотизм понимается как любовь к своей стране, уважение к истории и культуре, гражданская ответственность и активное участие в жизни общества, то такой подход может способствовать формированию положительной и конструктивной идентичности у молодежи, а значит является прямым конкурентом деструктивному воздействию на молодежь”. Подчеркивается, что

воспитание гражданской идентичности и патриотических чувств помогает молодым людям лучше понимать свою роль в обществе и отстаивать свои национальные интересы. При этом необходима комплексная работа по повышению уровня образования и культуры. Также, по мнению респондентов, необходимо создание клубов начальной военной подготовки на базах учебных заведений или общественных организаций для привития дисциплины, а также популяризации патриотизма и здорового образа жизни среди молодежи.

При всей эффективности патриотического воспитания в противодействии деструктивному воздействию, как уже упоминалось ранее, необходима разработка новых, эффективных воспитательных средств “мягкой силы”. С учетом популярности патриотической повестки сегодня при излишне прямом подходе к данной работе мы рискуем получить скорее ненависть и раздражение, чем развитие.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования были проанализированы механизмы воздействия на молодежь на примере ответов представителей экспертного сообщества новых субъектов Российской Федерации — Донецкой и Луганской Народных Республик. Его результаты показали, что молодежь новых субъектов активно интегрируется в сферу государственной молодежной политики, старается внести свой вклад в ее развитие с учетом своего опыта.

В качестве наиболее эффективных мер противодействия деструктивному воздействию предлагается решение базовых социальных задач — повышение уровня жизни, качества образования, здравоохранения, информационной политики, а также более узконаправленных — расширение присутствия молодежных движений, повышение количества молодежных мероприятий (форумы, круглые столы и т.д.), вовлечение молодежи в процесс формирования политики в отношении нее, содействие развитию досуга и занятости молодежи, совершенствования механизмов “мягкой силы” для продвижения патриотической повестки.

Кроме того, с точки зрения обеспечения долгосрочных перспектив безопасности в отношениях со странами-соседями, иными дружественными государствами, важным является укрепление международного молодежного сотрудничества — проведение совместных мероприятий, реализация молодежных проектов, обсуждение актуальных проблем и выработка вариантов их решений. Данное направление молодежной политики является крайне востребованным.

Отдельно хочется отметить важность дополнительного изучения влияния социальных сетей на молодежь, выработку и внедрение эффективных средств противодействия деструктивной инфор-

мации, в том числе через конструктивную повестку посредством создания позитивного контента в популярных и понятных для молодежи форматах донесения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001.
- Горина Е.В.* Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2016.
- Дзялошинский И.М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа (окончание) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2.
- Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодежью. М., 2018.
- Елишев С.О.* Социальное манипулирование современной молодежью: Дисс. ... докт. социологич. наук. М., 2018.
- Захаркин Р.* Влияние средств массовой коммуникации на формирование жизненных ценностей молодежи. Владивосток, 2017.
- Зубок Ю.А.* Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. № 4(228).
- Ивченков С.Г., Кошелев А.А.* Особенности выбора Интернет-СМИ в молодежной среде: региональный аспект // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 3(56).
- Игнатова Т.В., Цуканов Я.А.* Политмоб: текущее состояние формы протестной активности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 3.
- Ишманов А.Р.* Экстремизм как угроза национальной безопасности России // Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 6 июня 2019 г.). Уфа, 2019.
- О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Ст. 52 // Портал "Президент России". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.08.2023).
- Снежкова И.А.* Политический фольклор как зеркало украинской "революции достоинства" // Власть. 2017. Т. 25. № 3.

REFERENCES

- Bekhterev V.M.* Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoj zhizni [Suggestion and its role in public life]. SPb., 2001 (in Russian).
- Dzyaloshinskij I.M.* Manipulyativnye tekhnologii v mass-media (okonchanie) [Manipulative technologies in mass media (end)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2005. N 2 (in Russian).
- Elishev S.O.* Social'noe manipulirovanie molodezh'y [Social manipulation of youth]. M., 2018 (in Russian).
- Elishev S.O.* Social'noe manipulirovanie sovremennoj molodyozh'y [Social manipulation of modern youth]: Diss. ... dokt. sociologich. nauk. M., 2018 (in Russian).
- Gorina E.V.* Kommunikativnye tekhnologii manipulyacii v SMI i voprosy informacionnoj bezopasnosti: uchebno-metodicheskoe posobie [Communication tech-

nologies of manipulation in the media and issues of information security: educational and methodological manual]. Ekaterinburg, 2016 (in Russian).

Ignatova T.V., Cukanov Ya.A. Politmob: tekushchee sostoyanie formy protestnoj aktivnosti molodezhi [Politmob: the current state of the form of youth protest activity] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2018. T. 13. N 3 (in Russian).

Ishmanov A.R. Ekstremizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii [Extremism as a threat to Russia's national security] // *Protivodejstvie ideologii terrorizma: koncepcii i adresnaya profilaktika. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (g. Ufa, 6 iyunya 2019 g.). Ufa, 2019 (in Russian).

Ivchenkov S.G., Koshelev A.A. Osobennosti vybora Internet-SMI v molodezhnoj srede: regional'nyj aspekt [Features of the choice of Internet media among young people: regional aspect] // *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sociologiya. Kul'tura*. 2016. N 3(56) (in Russian).

O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. N 400. St. 52 [On the national security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 N 400. Art. 52] // Portal "Prezident Rossii". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (data obrashcheniya: 08.08.2023) (in Russian).

Snezhkova I.A. Politicheskij fol'klor kak zerkalo ukrainskoj "revolyucii dostoinstva" [Political folklore as a mirror of the Ukrainian "revolution of dignity"] // *Vlast'*. 2017. T. 25. N 3 (in Russian).

Zaharkin R. Vliyanie sredstv massovoj kommunikacii na formirovanie zhiznennyh cennostej molodezhi [The influence of mass communication on the formation of life values of young people]. Vladivostok, 2017 (in Russian).

Zubok Yu.A. Problemy social'nogo razvitiya molodezhi v usloviyah riska [Problems of social development of youth in conditions of risk] // *So-ciologicheskie issledovaniya*. 2003. N 4(228) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКИХ ДЕВУШЕК В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ*

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., главный научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, д. 17/11, г. Кострома, городской округ г. Кострома, Костромская обл., 156005**

Ю.А. Погодина, асп., младш. научн. сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности, Костромской государственной университет, ул. Дзержинского, д. 17/11, г. Кострома, городской округ г. Кострома, Костромская обл., 156005***

В статье, на основе данных эмпирического социологического исследования, проведенного авторами в феврале 2023 г., проанализированы отдельные аспекты социального самочувствия российских девушек, в условиях специальной военной операции.

Исследование проводилось в десяти субъектах Центрального Федерального округа РФ, а также на территории Республики Крым методом онлайн-анкетирования. Выборка исследования квотная, стратифицированная по полу. Объем выборки — 960 человек, в возрасте от 18 до 29 лет. Объем подвыборки молодых женщин составляет 510 человек.

В статье исследуются эмоциональное самочувствие девушек, их уровень стресса, анализируется влияние на них геополитической ситуации, в которой находится Россия. Авторы делают выводы о влиянии специальной военной операции на профессиональную деятельность девушек, а также на их отношения с друзьями и близкими. В статье обосновывается вывод о поляризации молодых россиянок в зависимости от степени воздействия на них военной ситуации.

Ключевые слова: российская молодежь, девушки, специальная военная операция, геополитическая нестабильность.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях “новых войн”» (FZEW-2023-0003).

** **Смирнов Владимир Алексеевич**, e-mail: kano_igt@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1228-9318, WOS Research ID: V-1007-2019

*** **Погодина Юлия Анатольевна**, e-mail: kano_igt@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3425-3439, WOS Research ID: IUP-8828-2023

SOCIAL WELL-BEING OF RUSSIAN GIRLS IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Research Activities, Kostroma State University, st. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma, urban district of Kostroma, Kostroma region, 156005 e-mail: kano_igt@mail.ru

Pogodina Yulia A., Postgraduate student, Junior Researcher of the Department of Research Activities, Kostroma State University, st. Dzerzhinskogo, 17/11, Kostroma, urban district of Kostroma, Kostroma region, 156005 e-mail: kano_igt@mail.ru

In the article, based on the data of an empirical sociological study conducted by the authors in February 2023, certain aspects of the social well-being of Russian girls in the conditions of a special military operation are analyzed.

The study was conducted in 10 subjects of the Central Federal District of the Russian Federation, as well as on the territory of the Republic of Crimea by online questionnaire. The study sample is quota-based, stratified by gender. The sample size is 960 people, aged 18 to 29 years. The volume of the subsample of young women is 510 people.

The article examines the emotional well-being of girls, their stress level, analyzes the impact on them of the geopolitical situation in which Russia is located. The authors draw conclusions about the impact of a special military operation on the professional activities of girls, as well as on their relationships with friends and family. The article substantiates the conclusion about the polarization of young Russians depending on the degree of impact of the military situation on them.

Key words: Russian youth, girls, special military operation, geopolitical instability.

Введение

Геополитическая ситуация, в которой находится Россия, влияет на социальное самочувствие молодежи. Стресс, вызванный началом и продолжением специальной военной операции (далее СВО), ведет к трансформации жизненных стратегий молодежи и оказывает влияние на развитие российского общества в целом.

Предметом настоящей статьи является социальное самочувствие российских девушек. Выбор тематики определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, “военный фактор” создает в жизненном пространстве женщины двойное эмоциональное напряжение. К переживанию за собственную жизнь присоединяется переживание за жизнь близкого мужчины и детей. Это создает латентные локальности социальной напряженности, оказывающие влияние на социальную интеграцию молодого поколения. Исследования демонстрируют тот факт, что российская молодежь в целом достаточно нейтраль-

но воспринимает события, связанные с началом и продолжением СВО¹. При этом мало кто из исследователей обращается к изучению аудитории молодых женщин как наиболее чувствительной к различного рода глобальным вызовам и угрозам.

Во-вторых, как справедливо отмечает целый ряд исследователей², женщины в ситуациях военных конфликтов чаще всего находятся на периферии исследовательского интереса. При этом их социальное самочувствие, уровень жизнестойкости, поведенческие стратегии во многом определяют воспроизводство любого общества.

Феномен социального самочувствия находится в фокусе внимания социологов достаточно давно. Он описывается как важный элемент социальных настроений, определяющий поведение социальной группы или общества в целом³, как важная составляющая структуры социального благополучия человека⁴.

Социальное самочувствие, с одной стороны, формируется на основе оценок положения дел в стране, вектора ее экономического и политического развития, отношения к органам власти и институтам⁵. С другой, являясь неотъемлемой частью “субъективного благополучия” (subjective well-being) человека⁶, определяет уровень социальной адаптации того или иного сообщества⁷. Другими словами, социальное самочувствие, оказывая влияние на уровень социальной адаптации молодого поколения, позволяет оценить степень его готовности к жизнедеятельности в сложных условиях неопределенности⁸, к которым можно отнести СВО.

¹ Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94.

² Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2005.

³ Тоценко Ж.Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

⁴ Социологические подходы к изучению социального благополучия: Монограф. / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М., 2021.

⁵ Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57–69.

⁶ Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855.

⁷ Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.

⁸ Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова. М., 2011.

Если данная тематика достаточно широко представлена в исследованиях, проводимых в отношении всей молодежной популяции⁹, представителей молодого поколения отдельных регионов России¹⁰, а также отдельных профессиональных групп¹¹, то проблемам социального самочувствия женщин уделяется значительно меньше внимания. Ряд исследований фокусируется на социальном самочувствии женщины в достаточно сложные трансформационные периоды¹², другие направлены на изучение самочувствия женщин в разрезе страновых¹³ и региональных¹⁴ отличий или же в контексте их социального и политического участия¹⁵. Анализу жизнедеятельности женщины в условиях военного времени также посвящено значительное число публикаций историков¹⁶, но они затрагивают в основном военные события XIX и XX веков.

Представляется, что начало и продолжение СВО формируют значимый социокультурный контекст, который задает новый вектор трансформации диспозиций российских девушек и оказывает значимое влияние на их социальное самочувствие.

⁹ Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55; Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.

¹⁰ Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективн. монограф. / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016; Севек В.К., Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 141–144.

¹¹ Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201–216.

¹² Хасбулатова О.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации российских женщин: (По материалам мониторингового исследования) / Отв. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 1998; Хасбулатова О.А., Егорова Л.С., Землякова А.С. Мониторинг социального самочувствия и ценностных ориентаций женщин (1991–1997 гг.) // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 7–11.

¹³ Соловей А.П. Социальное самочувствие женщин-исследовательниц в академической науке Республики Беларусь // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 28–39.

¹⁴ Васильченко Э.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 53–56; Дементьева И.Н. Социальное самочувствие женщин в экономических условиях 2015 г. (на примере Вологодской области) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 41–52.

¹⁵ Козловская О.В., Шабурова О.В. Социальное самочувствие и политическое сознание женщин // Женщина в российском обществе. 1996. № 3. С. 56–58.

¹⁶ Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974; Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002.

Эмпирическая база исследования

Статья основана на результатах эмпирического исследования, проведенного в феврале 2023 г. в десяти субъектах Центрального Федерального округа РФ, а также на территории Республики Крым. Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования. Выборка исследования квотная, стратифицированная по полу. Объем выборки — 960 человек, в возрасте от 18 до 29 лет. Объем подвыборки молодых женщин составляет 510 человек.

Для обработки и анализа данных использовался свободно распространяемый язык программирования R.

Эмоциональное состояние и уровень стресса

Важным аспектом социального самочувствия является эмоциональное состояние, уровень субъективно переживаемого стресса. 46,9% девушек указали, что в данный момент жизни они ощущают эмоциональный упадок, 13,6% ощущают эмоциональный подъем и 39,5% указали на стабильное, нейтральное состояние. Эмоции девушек имеют более выраженную негативную окраску, чем у юношей (например, на эмоциональный упадок указало 34,4% юношей).

Данный вывод подтверждается и субъективными оценками переживаемого стресса (по десятибалльной шкале). Среднее значение стресса в когорте девушек равняется 5,8 (у юношей — 5,1), медиана — 6 (у юношей — 5). Среди факторов, которые влияют на эмоциональное состояние респондентов, 38,1% занимают события, происходящие в стране и мире, 40,8% и 21,1% — события личной и профессиональной жизни соответственно.

Контекст военных действий явно или имплицитно затрагивает чуть менее 40% молодых россиянок. Это позволяет сделать вывод о “фоновости” специальной военной операции в сознании значительной части молодых россиянок, ее вытеснении на периферию жизненного пространства. По всей видимости, военные события становятся значимым фактором социального самочувствия в ситуации, когда они напрямую затрагивают женщину. Это в свою очередь может стать причиной поляризации российской молодежи, разделения ее на тех, кто непосредственно столкнулся с последствиями СВО, и тех, для кого она остается фоном жизнедеятельности.

Наличие или отсутствие партнера никак не влияет на переживаемый уровень стресса. Девушки, состоящие в официальном браке или проживающие с партнером, так же, как и одинокие, практически одинаково оценивают свой уровень стресса и свое эмоциональное состояние.

Более значимое влияние на самочувствие девушки оказывает факт наличия ребенка. Молодые мамы в 27,7% случаев ощущают эмоциональный упадок, в то время как среди девушек, не имеющих ребенка, этот показатель достигает уже 44,5%. На стабильное эмоциональное состояние указывают 52,7% и 36,9% молодых женщин соответственно. Эмоциональный подъем ощущают примерно одинаковое количество респонденток из обеих групп (19,4% и 12,7% соответственно). Таким образом, воспитание ребенка становится значимым фактором сохранения стабильного эмоционального состояния девушек. Повседневные заботы, связанные с его воспитанием, становятся для девушки своеобразной формой совладания со стрессом.

Можно констатировать, что начало и продолжение СВО не стали доминирующим фактором, определяющим эмоциональное состояние значительного числа молодых россиян, включая девушек. По всей видимости, за год военных действий произошла эмоциональная адаптация молодых женщин к ситуации СВО, которая воспринимается, скорее, как неотъемлемый элемент повседневности, нежели травмирующее событие. В то же время мы полагаем, что те девушки, которые непосредственно столкнулись с результатами СВО, более эмоционально реагируют на происходящие в стране и мире события.

Влияние СВО на профессиональную деятельность девушек

Для непосредственной оценки влияния СВО на жизнедеятельность девушек им предлагалось оценить, насколько изменилась их жизнь после ее начала, а также, как повлияла сложившаяся ситуация на их профессиональную деятельность.

11,9% девушек отметили, что после начала СВО их жизнь изменилась очень сильно, вариант ответа “скорее изменилась” выбрали 34,5%, ответы “скорее не изменилась” и “совсем не изменилась” дали 36,2% и 6,8% соответственно, наконец, 10,7% затруднились ответить. Если сравнивать полученные результаты с мужскими ответами, то статистически значимые различия можно наблюдать при выборе варианта ответа “изменилась очень сильно”. Мужчины выбирают этот вариант в 18,8% случаев.

Полученные данные подтверждают сделанный ранее вывод о том, что СВО становится значимым элементом жизненного пространства молодой женщины только тогда, когда непосредственно затрагивает ее саму или ее близких. Это подтверждается уровнем корреляции между ответами девушек, чье эмоциональное состоя-

ние определяется военными событиями, и тех, кто указывает, что их жизнь изменилась после начала СВО. И в том и в другом случае это порядка 40% молодых респондентов.

Исследуем, как СВО повлияла на профессиональную деятельность девушек.

34,2% респонденток отметили, что их профессиональная жизнь никак не изменилась с началом СВО. 30,2% указали на определенные изменения. В частности: у респонденток появилось больше новых задач и/или вырос объем прежних (22%), появилась необходимость взять на себя лидерские или управленческие функции (5,9%), изменились профессиональные обязанности (2,3%). Кроме этого, 10,5% девушек отметили изменения взаимоотношений в коллективе, а 6,8% — взаимоотношений с партнерами организации. Наконец, 18,3% респонденток указали на изменение профессиональных планов под влиянием СВО.

В целом более 60% девушек полагают, что их профессиональная деятельность в той или иной степени претерпела изменения после начала специальной военной операции.

Говоря о профессиональной деятельности, нельзя не затронуть диспозиции молодых людей относительно того, каким образом военная ситуация отражается на изменении лидерской, управленческой позиции девушек. Участникам исследования был задан вопрос “Согласны ли Вы с утверждением, что во время военного конфликта на плечи женщины ложится больше управленских и лидерских задач?” 10,7% девушек и 3,1% мужчин полностью согласны с этим утверждением, вариант “скорее согласен” выбрали 38,4 и 15,6% респондентов соответственно, скорее не согласны 13 и 34,4%, полностью не согласны — 5,6 и 12,5%. Затруднились ответить 32,2% девушек и 34,4% молодых людей.

Мы наблюдаем диаметрально противоположное восприятие роли женщины в ситуации военного столкновения. Очевидно, что ситуация СВО в целом, а также частичная мобилизация 2022 г. привели к увеличению профессиональной загруженности девушек, в том числе и в управленческой сфере. И если девушки это ощущают и декларируют, для респондентов мужского пола это далеко неочевидно. Думается, что такая ситуация еще более усиливает повседневный стресс девушек не только ввиду роста профессиональной нагрузки, но и из-за неадекватной ее оценки со стороны мужчин-россиян.

В целом констатируем, что СВО оказывает значимое влияние на профессиональную деятельность молодых россиянок. Это об-

стоятельство, в свою очередь, может определять социальное самочувствие и социальную адаптацию девушек, усиливаясь в том числе ввиду не всегда адекватной оценки профессиональной роли женщины со стороны мужчин.

Влияние СВО на отношения девушек с близкими

Одна из особенностей СВО заключается в том, что ее начало привело к значительной поляризации российского общества, при этом зачастую это может происходить в рамках одной семьи.

Отношения с близкими и друзьями у большинства респондентов остались без изменения. 74% девушек выбрали именно этот вариант ответа. У 9% отношения стали еще более интенсивными, 9,6% отметили увеличение напряжения и конфликтности в общении, наконец, 7,3% затруднились дать какой-либо ответ. Структура ответов на этот вопрос со стороны девушек и юношей практически полностью совпадает.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что СВО является значимым фактором увеличения конфликтности. 92,1% девушек, чьи отношения остались без изменений, указывают на тот факт, что их жизнь практически не поменялась после начала военных действий. Те же, кто ощущает на себе их влияние только в 65,3% случаев, говорят о сохранении отношения с близкими без изменений. Другими словами, у почти 30% респондентов в ответах наблюдается связь между оценкой изменения своей жизни после начала СВО и невозможностью сохранить отношения с близкими на прежнем уровне.

Представляет интерес и тот факт, что из всех тех, кто ощущает влияние СВО на свою жизнь, 17,3% указывают на рост интенсивности и позитивности отношений с близкими и друзьями, а 17,4% на увеличение конфликтов (среди тех, на кого СВО не повлияла, таких девушек 3,4 и 4,5% соответственно).

Таким образом, СВО оказывает влияние (как положительное, так и отрицательное) на взаимоотношения девушек с близкими и друзьями, на что указывает 34,7% респонденток. При этом подобное влияние носит амбивалентный характер. Первая половина респонденток указывает на рост интенсивности и позитивности общения с близкими, вторая на увеличение напряженности и конфликтности.

Для молодых женщин значимым фактором, определяющим взаимоотношения с близкими и друзьями, является наличие детей.

Как уже отмечалось выше, воспитание детей становится важным фактором совладания со сложной жизненной ситуацией и переносит фокус эмоций с геополитических событий на повседневность. Статистически значимые различия наблюдаются между теми респондентками, которые говорят о росте интенсивности и позитивности общения с близкими. 19,2% из них — это девушки с детьми, 8% — без детей. Факт наличия ребенка становится для девушки возможностью расширять социальные контакты, вступать в более позитивные отношения с близкими и друзьями.

Геополитическая ситуация оказывает значимое влияние на повседневность респонденток. В ряде случаев мы наблюдаем рост солидарности, расширения дружеских сетей и коммуникаций, в другой — рост конфликтности в общении с близкими и друзьями. Вероятно, подобная поляризация российской молодежи в целом и девушек в частности, будет усиливаться в ходе продолжения СВО.

Акторы социальной поддержки девушек

Для девушек главным источником социальной поддержки выступает семья (38,5%) и близкие друзья (37,9%). Коллег в качестве поддержки называют 6,5% девушек, различные сообщества (волонтерские, спортивные и др.) — 4,2%, церковь и интернет-сообщества — 2,8 и 3,7% соответственно. В целом структура поддержки девушек идентична ответам молодых людей. В то же время мужчины реже выбирают семью как институт поддержки (33,8%) и чаще коллег (10,8%).

Проанализируем, меняется ли структура акторов поддержки для девушек, которые в большей степени ощущают влияние СВО на свою жизнь. В целом сохраняется распределение, описанное выше. При этом происходит еще большее усиление разрыва между девушками и мужчинами. 41,6 и 40,3% девушек называют в качестве поддержки семью и близких друзей (выбор мужчин: 34,8 и 39,1% соответственно). Наиболее значимое различие между девушками и мужчинами наблюдается при выборе коллег в качестве источника поддержки. Число девушек, выбравших этот ответ, снижается до 5,4%, в то время как у мужчин он увеличивается до 13%.

Респонденты обоих полов ориентированы на традиционные институты социальной поддержки, такие как семья и близкие дружеские отношения. В то же время для девушек эти институты более значимы (в особенности семья), нежели для мужчин.

В завершении проанализируем, какие формы организации и проведения свободного времени помогают девушкам более эффек-

тивно справляться с эмоциональными вызовами, обусловленными началом и продолжением СВО.

Структура досуга девушек достаточно размыта, в ней нет ярко доминирующих форматов. Основными являются: общение с друзьями (22,8%), занятие спортом (16,5%), чтение (16,1%), посещение различных мастер-классов, лекций (11,2%), просмотр телепрограмм (8,5%), посещение учреждений культуры (8%), волонтерство (4,9%). Если говорить о мнении мужчин, то для них более высока значимость спорта (20,5%), но менее значимы посещения мастер-классов, лекций (9,1%), учреждений культуры (6,8%), волонтерство (2,3%).

При этом важно отметить, что СВО не оказывает значительного влияния на структуру досуга девушек. Независимо от степени влияния военных действий на их жизненное пространство, они выбирают одинаковые форматы организации своего свободного времени. Такая ситуация связана с общими тенденциями развития современных обществ, расширением возможностей для повседневной коммуникации, ориентацией девушек на здоровый образ жизни и спорт и уже отмеченной “фоновостью” военных событий для значительной части молодых россиянок.

Заключение

Специальная военная операция является значимым фактором, влияющим на социальное самочувствие российских девушек. Несмотря на ее “фоновый” характер порядка 40% молодых респонденток указывают на тот факт, что СВО влияет на их эмоциональное состояние и уровень стресса, а также приводит к изменению профессиональной деятельности и отношений с близкими и друзьями.

Высокий процент девушек указали на то, что с началом СВО изменился характер профессиональных задач, решаемых ими. Главное изменение — это рост управленческих и лидерских задач. По мнению респонденток, этот объем вырос значительно, в то время как с точки зрения респондентов мужчин, никаких существенных изменений не произошло. Такая ситуация оказывает значимое влияние на социальное самочувствие респонденток, поскольку формирует своеобразную “двойную спираль” стресса, обусловленного не только изменением профессиональных обязанностей, но и зачастую отсутствием социального признания важности выполняемой работы со стороны мужчин.

Проведенное исследование позволило эмпирически обосновать возникновение феномена “ценностной поляризации” российского общества на примере молодых россиянок. Действительно, как видно

на основе ответов респондентов, СВО влияет на взаимоотношения с близкими и друзьями, в одном случае приводя к росту солидарности и расширению коммуникации, в другом — к увеличению конфликтности и противоречий.

Ключевыми факторами, позволяющими девушкам сохранять жизнестойкость, являются семья и дети, важность которых продемонстрировало наше исследование. Именно они позволяют отвлекаться от негативных мыслей и деструктивных эмоций и справляться со стрессом, вызванным СВО. В этом контексте очень важна государственная семейная политика, реализуемая в нашей стране и ориентированная на сохранение и воспроизводство традиционных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 201–216.

Васильченко Э.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 53–56.

Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.

Дементьева И.Н. Социальное самочувствие женщин в экономических условиях 2015 г. (на примере Вологодской области) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 41–52.

Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002.

Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути, или Каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83–94.

Козловская О.В., Шабурова О.В. Социальное самочувствие и политическое сознание женщин // Женщина в российском обществе. 1996. № 3. С. 56–58.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.

Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М., 1974.

Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

Севек В.К., Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 141–144.

Соболева И.В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57–69.

Соловей А.П. Социальное самочувствие женщин-исследовательниц в академической науке Республики Беларусь // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 28–39.

Социологические подходы к изучению социального благополучия: Монография / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М., 2021.

Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.

Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М.К. Горшкова М.; СПб., 2011.

Тоценко Ж.Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

Хасбулатова О.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации российских женщин: (По материалам мониторингового исследования) / Ответ. ред. О.А. Хасбулатова. Иваново, 1998.

Хасбулатова О.А., Егорова Л.С., Землякова А.С. Мониторинг социального самочувствия и ценностных ориентаций женщин (1991–1997 гг.) // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 7–11.

Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX вв.: Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2005.

REFERENCES

Bocharov V. Yu., Vas;kina Yu. V. Social'noe samochuvstvie molodyh rabotnikov promyshlennyh predpriyatij: indikatory i factory [Social well-being of young industrial workers: indicators and factors] // ZHurnal issledovanij social'noj politiki. 2017. T. 15. N 2. S. 201–216 (in Russian).

Davydova E. V. Izmerenie social'nogo samochuvstviya molodezhi [Measuring the social well-being of young people]. M., 1992 (in Russian).

Dement'eva I.N. Social'noe samochuvstvie zhenshchin v ekonomicheskikh usloviyah 2015 g. (na primere Vologodskoj oblasti) [Social well-being of women in the economic conditions of 2015 (on the example of the Vologda oblast)] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2017. N 1. S. 41–52 (in Russian).

Hasbulatova O.A. Social'noe samochuvstvie i cennostnye orientacii rossijskikh zhenshchin: (Po materialam monitoringovogo issledovaniya) [Social well-being and value orientations of Russian women: (Based on the materials of a monitoring study)] / Otvet. red. O.A. Hasbulatova. Ivanovo, 1998 (in Russian).

Hasbulatova O.A., Egorova L.S., Zemlyakova A.S. Monitoring social'nogo samochuvstviya i cennostnyh orientacij zhenshchin (1991–1997 gg.) [Monitoring of women's social well-being and value orientations (1991–1997)] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 1997. N 2. S. 7–11 (in Russian).

Ivanova Yu.N. Hrabrejshe iz prekrasnyh. Zhenshchiny Rossii v voynah [The bravest of the beautiful. Women of Russia in wars]. M., 2002 (in Russian).

Kisilenko A. V., Shapovalova I.S. Proektirovanie zhiznennogo puti, ili Kakim molodezh' vidit svoe budushchee? [Designing a life path, or How do young people see their future?] // Sociologicheskie issledovaniya. 2023. N 2. S. 83–94 (in Russian).

Kozlovskaya O.V., Shaburova O.V. Social'noe samochuvstvie i politicheskoe soznanie zhenshchin [Social well-being and political consciousness of women] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 1996. N 3. S. 56–58 (in Russian).

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Evolyuciya social'nogo samochuvstviya ros-siyan v postsovet'skij period: ot kollapsirovaniya k kontrastnoj stabil'nosti (1994–2021)

[Evolution of social Well-being of Russians in the Post-Soviet Period: from collapse to contrast stability (1994–2021)] // Sociologicheskie issledovaniya. 2022. N 12. S. 29–41 (in Russian).

Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855.

Murmanceva V.S. Sovetskie zhenshchiny v Velikoj Otechestvennoj vojne [Soviet women in the Great Patriotic War]. M., 1974 (in Russian).

Petrova L.E. Social'noe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of young people] // Sociologicheskie is-sledovaniya. 2000. N 12. S. 50–55 (in Russian).

Sevek V.K., Soyana Sh.Ch., Sevek R.M. Social'noe samochuvstvie molodezhi Respubliki Tyva [Social well-being of the youth of the Republic of Tyva] // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. N 9. S. 141–144 (in Russian).

Shcherbinin P.P. Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshchiny v XVIII — nachale XX vv. [The military factor in the daily life of a Russian woman in the XVIII — early XX centuries]: avtoref. diss. ... dokt. istor. nauk. M., 2005 (in Russian).

Soboleva I.V. Social'noe samochuvstvie predprinimatelej i naemnyh ra-botnikov v malom biznese [Social well-being of entrepreneurs and employees in small business] // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. N 4. S. 57–69 (in Russian).

Solovej A.P. Social'noe samochuvstvie zhenshchin-issledovatel'nic v akademicheskoj nauke Respubliki Belarus' [Social well-being of women researchers in the academic science of the Republic of Belarus] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2019. N 1. S. 28–39 (in Russian).

Sociologicheskie podhody k izucheniyu social'nogo blagopoluchiya [Sociological approaches to the study of social well-being]: Monografiya / Otv. red. M.F. Chernenysh, Yu.B. Epihina. M., 2021 (in Russian).

Social'noe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoj oblasti v 2015 godu: itogi sociologicheskogo issledovaniya. Kollektivnaya monografiya [Social well-being of the youth of the Sverdlovsk region in 2015: results of a sociological study. Collective monograph] / Pod obshch. red. Yu.R. Vishnevskogo, D.Yu. Narhova. Ekaterinburg, 2016 (in Russian).

Social'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyah reform: regional'nyj aspekt [Social well-being of the population in the context of reforms: regional aspect] / Pod red. M.K. Gorshkova M.; SPb., 2011 (in Russian).

Toshchenko Zh.T. Social'noe nastroyenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki [Social mood is a phenomenon of modern sociological theory and practice] // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. N 1. C. 21–35 (in Russian).

Vasilchenko E.A. Social'noe samochuvstvie i cennostnye orientacii dal'nevostochnykh zhenshchin: desyat' let spustya [Social well-being and value orientations of Far Eastern women: ten years later] // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2009. N 2. S. 53–56 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-102-124

ОБНОВЛЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦАРСКАЯ ПРЕРОГАТИВА В ПРОЕКТАХ ЛЬВА ТИХОМИРОВА

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

В результате реформ 1905–1907 гг. была предпринята попытка построения синкретического строя — думской монархии с оглядкой на схемы парламентского строя стран Европы, не соотносясь ни с национальными традициями, ни с историческими условиями России.

Предложенную Л.А. Тихомировым схему “правой перестройки” коротко можно определить как введение в государственную систему монархического народного представительства, цель которого — представлять мнения и нужды народа при верховной власти государя императора. Представительство и законодательство при этом должны осуществляться двумя различными государственными учреждениями в области государственного управления. Монархическое народное представительство должно формироваться из реально существующих сословно-профессиональных объединений, а также и из вновь возникающих и признающих государство, с узаконенным господством в этом представительстве голоса русского народа. Для этого Л.А. Тихомиров предлагал новую кодификацию Основных законов, в которой была бы последовательно проведена идея о необходимости для верховной власти законодательной свободы в своей деятельности на благо Отечества, чему залогом должна быть самодержавность и неограниченность верховной власти государя императора.

Ключевые слова: верховная власть, монархия, самодержавие, Л.А. Тихомиров, государственность, политика, реформы, обновленный строй, управление, верховенство.

* Смолин Михаил Борисович, e-mail: fondiv@mail.ru

THE RENEWED SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE ROYAL PREROGATIVE IN THE PROJECTS OF LEV TIKHOMIROV

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

As a result of the reforms of 1905–1907, an attempt was made to build a syncretic system — the Duma monarchy with an eye to the schemes of the parliamentary system of European countries, without conforming either to national traditions or to the historical conditions of Russia. The scheme of “right perestroika” proposed by L.A. Tikhomirov can be briefly defined as the introduction of a monarchical people’s representation into the state system, the purpose of which is to represent the opinions and needs of the people under the supreme power of the Sovereign Emperor. Representation and legislation in this case should be carried out by two different State institutions in the field of public administration. The monarchical people’s representation should be formed from the real-life estate and professional associations, as well as from newly emerging and recognized by the state, with the legitimized dominance of the voice of the Russian people in this representation. To do this, L.A. Tikhomirov proposed a new codification of the Basic Laws, which would consistently carry out the idea of the need for legislative freedom for the supreme power in its activities for the benefit of the Fatherland, which should be guaranteed by the autocracy and unlimited supreme power of the Sovereign Emperor.

Key words: supreme power, monarchy, autocracy, L.A. Tikhomirov, statehood, politics, reforms, updated system, governance, rule of law.

Лев Тихомиров был мыслителем, который всю жизнь искал истину в той области, которую можно было бы назвать теистической социологией. Его исследования — “Монархическая государственность”, “Личность, общество и Церковь”, “Религиозно-философские основы истории” — никак не проведешь, по разряду обычной социологии, как их обычно подают. Хотя его и довольно часто обвиняют в позитивизме, но это совершенно не справедливо.

Предреволюционное состояние общественных настроений Российской империи, при всей ее возрастающей материальной мощи, было повсеместно пронизано “освободительной идеологией”. И современники, за исключением небольшого числа интеллектуалов, не желали знать ни о каких социальных предостережениях, о которых писал Лев Тихомиров. Его теоретическая работа, по признанию самого автора, значительно больше ориентировалась на русское будущее, чем на его современность.

То представление о взаимоотношениях власти и народа в монархическом государстве, о котором писал Лев Тихомиров, было в петербургский период русской истории весьма сильно искажено бюрократическими и абсолютистскими тенденциями.

“Вся система управительных учреждений, во всех отраслях и ведомствах, особенно в XIX веке, была направлена к тому, чтобы отрезать Верховную Власть от нации. При этом можно было бы ожидать совершенного перерождения нашей Верховной Власти в абсолютизм”, — писал он. «В действительности, однако, за двести лет петербургского периода живые силы нации постоянно приносили к действию бюрократии некоторые социальные поправки, а влияние православной веры — поправку идеократическую... Уже в начале XIX века формулой русского строя было объявлено “православие, самодержавие и народность”, и если это не выясняло еще нам, как нужно действовать по-русски, то поддерживало уверенность в том, что нужно действовать как-то особенно, по-своему»¹.

Еще в “Монархической государственности” (1905) Л.А. Тихомиров высказывал свое давнишнее убеждение, что “бюрократизм должен неизбежно пасть, ибо если он не пал — то должен бы был вести к падению саму монархию. Для дальнейшего существования бюрократии, которая есть система государственной узурпации управительных властей, ей — необходимо было бы овладеть также и народом посредством организованных партий, а для этого требуется замена монархии парламентом. Если же монархия удержится — то, наоборот, падение бюрократизма совершенно неизбежно...

Итак, можно сказать, что система управительных властей в будущей России непременно так или иначе изменится. Она должна принять или характер парламентарный, или истинно монархический, то есть представить единение верховной власти с нацией не только идейно, но и в системе управительных учреждений”².

Такое противоречивое и вызывавшее разноречия положение государственной власти не могло не вызвать критику. У Л.А. Тихомирова критика составляет цельную систему реформирования полученного обновления России.

В результате реформ 1905–1907 гг. была сделана попытка построения синкретического строя — думской монархии с оглядкой на схемы парламентского строя стран Европы, не соотнобразясь ни с национальными традициями, ни с историческими условиями России.

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Т. III. С. 173.

² Там же. С. 240.

Предложенную Л.А. Тихомировым схему “правой перестройки” коротко можно определить как введение в государственную систему монархического народного представительства, цель которого — представлять мнения и нужды народа при верховной власти государя императора. Представительство и законодательство при этом должны осуществляться двумя различными государственными учреждениями в области государственного управления. Монархическое народное представительство должно формироваться из реально существующих сословно-профессиональных объединений, а также и из вновь возникающих и признающихся государством, с узаконенным господством в этом представительстве голоса русского народа. Для этого Л.А. Тихомиров предлагал новую кодификацию Основных законов, в которой была бы последовательно проведена идея о необходимости для верховной власти законодательной свободы в своей деятельности на благо Отечества, чему залогом должна быть самодержавность и неограниченность верховной власти государя императора.

Критика Л.А. Тихомировым обновленного строя 1906 г.

В Российской империи, как монархическом государстве, верховной властью являлась власть государя, поэтому для понимания внутренних процессов особое внимание должно быть уделено законодательно-инициативным высочайшим манифестам и высочайшим указам, которые инициировали начало и смысл государственного обновления начала XX столетия.

Политика реформ была возведена еще Высочайшим манифестом 26 февраля 1903 г., который призывал всех граждан Российской империи к единению для усовершенствования государственного порядка, в том числе провозглашалось “согласование выборных общественных учреждений с правительственными властями”.

Особое место занимает Высочайший указ 12 декабря 1904 г. о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка, считающийся многими главным актом, который определил дальнейшие реформы.

Затем был Высочайший манифест 6 августа 1905 г., в котором верховная власть решалась “призвать выборных от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов” с созданием законосовещательного учреждения — Государственной думы.

Наконец, знаменитый Высочайший манифест 17 октября 1905 г., подтверждающий решение созвать Государственную думу и указы-

вающий полномочия этого учреждения фразой “установить, как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силы без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей”.

В области законодательства реформирование вылилось в кодификацию новых Основных законов 23 апреля 1906 г. Также необходимо упомянуть и о Высочайшем манифесте 3 июня 1907 г. о роспуске Государственной думы и об изменении избирательного закона³.

Нужность реформ осознавалась многими. Бюрократизация самодержавного строя вызывала сильную критику. В бюрократии видели “средостение” между царем и народом и считали необходимым ограничить влияние бюрократического аппарата на царскую власть (например, пагубная своей субъективностью практика всеподданнейших докладов министров напрямую государю) и поставить деятельность министерств под контроль, а также введения в область государственного управления народного представительства.

«Будучи связана, — писал Л.А. Тихомиров, — только с управительными учреждениями и, не находясь в непосредственной связи с нацией, Верховная Власть теряет возможность исполнения своих важнейших функций: наблюдения, контроля и общего направления дел с национальной точки зрения. Она погружается бюрократией исключительно в дело управления, как простой центральный орган бюрократических учреждений.

Но и это положение фиктивно. При безмерном количестве “дел” всепроникающего бюрократического строя, упраздняющего самостоятельную работу граждан и нации, — сознательное участие во всех этих миллионах дел фактически совершенно невозможно. В действительности, Верховная Власть не может ни знать, ни обсудить, ни проверить почти ничего. Поэтому, Ее управительная роль делается лишь кажущейся. Поглощенная же лично в эти миллионы мелких управительных дел — Она не имеет возможности их контролировать. В результате, единственной деятельной властью страны является канцелярией»⁴.

О таком положении дел тогда писали многие, еще до проведения самих реформ. Проблема была осознана всесторонне, но решать

³ См.: Савич Г. Новый государственный строй России. СПб., 1907; Лазаревский Н.И. Законодательные акты переходного периода. СПб., 1908.

⁴ Тихомиров Л.А. Указ. соч. Ч. III. С. 234.

ее каждый государствовед предлагал по-своему, исходя из своих политических представлений.

“Алчная к власти бюрократия, — как писал знаменитый юрист Б.Н. Чичерин, — оторванная от почвы, погруженная в бумажное делопроизводство, не имеющая понятия об истинных потребностях народа и представляющая их постоянно в превратном виде, сообразно с личными целями правящих чиновников, хочет руководить всею жизнью русского общества, направлять его по своему усмотрению, опутать его целою сетью агентов, не дать емудохнуть, одним словом, уничтожить в нем всякую самостоятельность и всякую самодеятельность”⁵.

Об этом же писал и такой крупный юрист, как профессор К.Д. Кавелин: “Наша администрация вносит в нашу жизнь ложь, беззаконие, анархию и хаос, и пока она не будет поставлена иначе, все лучшие намерения Государей не приведут ни к чему”, “администрация, во имя Царской власти, заслонила и оттеснила эту самую власть на второй план и взяла самодержавие в свои руки”⁶.

Проблема бюрократизации власти, ее отрицательная роль в деятельности русской государственности, таким образом, была осознана всем обществом.

«В Русской Империи, — писал Л.А. Тихомиров, — общая сложность усовершенствованных бюрократических учреждений, при отсутствии всяких учреждений, единящих Царя и народ, отрезывает Государя от народа своим “средостением”, облегчая деспотизм управительных властей и низводя к возможному минимуму свободу самой Верховной Власти»⁷.

Реформа, давшая Государственную думу как представительное учреждение, а также новые Основные законы, не вполне выражала дух высочайших манифестов. Нечеткость бюрократической кодификации привела к возможности широкой трактовки и даже попыткам узурпации представительным учреждением законодательных функций верховной власти государя императора. Состав же Государственных дум представлял зачастую не мнения реальных групп населения, а желания партийных политиканов, стремившихся к власти, что не могло создать спокойной и размеренной работы по подготовке законодательных актов, особенно в первых двух думских созывах.

⁵ Чичерин Б.Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901. С. 93.

⁶ Кавелин К.Д. Политические призраки // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. II. СПб., 1898. С. 930, 945.

⁷ Тихомиров Л.А. Указ. соч. Ч. III. С. 167.

При всем сознании необходимости перемен у Л.А. Тихомирова сформировалось убеждение, что учреждения 1906 г. были созданы при крайнем помутнении государственных идеалов и под сильным давлением революционной смуты. И главное, обновление создало определенную неуверенность в вопросе о верховном функционале верховной власти.

Он писал: «...учреждения, возникшие в 1906 г., были созданы при чрезвычайном помутнении национального сознания, под влиянием смуты, и при объявленном графом Витте лозунге — подчинить государство воззрениям не Русской нации, а идеям “мыслящей части образованного общества”, которая именно отрицала основы государственности, выработанной русской национальной жизнью», так как “при ясности сознания, ни в одном учреждении не будет допущено чего-либо противного идее Самодержавия, или подрывающего веру и господствующую Церковь”⁸.

Л.А. Тихомиров писал, что создания какой-то новой верховной власти не требовалось, ибо она уже существовала тысячу лет в русском государстве в лице государей. Введение же любых юридических ограничений уже существующей верховной власти способствует лишь ослаблению государственности.

Своей кодификационной непоследовательностью законодательство позволяло многим либеральным и левым государstвоведам крайне противоположно толковать отношения между этой властью и учреждениями 1906 г. С одной стороны, права государя вроде бы ограничивались тем, что без одобрения Думы никакой закон не мог вступить в силу, а с другой — решающее слово все равно оставалось за императором, и, следовательно, законодательные учреждения не имели достаточно полномочий, чтобы стать “составными частями Верховной власти”.

Правительство, назначаемое и контролируемое непосредственно государем, также получило теоретическую возможность воздействовать на верховную власть через обязанность контрассигновки всех актов последней. Как будто бы без подписи соответствующего министра решение верховной власти уже не являлось державным решением или указанием.

В то же время, Государственная дума и Государственный совет, решавшие судьбу бюджета империи, получали возможность влиять на министерства и стремиться подчинить их. Таким образом, обновление государственного строя привело к тому, что различные

⁸ Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912. С. 89.

ветви власти вмешивались в прерогативы друг друга и пытались воздействовать на императора.

Такая ситуация в государственном управлении приводила к борьбе между плохо согласованными действиями разных учреждений. Не были четко определены цели и задачи каждого государственного института, что предоставляло возможность толковать свои полномочия, исходя из своих политических предпочтений. Некоторая неопределенность статуса государственных учреждений и политическая борьба привели к тому, что важнейшие государственные акты императорскому правительству приходилось проводить в чрезвычайном порядке (по статье 87 Основных законов), без широкого законодательного обсуждения. В противном случае практически любой законопроект блокировался или радикальным большинством Государственной думы, или консервативным Государственным советом (как было, например, с введением земства в западных губерниях).

Подобное реформирование государственного строя России вызвало жесткую критику Л.А. Тихомирова, главным объектом которой стали новые Основные законы, опубликованные 23 апреля 1906 г.

Их опубликование вызвало сильное потрясение в монархических кругах. 25 апреля 1906 г. Л.А. Тихомиров записал в дневнике: “От создания мира не было ни одного закона, равного этому по отсутствию мысли государственной”. Эти законы имели некоторую тенденцию к ограничению верховной власти посредством передачи законодательных функций Государственной думе и Государственному совету, которые юридически были наделены излишними или недостаточно четко сформулированными полномочиями. Левые и либеральные депутаты данных органов стали рассматривать себя на основании статей Основных законов (7, 17, 22, 24, 84, 86, 87, 119) не законосовещательными учреждениями, а законодательными. Тем самым, кодификация Основных законов 1906 г. искажала первоначальный замысел реформ, заложенный в Высочайших манифестах 1903–1905 гг., в которых нигде не идет речь об ограничении самодержавия.

Новые Основные законы создавали противоречивую ситуацию для политической борьбы, являвшуюся как бы переходным этапом к тому, чтобы верховная власть Российской империи была поделена между императором и представительными учреждениями.

Фактически это была своего рода попытка государственно-го переворота, на что и указывал Л.А. Тихомиров в своей рабо-

те “О недостатках конституции 1906 года”. Выразив уверенность, что “своеобразное творение 1906 г. так или иначе рухнет”, он показывает и главную причину его недостатков, которая “состоит в безграничном произволе ее создателей, в их убеждении, будто бы жизнью народа и государства можно распоряжаться как вздумается, совершенно не сообразуясь с самостоятельными законами жизни нации”⁹.

Основные законы 1906 г. поставили свободное действие верховной власти в некоторое формальное противоречие с законом, т.е. суверенитет верховной власти в области законотворчества ставился некоторыми статьями под сомнение, связав это действие с одобрением или неодобрением Государственной думы или Государственного совета. Л.А. Тихомиров утверждал, что кодификаторы искажали дух Высочайшего манифеста 17 октября и изменили старые Основные законы, следуя своим измышлениям, не сообразуясь ни с действительностью (т.е. с силой верховной власти императора, с ее фактически неупраздненной самодержавностью и неограниченностью), ни с национальными традициями. Он требовал приведения законов к “идентичности” воле верховной власти.

Попытка заменить одну верховную власть (императора) на другую (состоящую из императора, Государственного совета и Государственной думы), без достаточной четкости в следовании английской модели (при которой парламенту, имеющему неограниченную верховную власть и состоящему из короля, палаты лордов и палаты общин, подчиняется правительство) и есть попытка государственного переворота, совершаемого путем искажения высочайшей воли.

У думских политиканов создалась иллюзия, что через дальнейшее давление на императора можно добиться и ответственного министерства и учредительного собрания, которое бы и довершило “мирным путем” государственный переворот. Но верховная власть русского царя оставалась к тому времени реальностью. И его державная воля, изъяслявшаяся непосредственно через высочайшие манифесты и высочайшие указы, все еще приводила в движение русский государственный корабль, получивший значительные повреждения с выходом Основных законов 1906 г. Этой реальностью и объясняется Высочайший манифест 3 июня 1907 г., частично выправивший политическое положение. Государь воспринимал свой долг отлично от кодификаторов новых Основных законов и единолично провел изменения в избирательной системе.

⁹ Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года. М., 1907. С. 2.

Но юридическое положение государственного строя продолжало быть шатким. Неустойчивость должна была разрешиться или возрождением старинного порядка, когда верховная власть императора не имела юридических соперников, а значит была неограниченна и самодержавна, или революцией и свержением законной власти. Эта печальная ситуация во многом сложилась из-за того, что народное представительство было введено не как орган последовательно-законосовещательный, временный и “русский по духу” (как говорит Высочайший манифест 3 июня 1907 г.), а трактовалось многими как постоянная общегражданская структура с законодательными функциями.

“Все это расшатывание государственности, — писал Л.А. Тихомиров, — конституция 1906 года произвела из желания ввести в государственные учреждения новый фактор: народное представительство”¹⁰.

Но народное представительство виделось кодификаторам законов не как особая государственная форма общественной обязанности с целью помощи императорскому правительству в его управлении Российской империей. Новые Основные законы, вводя народное представительство, не определили, чем оно должно заниматься и для чего оно нужно в системе государственного управления. Фактически парламентарная и партийная по духу Государственная дума была устроена так, что не могла не желать, возможно, большего ограничения власти монарха и господства русской нации в империи, так как политические права были даны всему населению без разбора.

Из этого рождался вопрос, который был очень серьезен для того времени — осталась ли власть императора, как встарь, самодержавной и неограниченной? Вокруг этого вопроса шла широчайшая идейная дискуссия “монархистов” и “конституционалистов”, в которой активное участие принял Л.А. Тихомиров.

Статья 10 Основных Законов 1906 г. гласила: “Власть управления во всем объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского”.

Слово “управление” разными государствоведами и политическими публицистами понималось по-разному в отношении к Основным законам 1906 г. Одни утверждали, что «выражение “управление” в старых наших законах обнимало все проявления государственной власти»¹¹, т.е. власти законодательную, административную или исполнительную и судебную.

¹⁰ Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года. С. 38.

¹¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Одесса, 1913. С. 2.

О том же говорил и консервативный правовед Н.А. Захаров: “Назвать всю власть, именуемую Основными Законами властью управления, властью исполнительной... было бы... несоответствующим фактическому положению вещей”¹².

Другие пытались сузить смысл этой статьи Основных законов и предать слову “управление” значение лишь власти исполнительной, что было краеугольной разницей в толковании смысла всех Основных законов, их идеологии.

«В настоящее время, — писал левый по своим убеждениям, приват-доцент Н.И. Лазаревский, — та идея, что король есть глава исполнительной или правительственной власти, понимается и новейшими конституциями, и в литературе, не в том смысле, что эта власть вся целиком находится в его руках. Эта же точка зрения проведена и в наших Основных Законах, где в ст. 10 говорится, что “власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского... Очевидно “нераздельно” (или “во всем объеме”, по словам ст. 10 Основных Законов) принадлежащая Государю власть правительственная противопоставляется власти законодательной, осуществляемой Государем “в единении с Государственным Советом и с Государственной Думой”, разделяющими эту власть с Государем»¹³.

В разъяснение этого разномыслия можно привести мнение знаменитого государствоведа, профессора Н.М. Коркунова: “Наши Основные Законы, подводя все разнообразные акты государственного властвования под понятие управления, различают управление двоякого рода: верховное и подчиненное”¹⁴.

Таким образом, ясно, что в статье 10 Основных законов 1906 г. речь шла о верховном управлении, осуществляемом государем императором.

«По действующим Основным Законам выражение “власть управления”, или “власть государственного управления” обозначает то же самое, что и выражение “верховная самодержавная власть”, то есть, всю полноту государственной власти, и что эта власть принадлежит Государю Императору»¹⁵.

Вся власть на всем пространстве Российской империи принадлежит государю императору — “таков принцип, основное по-

¹² Захаров Н.А. Система русского государственного права. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 266.

¹³ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. С. 157, 166.

¹⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II. С. 3.

¹⁵ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 10.

ложение русского государственного права, занесенное в Основные Законы и вполне отвечающее правоубеждению русского народа. Только это положение может объединить в стройное целое наши Основные Законы. Только уяснив себе все значение этого начала, мы можем понять наше государственное право, как систему, в которой объединяются и историческое наследие, и нововведения недавних лет”¹⁶.

Проект Л.А. Тихомирова по реформированию Основных Законов 1906 г.

Наибольшего личного участия монарха в верховном управлении, по мнению Л.А. Тихомирова, требует власть законодательная, поскольку законодательство является узаконенной волей монарха. Из своего учения о царской прерогативе Л.А. Тихомиров выводит соответственно и два пути правообразования в монархическом государстве — обычный и чрезвычайный.

Основные законы 1906 г. создали ситуацию, при которой исчезло ясное, общепринятое сознание прав верховной власти, и их опубликование дало пищу для утверждений, что верховная власть в Российской империи теперь поделена между государственной думой, Государственным советом, и самим государем императором.

“Хотя, — как пишет Л.А. Тихомиров, — при тщательном юридическом анализе Высочайших Манифестов, относящихся к новым государственным установлениям, никаким недоумениям относительно Верховной Власти, так же как и относительно ее прав — нет места”¹⁷.

Особенное подтверждение этому мнению дает Высочайший манифест 3 июня 1907 г., который составляет дополнение к предыдущим высочайшим манифестам и четкое разъяснение об Основных законах 1906 г. Высочайшим манифестом 3 июня 1907 г. был изменен избирательный закон (Положение о выборах в Государственную думу), решение, которое по трактовке левых и либеральных толкователей, вроде бы запрещается статьями 7 и 86, в которых говорится о том, что ни один закон не может быть принят без одобрения Государственной думы и Государственного совета.

Решение это не подходит и под статью 87, так как изменение избирательного закона прямо запрещается этой статьей даже как чрезвычайная законодательная мера между сессиями законодатель-

¹⁶ Казанский П.Е. Указ. соч. С. 10.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Верховная Власть и Основные Законы 1906 года. М., 1909. С. 5.

ных учреждений. Также не подпадает под статью 87 и то, что изменение избирательного закона не было, как указано в этой статье о чрезвычайных законодательных мерах, внесено в Государственную думу и Государственный совет для его обсуждения. Да и сами Государственная дума и Государственный совет вовсе не поднимали вопроса о незаконности нового избирательного закона. Это значит, что Акт 3 июня был признан как законный, “несмотря на его кажущееся противоречие законам 1906 года и Манифесту 17 октября 1905 года”.

Другими словами это означало, что 3 июня 1907 г. русское государственное право получило фактическое доказательство того, что и после Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и после кодификации Основных законов 1906 г. “Государь император может своей самоличной Волею, по внушению своего единоличного разума, отменять прежние законы вне всякого соображения с обозначенным в Основных Законах 1906 года порядком законодательства. Таков факт русского государственного права”¹⁸.

Акт 3 июня явился непосредственным проявлением верховной власти государя императора и единственной статьей, под которую его можно подвести — это статья 4 Основных законов 1906 г., которая гласила: “Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает”.

Но несмотря на реальное положение вещей борьба за власть велась чрезвычайно активно и одною из “главных причин этого были новые Основные Законы 1906 года, которые и требовалось изменить”¹⁹.

Кодификационные изменения, предлагаемые Л.А. Тихомировым, касались глав первой, девятой и десятой раздела I тома свода Основных государственных законов.

Первой, по мысли Л.А. Тихомирова, в Основных законах должна была идти статья о том, что “государство Российское есть достояние не иной какой-либо народности, как именно русской”. Что законодательным образом утверждало господство русской нации в империи.

Вторая статья постулировала принцип верховной власти: “Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться Верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает”.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Верховная Власть и Основные Законы 1906 года. С. 3.

¹⁹ Там же.

Одной из главнейших и интереснейших статей была статья о законодательной власти, которая гласила, что “А. Власть законодательная во всем объеме принадлежит Государю Императору и осуществляется при законотворении либо обычным порядком, либо чрезвычайным, т.е. непосредственным действием Верховной Власти. А/1. В обычном порядке законотворения Государь Император осуществляет законодательную власть с участием Государственного Совета и Государственной Думы. А/2. Законы, изданные в порядке чрезвычайном, объявляются Высочайшими повелениями”. Статья вводила законное чрезвычайное действие в управление империей²⁰.

Так выглядели главные статьи в законодательном проекте Л.А. Тихомирова, дававшие возможность действию всех властей управительных и удобнейшее, свободное действие самой верховной власти. Это вписывалось в его основную формулировку государственного права, которая гласит, что “принцип разделения властей относится только к области власти управительной, а никак не Верховной”²¹. Верховная власть должна быть действительно верховной и у нее не должно быть никаких юридических властных соперников.

Далее Л.А. Тихомиров дает постатейное приблизительное исправление некоторых важнейших пунктов, разъясняющих прерогативы верховной власти²².

В основу изменений законодательства Л.А. Тихомировым был положен принцип свободного действия верховной власти и приведения кодификации 1906 г. в соответствии с духом высочайших манифестов, в которых “в мысли Законодателя неоспоримо много раз выражена необходимость *привлечения народных сил*, то есть, так или иначе, народного представительства к законодательной работе, но не менее ясно утверждено сохранение Самодержавной Верховной Власти Монарха”²³.

Однако ограничиваться изменениями статей Основных законов Л.А. Тихомиров в своей правой перестройке обновленного строя считал недостаточным. Построение действительного народного представительства требовало в корне изменить узаконения о Го-

²⁰ Тихомиров Л.А. Верховная Власть и Основные Законы 1906 года. С. 10.

²¹ Тихомиров Л.А. Царский суд в России. М., 1899. С. 29.

²² Все эти конкретные предложения по изменению Основных законов подробно представлены в книге Л.А. Тихомирова “Верховная Власть и Основные Законы” (1909). Подробнее здесь останавливаться на них нет надобности.

²³ Тихомиров Л.А. О пересмотре Основных Законов 1906 г. // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. С. 246.

сударственной думе и Государственном совете, а также определить отношения между государственным и церковным управлением, решить рабочий вопрос и узаконить господствующее, государствообразующее положение в Империи русской нации.

Обновление государственного строя ради единения власти и народа

Государственная дума получила широкие полномочия, что само по себе, конечно, не было опасно для монархического принципа, но нечеткость кодификации Основных законов 1906 г. привела к возможности узурпации представительным учреждением законодательных функций верховной власти.

Политика реформ была возведена еще Высочайшим манифестом 26 февраля 1903 г., который призывал всех граждан России к единению для усовершенствования государственного порядка, в том числе провозглашалось “согласование выборных общественных учреждений с правительственными властями”. Но реформирование было задержано начавшейся русско-японской войной и продолжилось лишь с опубликованием Высочайшего манифеста 6 августа 1905 г.

Было решено “призвать выборных от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов” с созданием законосовещательного учреждения. Высочайший манифест 17 октября 1905 г. объявил о созыве Государственной думы и определил ее полномочия, установив “как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силы без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей”.

Л.А. Тихомирова глубоко удивлял механический подход к выборам в Государственную думу, когда законодатели отошли от принципа господствующего положения державного русского народа в русском государстве и, как он пишет, “говорят явную нелепость и явную неправду, будто бы это государство столь же польское или еврейское, как русское”. Глупо то мнение, продолжал Л.А. Тихомиров, которое считает, что национальное большинство всегда сможет себя защитить без помощи государства. Оно не на чем не основано, и на практике “русские составляют большинство численное, но поляки и евреи сильнее их богатством, организацией, своим умением эксплуатировать народ”.

Он сетует на непонимание бюрократическими структурами власти того, что было еще недавно, до обновления государственного

стройка, так ясно: "...что наше государство есть государство русское, не польское, не финское, не татарское, тем паче не еврейское, а именно русское, созданное русским народом, поддерживаемое русским народом и не способное прожить полувеков, если в нем окажется подорвана гегемония русского народа". Требуя поэтому от государства обязанности "для охраны интересов Русского народа... дать ему (русскому народу — *прим. М.С.*) не простое право побеждать на выборах, но и возможность на это, — соответственной системой избирательного права"²⁴.

Пренебрежение русскими национальными интересами в устройении Государственной думы очень беспокоило Л.А. Тихомирова. Он видел, что после Высочайшего манифеста 3 июня 1907 г., изменившего избирательный закон, Государственная дума не стала "русской по духу", как того требовало высочайшее повеление.

По мнению Л.А. Тихомирова, этого и не могло произойти даже при новом избирательном законе, по которому продолжали "создавать Думу по системе антинациональной, которая помнит не Россию, не русский народ, а только то обстоятельство, что имеются не одни русские, а также поляки, армяне, евреи и т.п., не одни православные, а и магометане, ламаиты и т.д., не одни люди, преданные Отечеству и его историческому творчеству, а также люди ненавидящие и то, и другое. Из того обстоятельства, что все это у нас действительно имеется, мы выводим для системы представительства то заключение, что в государстве одинаково имеют право на представительство все категории друзей и врагов его"²⁵.

Депутаты, одни из которых любят Польшу, другие — магометан, третьи — Армению, четвертые — демократическую конституцию, пятые — социализм, шестые — Россию и самодержавие, по убеждению Л.А. Тихомирова, все, находясь в одном учреждении, принуждены были решать сложные и важные вопросы русского государства путем согласования всех этих противоположных направлений. Все это приводило к ослаблению России, растаскиванию ее по идеологическим и национальным предпочтениям.

От таких разных людей, столь отличных от русского образа жизни и русского мировоззрения, невозможно было требовать исполнения высочайшего повеления о необходимости в Государственной думе русского духа. Это естественное поведение в Государственной думе сложилось в первую очередь из-за принципа партийности при

²⁴ Тихомиров Л.А. Воспитательное влияние Государственной Думы // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. С. 135–136.

²⁵ Тихомиров Л.А. Конец думской сессии // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. С. 132.

построении народного представительства. Подобное разделение естественно потому, что оно лежит в самой природе любой партии, которая отделяет людей одного мировоззрения из среды всего народа и формирует из них частное сообщество, желающее навязать свое видение будущего всему обществу. Верховная власть стремится к объединению, партия — к разъединению, и поэтому, сколько бы партий не объединялось для управления страной, все равно страну будут раздирать споры и разногласия.

Демократическая теория о том, что страной должна править совокупность партий, представляется Л.А. Тихомирову глубоко неверной из-за отождествления интересов народа с интересами партий. Эта теория навязывает “народу то, чего в нем вовсе нет, т.е. будто бы принадлежность к партиям”. “Нация, — утверждает Л.А. Тихомиров, — всегда хочет быть единою и потому нуждается, чтобы существовала внепартийная власть. Народный инстинкт чувствует, что без руководственной роли власти не может быть ничего доброго в государственной работе, и потому-то народ всегда так оживает духом, когда появляется власть, и впадает в прострацию, когда власть исчезает куда-то”²⁶.

Лучшим примером этого является все тот же Высочайший манифест 3 июня 1907 г., — акт непосредственного единоличного действия верховной власти, выведший государство из революционного тупика двух первых Государственных дум.

Критическое положение дел создалось из-за несовершенства кодификации законодательства 1906 г., в котором не было указано законное место чрезвычайного порядка законодательства. Необходимые меры для действия государства при чрезвычайных, опасных или важных для него ситуациях приходилось осуществлять, распуская Государственную думу и проводя свои законодательные акты в порядке статьи 87, в коротких промежутках между сессиями законодательных учреждений. Такой порядок законодательства, ставший необходимым для управления государством при постоянном отвержении этого пути законодательными учреждениями, показывает, насколько было необходимо реформирование законодательства, а вместе с ним и государственных учреждений.

С введением представительных учреждений, построенных на парламентских началах, в русскую государственную систему, эта система получила инородную деталь в свой механизм, начавшую расшатывать государственную машину изнутри. В результате созда-

²⁶ Тихомиров Л.А. Думы перед Думой // Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. С. 30–31.

лось двусмысленное положение верховной власти, которая, с одной стороны, по Основным законам 1906 г. была вроде бы ограничена в области законодательной деятельности (ст. 7, ст. 86 и другие), а с другой стороны, сами новые Основные законы были учредительным актом державной воли верховной власти, и в любое время могли быть изменяемы тою же верховною властью, которая их учредила.

Невозможность оставаться при государственном строе, введенном в 1906 г., и нежелательность восстановления бюрократической системы, приведшей Россию к революции 1905 г., ставили задачу поиска иного выхода из создавшегося тяжелого положения. Ради единства власти и народа требовалось довести обновление государственного строя до своего логического и непротиворечивого завершения.

Выходов из этого положения могло быть два. Один — в “развитии чистого парламентаризма”, другой — в реформе “государственных учреждений в чисто-монархическом духе, одинаково чуждом и бюрократизма, и парламентаризма”.

Л.А. Тихомиров подчеркивал, что разница между правым (монархическим) и левым (парламентарным) способом выхода из кризиса находится не в вопросах о свободе, и даже не в народном представительстве, а в том, нужно ли и может ли Россия жить своей национальной жизнью или же она должна перестраивать свою жизнь по иностранным образцам “передовых стран”.

Консервативный государствовед как никто другой понимал трудности государственного положения и предложил свой выход, состоявший в развенчивании ложного мнения, будто бы народное представительство несовместимо с царской неограниченной и самодержавной властью. Он предложил монархическую перестройку Российской империи, суть которой была во введении монархического народного представительства, которое стало бы одним из учреждений государственного управления, не подрывая верховную власть государя императора, а укрепляя и подавая ей помощь.

Самодержцу совершенно необходимо общение с нацией, потому что его верховная власть призвана выражать дух нации, будучи всесторонне осведомленной о народных нуждах и мнениях. Народное представительство является одним из способов такого общения. Для области государственного управления, в которой действует народное представительство, это тоже очень важно, так как сочетание бюрократического и общественного управления помогает через контроль общественных учреждений предотвратить антигосударственное перерождение бюрократических институтов. Иными словами, в области государственного управления необходимо

сочетанное управление. Естественно, народное представительство при верховной власти монархического принципа не может быть введено как представительство верховной власти народа. Двух верховных властей в государстве, по убеждению Л.А. Тихомирова, быть не может, поэтому народное представительство должно выражаться в монархическом государстве в присутствии нации через своих представителей в государственном управлении.

При построении корпуса обязанностей и прав граждан Л.А. Тихомиров разделяет все население Российской империи на две части.

Первую составляют все русские, которых он определяет как граждан империи, с обязанностью “способствовать созиданию и поддержанию Государства, духом и трудами Русского народа созданного”, “в силу чего облакаются не только личными, но и политическими правами”.

Вторую составляют те народности, “которые по характеру своему и историческим традициям не способны поддерживать чуждую им национально Русскую Государственность”; они определяются Л.А. Тихомировым как “подданные и получают только личные права, необходимые для исполнения обязанностей честной и добропорядочной жизни всякого человеческого существа. Политических же прав Государство им не дает”²⁷.

Отдельным лицам из числа подданных Л.А. Тихомиров считает возможным даровать права граждан империи за особые заслуги перед русской государственностью.

По поводу самих политических прав Л.А. Тихомиров признавал, что они должны быть в принципе равны и одинаковы, но для практики он делает существенное пояснение, по которому осуществление этих политических прав должно соотносываться с подготовленностью человека к выполнению обязанностей, возлагаемых на него. А для этого необходимо разработать систему цензов: образовательных, нравственных, имущественных, сословных и т.д., чтобы политическими правами могли пользоваться в идеале лишь достойные и законопослушные граждане.

Народно-представительные учреждения Л.А. Тихомиров определяет как органы царско-народного совещания. Таких учреждений он намечал два: народную думу и земский собор.

Он пишет о необходимости коренного преобразования современной ему Государственной думы, которая должна быть не столько законодательным, сколько именно представительным органом из-

²⁷ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 8–9.

бранных граждан империи с широкими полномочиями в обсуждении государственных дел. Главная же задача Государственной думы должна состоять в обсуждении всего того спектра проблем, о которых государь император желает узнать народное мнение, а также в представлении на решение верховной власти всех крупных требований, волнующих избирателей, в том числе и вопросов, связанных с контролем за бюрократическими институтами власти.

Для действенной работы народной думы к ее созыву должен быть готов всеобъемлющий отчет о положении государственных дел в империи и представлены все законопроекты, по которым государь хотел бы знать мнение народных представителей. Те, в свою очередь, имеют право составлять свои законопроекты, которые поступают затем в законодательный совет (исполняющий в проекте Л.А. Тихомирова роль Государственного совета), а также делать запросы министерствам и контролировать все власти управительные на предмет законности, целесообразности и удачливости их действий.

Народная дума также может представить государю жалобы и пожелания о назначении или смещении тех или иных лиц, властью облеченных. Выбираться народные представители должны от строго определенных сословно-профессиональных корпораций и получать при избрании наказы от этих групп населения. Избиратели могут отзывать своих представителей и выбирать новых.

В случае же направления избирателями явно непригодных людей, такие депутаты высочайшим повелением могут быть исключены из состава Государственной думы, а избиратели, приславшие таких представителей, получают выговор и подвергнутся штрафу за нарушение уже своих гражданских избирательных обязанностей. Свобода депутатов в народной думе ограничивается лишь гражданским или уголовным правом, запрещающим преступления словом или делом для всех граждан империи.

Л.А. Тихомиров предлагал, чтобы народная дума собиралась раз в три года, на сессию в три-четыре месяца, “которая при надобности, конечно, может быть продолжена”. Необходимо, чтобы в народной думе были представлены действительные народные представители, т.е. люди, принадлежащие “к тем самым разрядам населения, коих мнения и пожелания она должна представлять”²⁸.

В такой важный государственный орган должны выбираться только “лучшие, разумнейшие и влиятельные лица”. Но такие люди не будут желать отрываться от своих основных занятий на продол-

²⁸ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. С. 16.

жительное время. При постоянных ежегодных сессиях население сможет выбирать только из тех людей, которые захотят стать профессиональными политиками, которые уже в Думе начнут создавать партии, стремящиеся к власти, что будет уже не представлением интересов тех или иных социальных или сословных групп, а борьбой за власть и с властью существующей. В конечном счете такое построение народного представительства перерастет в партийный парламентаризм, что уничтожит представительство народа и подчинит народ политикам.

Л.А. Тихомиров считал, что народная дума должна заниматься только серьезными и крупными вопросами, которые действительно важны для интересов разных групп населения. Такие вопросы назревают медленно и осознаются народом еще медленнее, поэтому три года перерыва между созывами дают срок для вызревания и накопления подобных проблем. Рассмотрение мелочей законодательства не должно входить в обязанность народных представителей.

“Итак, — пишет Л.А. Тихомиров, — кто желает иметь в Государстве действительно народное представительство хорошего качества, тот должен отрешиться от суеверия постоянных, ежегодных сессий, — суеверия, внушенного своекорыстными интересами политиков в практике европейского представительства новейших времен”²⁹.

Председатель Думы должен быть назначаем государем, дабы снять проблему борьбы за это место между народными представителями и одновременно дать более беспристрастный к внутренним течениям голос самому председателю.

В чрезвычайных ситуациях, когда решается судьба самого существования государства “или требуется решения в высшей степени ответственные перед судьбами нации (например, уступка территории) — должен быть созываем, по желанию Государя Императора и по представлениям высших государственных учреждений, Земский Собор”³⁰. Состав его должен быть собранием всех государственно-национальных сил.

Свой проект консервативных национальных реформ Л.А. Тихомиров связывал с появлением “умной диктатуры”, способной осуществить его идеи, но на умную диктатуру никто тогда не решился.

Идеи Л.А. Тихомирова оказались не востребованными в начале XX столетия. “Никто не хотел, — как писал его биограф В.А. Маевский, — серьезно вдуматься в трезвый голос предостереже-

²⁹ Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. С. 19.

³⁰ Там же.

ния, тем более, что и пророк-то был выходец из революционного Назарета”³¹.

После Февральской революции, уже несколько лет как отойдя от политической деятельности, в мае 1917 г. Л.А. Тихомиров сделал в дневнике следующую запись, подводящую итог его жизни: “Я ухожу с сознанием, что искренне хотел *блага* народу, России, человечеству. Я служил этому *благу честно и старательно*. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в *идеалах*, я не могу отказаться от *своих идеалов*. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права им мешать устраиваться, как им угодно, хотя бы и гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. И точно — я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня. Для меня во всей силе осталась одна задача единственная: *позаботится о спасении души своей*. Да поможет мне Бог в этом, и да будет во всем Его воля. Не остави меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего”³².

С этим своеобразным христианским реализмом Л.А. Тихомиров прожил после революции оставшиеся ему несколько лет жизни и умер в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ГА РФ ф. 634, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 133-133 об. Дневник Л.А. Тихомирова мая 1917 года.

Захаров Н.А. Система русского государственного права. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912.

Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Одесса, 1913

Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. II.

Лазаревский Н.И. Законодательные акты переходного периода. СПб., 1908.

Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910.

Маевский Вл. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934.

Савич Г. Новый государственный строй России. СПб., 1907.

Тихомиров Л.А. Царский суд в России. М., 1899.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Т. III.

Тихомиров Л.А. О недостатках конституции 1906 года. М., 1907 (а).

Тихомиров Л.А. Самодержавие и народное представительство. М., 1907 (б).

Тихомиров Л.А. Верховная Власть и Основные Законы 1906 года. М., 1909.

Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912.

³¹ Маевский Вл. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 61.

³² ГА РФ ф. 634, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 133-133 об. Дневник Л.А. Тихомирова мая 1917 года.

REFERENCES

GA RF f. 634, op. 1, ed. hr. 27, ll. 133-133 ob. Dnevnik L.A. Tihomirova maya 1917 goda [GA RF f. 634, op. 1, ed. hr. 27, ll. 133-133 vol. Diary of L.A. Tikhomirov May 1917] (in Russian).

Kazanskij P.E. Vlast' Vserossijskogo Imperatora [The Power of the All-Russian Emperor]. Odessa, 1913 (in Russian).

Korkunov N.M. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian State Law]. SPb., 1909. Izd. 6-e. T. II (in Russian).

Lazarevskij N.I. Zakonodatel'nye akty perekhodnogo perioda [Legislative acts of the transitional period]. 3-e izd. SPb., 1908 (in Russian).

Lazarevskij N.I. Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu [Lectures on Russian State Law]. SPb., 1910 (in Russian).

Maevskij V.I. Revolyucioner-monarhist. Pamyati L'va Tihomirova [Revolutionary monarchist. In memory of Lev Tikhomirov]. Novyj Sad, 1934 (in Russian).

Savich G. Novyj gosudarstvennyj stroj Rossii [The New State System of Russia]. SPb., 1907 (in Russian).

Tihomirov L.A. Carskij sud v Rossii [Tsarist Court in Russia]. M., 1899 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. M., 1905. T. III (in Russian).

Tihomirov L.A. O nedostatkah konstitucii 1906 goda [On the shortcomings of the Constitution of 1906]. M., 1907 (a) (in Russian).

Tihomirov L.A. Samoderzhavie i narodnoe predstavitel'stvo [Autocracy and People's Representation]. M., 1907 (b) (in Russian).

Tihomirov L.A. Verhovnaya Vlast' i Osnovnye Zakony 1906 goda [The Supreme Power and the Basic Laws of 1906]. M., 1909 (in Russian).

Tihomirov L.A. K reforme obnovlennoj Rossii [Towards the reform of the Renewed Russia]. M., 1912 (in Russian).

Zaharov N.A. Sistema russkogo gosudarstvennogo prava. Yuridicheskoe issledovanie [The system of Russian state law. Legal research]. Novocherkassk, 1912 (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-125-148

“СИСТЕМА ВЫСОКОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА”: ТРУДНОСТИ И ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИЙ РАЗНЫХ СТРАН

Е.Г. Ксенофонтова, канд. психол. наук, доц., доц. кафедры экономической социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Стремление обеспечить высокую производительность труда каждого работника в каждой организации свойственно всему современному миру. Однако единого термина, употребляемого в русскоязычной и англоязычной среде сейчас нет, также как нет и единого понимания того, какие факторы помогают достичь высокопроизводительной работы каждого работника. В России на государственном уровне собирается статистика и разрабатываются программы, способствующие росту числа ВППМ (высокопроизводительных рабочих мест), в англоязычной практике сменяют друг друга подходы, обозначаемые аббревиатурами НРО, НPHRP, НРWP и НРWS. Однако аналогично тому, с какими трудностями встречается в мире реализация концепции “достойного труда”, проблемы испытывают и компании, пытающиеся применять “высокопроизводительные практики организации работы”. Опубликованные результаты анализа мировых исследований за последние 30 лет показывают связь “высокопроизводительных рабочих систем” с а) разнообразными практиками управления персоналом (чуть реже, чем в половине публикаций); б) фактором-посредником в виде удовлетворенности персонала и его ощущением степени субъективного благополучия (по некоторым данным в наибольшей степени обсуждаемым в публикациях по “высокопроизводительным системам”; в) результативностью и производительностью работы организации в целом, и г) разными, иногда не всегда явными, установками и ожиданиями сотрудников (выделяемыми в отдельную группу). Тем не менее исследования периодически показывают не только успехи, но и непредсказуемые ухудшения значимых для организаций показателей. “Эмоциональное выгорание” работников и “дисбаланс работы и остальной жизни” усиливают внимание к “психологическому контракту” как обеспечению соблюдения комплекса взаимных ожиданий работодателей и работников, в том числе связанных с развивающимся в настоящее время форматом гибридной работы у некоторых категорий специалистов.

* Ксенофонтова Елена Геннадьевна, e-mail: eksen@mail.ru

Ключевые слова: управление результативностью, баланс работы и личной жизни, высокопроизводительные рабочие места, система управления человеческими ресурсами, практика управления персоналом, гибридная работа, эмоциональное выгорание, психологический контракт.

ECONOMIC SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

“HIGH PERFORMANCE WORK SYSTEM”: CHALLENGES AND GOOD PRACTICES OF ORGANIZATIONS AROUND THE WORLD

Ksenofontova Elena G., PhD in Psychology, Associate Professor, Economic Sociology and Management Subdepartment, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: eksen@mail.ru

The desire to ensure high productivity of each employee in each organization is characteristic of the entire modern world. However, there is no single term used for this, even within an English-speaking (or Russian-speaking) environment, just as there is no common understanding of the factors that can lead to high productivity of each employee. In Russia statistics are collected and programs are being developed that contribute to the growth in the number “High Productivity Jobs” (at the state level). In English-speaking practice, similar approaches are indicated by the abbreviations HPO, HPHRP, HPWP and HPWS. However, similar to the difficulties encountered in the implementation of the concept of “Decent Work” in the world, problems are also experienced by companies trying to apply “high-performance work organization practices”. The published results of the analysis of world publications over the past 30 years show the connection of “high-performance work systems” a) with a variety of personnel management practices (slightly less than in half of the publications); b) with an intermediary factor in the form of staff satisfaction and their sense of subjective well-being (according to some data, most discussed in publications on “high-performance systems”); c) with the effectiveness and productivity of the organization as a whole, and d) with different, not always explicit, attitudes and expectations of employees (allocated to a separate group). Nevertheless, studies periodically show not only successes, but also unpredictable deterioration of indicators that are significant for organizations. The “emotional burnout” of employees and the “imbalance of work and the rest of life” increase attention to the “psychological contract” as ensuring compliance with the complex of mutual expectations of employers and employees. Part of these expectations is related to the currently developing format of hybrid work for some categories of specialists.

Key words: performance management, work-life balance, high-performance workplaces, human resource management system, employee management practices, hybrid work, emotional burnout, psychological contract.

В современной англоязычной терминологии, связанной с вопросами социального управления вообще, и управления организациями, в частности, уже несколько десятилетий сменяют друг друга аббревиатуры НРО, НРНРР, НРWP и НРWS¹. При этом в отечественных научных журналах эти термины употребляются крайне редко, также как и их русскоязычный аналог — ВПРМ, появившийся на государственном уровне уже достаточно давно как некий целевой ориентир. В практике управления организациями реализация обозначаемых данными терминами подходов идет не совсем параллельными путями, примерно так же, как произошло с предложенной в 1999 г. Международной организацией труда концепцией “достойного труда”: на уровне макроэкономики и соответствующих социальных процессов исследователи и практики заботятся о минимизации безработицы, равных трудовых правах всех социальных групп и “защищенном уровне оплаты труда”^{2, 3}. При этом на уровне отдельных компаний возможности повышения заработной платы зависят от степени эффективности и конкурентоспособности этих компаний, *однако задача создания “достойных рабочих мест”*, способных повышать эту эффективность (помимо необходимых, но дополнительных затрат, на которые не все компании способны), *испытывает трудности в реализации*, в том числе и из-за противоречивых трактовок употребляющихся в этой сфере терминов.

Начнем анализ проблемы с понятия ВПРМ — **“Высокопроизводительное рабочее место”**. Росстат уже более 10 лет отслеживает “прирост высокопроизводительных рабочих мест в процентах к предыдущему году”. Можно было бы предположить, что на высокопроизводительных рабочих местах работники демонстрируют высокую производительность труда и *производят* то, в чем специализируется их организация-работодатель. Однако показатель обозначает нечто иное (вполне социально значимое и являющееся следствием непосредственного производства): *соответствие среднемесячной зарплаты работников установленным на конкретный год нормативам* (если зарплата равна или превышает норматив,

¹ Расшифровка и сопоставительное описание этих терминов представлено далее в табл.1.

² Z Zurich Foundation, JA Worldwide & JA Africa announce a partnership to Create Bright, Boundless Futures for African Youth 2022. URL: <https://www.zurich.foundation/about-us/publications>

³ Can better working conditions improve the performance of SMEs? An international literature review. International Labour Office. Geneva, 2013.

значит высокопроизводительное рабочее место создано!). В трактовках данного термина есть еще несколько осложняющих нюансов: оцениваются именно “замещенные” рабочие места, т.е. не “место в процессе производства продукта деятельности” компании (которое могло бы быть “высокотехнологично” и “безопасно” оборудовано, но по каким-то причинам временно вакантно), а именно заработанная на этом рабочем месте зарплата конкретного сотрудника, который, скорее всего, соответствует по квалификации требованиям этой должности, но тем не менее может “вариативно” проявлять разную степень внимательности, компетентности и производительности. Тем не менее “обоснованная необходимость оснащения конкретного рабочего места современными высокотехнологичными средствами труда, функционирующими в условиях организации производства”, должна обеспечивать высокую производительность труда и достаточную для жизни “замещающего это место” работника заработную плату.

К оснащенности необходимыми средствами труда в век “экономики знаний” все чаще относят владение сотрудниками применяемыми в рабочих процессах “интеллектуальными инструментами”, сопряженными с ИТ-технологиями. Поэтому одним из важных факторов не только производительности, но и удовлетворенности/неудовлетворенности работника работодателем становится обеспеченность системы работы организации (и каждого рабочего места в ней) самыми современными ИТ-технологиями. А важнейшими факторами роста “степени высокопроизводительности” рабочего места называются наличие и постоянное повышение квалификации работников, приходящих и “замещающих” собой созданное работодателем рабочее место.

Таким образом, получается, что “эффективный работодатель” *создает системные возможности* (и не создает ограничений) высокой производительности работы высококвалифицированных специалистов⁴ на соответствующих рабочих местах. И тем самым создается (или не создается) достойный уровень их заработной платы. А основные факторы, влияющие на требуемый “прирост высокопроизводительных рабочих мест”, являются не только причиной, но и следствием *высокой производительности организации* (рис. 1).

Посмотрим на **англоязычные аналоги терминов, обозначающих систему обеспечения высокой производительности работы.**

⁴ Задача поддержания высокой квалификации на протяжении всей жизни разрабатывается в подходе LLL (*Laal M. Key necessities for lifelong learning // Proceedings — Social and Behavioral Sciences. 2013. N 83. P. 937–941*).

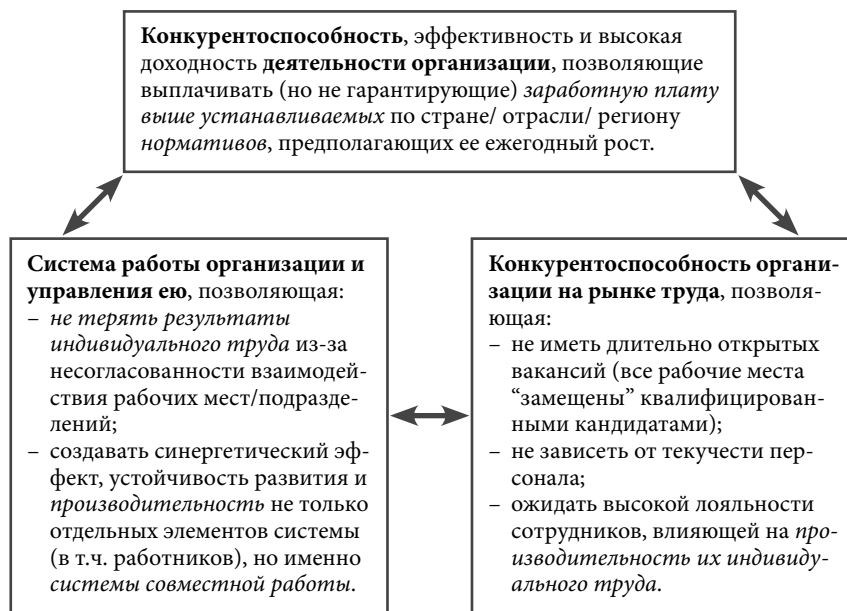

Рис. 1. Факторы, влияющие на прирост количества “высокопроизводительных рабочих мест”

Какие же системные возможности обсуждаются в управленческих подходах во всем мире вот уже более 30 лет?

Как видно из данных табл. 1, все варианты рассмотренных англоязычных подходов делают акцент именно на системе высокопроизводительного управления организациями, управления работой организаций или работой в организациях, на практиках как системе управления работой, но *не на создании высокопроизводительных рабочих мест!* Подсчитываемые (создаваемые и оцениваемые) разрозненные рабочие места не смогут быть даже относительно производительными, поскольку главное в работе любого элемента системы — это его взаимосвязь с другими элементами. В обзоре 2004 г. от Британского центра исследований и консультаций в области человеческих ресурсов и занятости (IES — Institute for Employment Studies⁵) Пенни Тэмкин отмечает, что HPW-практики способствуют появлению высокопроизводительных рабочих мест или организаций (HPWOs). Но анализируются тем не менее сами практики создания таких мест.

⁵ Tamkin P. High performance work practices. L., 2004.

Таблица 1

**Сопоставление смыслового содержания распространенных обозначений
“высокопроизводительных практик организации работы”**

HPO	High Performance Organizations	Высокопроизводительные организации	Наиболее ранний термин, активно использовавшийся с 1990-х гг. при попытках описания (построения) целостной модели “сильной” организации
HPHRP	High Performance Human Resource Practices	Высокопроизводительные практики управления человеческими ресурсами	Встретившись с трудностями выделения <i>факторов эффективности организации в целом</i> , исследователи сузили поле внимания до отдельных элементов управления персоналом, приносящих тот или иной эффект. В одном случае с акцентом на работе <i>систем управления персоналом</i> (Human Resource management), в другом — с акцентом на <i>практиках управления работой</i> всей организации, ее бизнес-процессов и элементов этих бизнес-процессов (операций, выполняемых отдельными сотрудниками)
HPWP	High Performance Work Practices	Высокопроизводительные рабочие практики	
HPWS	High Performance Work System	Система высокопроизводительной работы	Наиболее распространенный в настоящее время термин, выходящий за пределы “job” — как места трудоустройства и заработка и более близкий работе как выполнению общего дела — “work”
HPWOs	High Performance Workplace Organizations / Work Organizations	Организации с высокопроизводительными рабочими местами / Организации высокопроизводительной работы	Как наименование концепции (подхода) термин употребляется редко. Чаще как характеристика некоторых (лучших) организаций

Ориентация на создание системы высокой результативности и производительности часто просматривается и в других терминах и подходах, не всегда использующих слова “высокая производительность”, как, например, в распространенном в России подходе

“Стратегическое УЧР” (управление человеческими ресурсами)⁶. Тогда как термин СОТ (система организации труда) уже не предполагает “обязательств” достижения высокой производительности.

Обратим внимание на глубокую исследовательскую работу Александры Бордунос и Светланы Кошелевой (СПбГУ), посвященную анализу концепций управления персоналом, учитывающему, в том числе, и опыт The European Institute for Advanced Studies in Management (EIASM) — Европейского института перспективных исследований в области менеджмента. Так, авторы, сопоставляя разные концепции и анализируя эволюцию представлений о стратегии управления человеческими ресурсами, говорят об “эффекте колеи” при развитии или выборе той или иной концепции: «Поскольку каждый из стандартов УЧР формировался под воздействием определенной институциональной среды, новый стандарт может попросту “не подойти” из-за его неполной идентичности текущим условиям»⁷.

Тем не менее авторы выделили три основных, на их взгляд, принятых в мире “систем организации труда” — СОТ: а) ориентированную на производительность персонала, б) ориентированную на причастность персонала и в) ориентированную на вовлеченность персонала, предполагая, что *все они имеют стратегическую цель быть высокорезультативными системами*, как это и называется в их англоязычных аналогах. Предложенное авторами рассмотрение всех этих “систем” на пяти уровнях анализа (от экономических теорий до наблюдаемых индивидуальных и организационных результатов) заслуживает внимания, в частности, потому, что они “исследуют ключевые ценности в отношении персонала, определяющие роль сотрудников в достижении конкурентного преимущества фирмы, а также ожидаемые реакции персонала на используемую СОТ, т.е. обращаются к глубинным слоям, которые более устойчивы к изменениям”⁸.

В данном случае предполагается, что разные типы “глубинного отношения” к персоналу могут при разных обстоятельствах обеспечить **соответствие взаимных ожиданий** и оказаться высокорезультативными. Однако скоординированность совместной работы (т.е.

⁶ Zavyalova E.K., Kucherov D.G., Tsybova V.S. High-performance work systems in Russian and Indian IT companies // Russian Management Journal. 2020. N 18 (2). P. 235–254.

⁷ Бордунос А.К., Кошелева С.В. Эволюция стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами с позиций систем организации труда // Вестник СПбГУ. Серия 8. Менеджмент. 2016. Вып. 3. С. 31.

⁸ Там же. С. 45.

бизнес-процессов) во всех типах “глубинного отношения” обеспечивается в любом случае, иначе организация не сможет достигать необходимых результатов, а это не соответствует ожиданиям ни персонала, ни руководства организации.

Тем не менее помимо выстраивания “удобных и скоординированных” бизнес-процессов в минималистской пространственной среде, сотрудникам нужны еще и дополнительные “артефакты” — не глубинные, а явные для всех, видимые элементы организационного быта, определенные ритуалы и традиции взаимодействия. Так, многие знаки и символы являются настолько эмоционально значимыми для всех или многих сотрудников, что повышают “организационный патриотизм” — чувство гордости от причастности и возможности приносить пользу своей организации, это сказывается и на повышении производительности труда. Как говорили часто в советское время и как сейчас говорят руководители китайских предприятий — “очень важен энтузиазм людей”. Однако проявления вовлеченности в работу компании могут говорить о деятельном, но не этичном корпоративном гражданстве⁹. На видимом для всех уровне помимо логотипа компании и оформления помещений в корпоративных цветах к артефактам организационной культуры относят и дресс-код, и устройство пространства работы, и условия питания работников, и многое другое. Причем со стороны многие артефакты могут казаться абсолютно бутафорскими, тем не менее для определенных групп работников в соответствующих их ожиданиям и потребностям организационных культурах они могут быть “инструментами усиления идентификации” с организацией. В предложенной С.А. Барковым типологии бытовой организационной культуры названия типов представлены парами образов: армия-государство, церковь-община, офис-завод и клуб-карнавал¹⁰. Это скорее метафоры, идеальные модели массовых представлений о том или ином типе организации, а не описания выявленных в результате детальной диагностики признаков конкретных заводов, армий или государств. Тем не менее в каждом выделенном типе заложены возможности позитивного и негативного отношения к одним и тем же артефактам, зависящего от ожиданий тех или иных социальных групп. Так, слова “У вас тут как в клубе!” одни люди будут воспринимать как оскорбление, а другие, как комплимент выстроенной в компании

⁹ Khushk A., Zengtian Z., Hui Y. Holistic view of unethical pro-organizational behavior: literature review // *Organizaționnaă psihologiă (Organizational Psychology)*. 2022. Vol. 12. N 3. P. 168–181.

¹⁰ Артефакты организационной культуры: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.

организационной среде. Но в любом случае на этом примере опять подтверждается важность обеспечения соответствия имевшимся ожиданиям обеих сторон, которое при “базовом соответствии” создает возможность менять и развивать остальные свои ожидания для сближения и долгосрочной устойчивости организационных “верхов и низов”.

Если воспользоваться результатами библиографического анализа **публикаций последних 30 лет**, посвященных созданию системных условий для высокопроизводительной работы (HPWS), то можно увидеть, что выявленные американской исследовательницей Р. Дас¹¹ закономерности показывают наличие четырех достаточно самостоятельных смысловых групп (см. рис. 2).

Human resource, Resource management. Resource practices. Human capital, HR practices and Management practices: Человеческие ресурсы, Управление ресурсами, Практики (управления) ресурсами, Человеческий капитал, Кадровые практики — практики (управления) человеческими ресурсами и Практика менеджмента, 48%	Mediating role, Moderating role. Job satisfaction, Mediating model, Moderated mediation, Employee well being: Посредническая роль, Модерирующая роль, Удовлетворенность работой, Посредническая модель, Модерируемое посредничество, Забота об охране здоровья, Благополучие
Firm performance, Organizational performance. Employee outcomes, High performance human: Производительность / результативность фирмы, Производительность / результативность организации, Результаты работы сотрудников, Высокопроизводительный человек, 21%	Employee attitudes, Black box. Strategic human: Отношения сотрудников, Черный ящик (нечто “непрозрачное” — непонятное), Стратегический человек, 7%

Рис. 2. Объем смысловых групп терминов, связанных с системами высокопроизводительных рабочих мест — HPWS (составлено автором данной статьи по материалам анализа 730 публикаций, осуществленного Р. Дас)

¹¹ Das R. What do we know about High Performance Work Systems? A bibliometric summary of 30 years of research. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365261134_What_do_we_know_about_High_Performance_Work_Systems_A_bibliometric_summary_of_30_years_of_research

Практически половина всех названий статей, их аннотаций и перечней ключевых слов ограничиваются констатацией сферы применения обсуждаемой технологии, т.е. сферы управления человеческими ресурсами (48%) (на рис. 2). В наименьшей группе находятся публикации, фиксирующие некоторую закрытость для исследователей ожиданий и установок работников (7%). Остальной материал распределился на две смысловые группы: публикации, связанные с благополучием сотрудников и заботой организации о персонале (23%), и связанные с так называемыми “перформансами” или производительностью труда (21%)¹².

При этом почти равноценные по количеству публикаций группы (23% и 21%) отражают главную мысль нашей статьи, с одной стороны, разрабатываемые и внедряемые в организации системы создания рабочих мест *влияют на производительность* (отдельных сотрудников и компаний в целом), а с другой — они и влияют, и сами зависимы от ощущения *благополучия* сотрудников. А, как показывают отдельные исследования, ощущение благополучно созданной рабочей среды является и причиной повышения производительности труда, и ее следствием. Собственно, как и показано в мотивационной модели 1967 г. Портером и Лоулером: *хорошие результаты работы повышают удовлетворенность трудом, а удовлетворенность повышает дальнейшие результаты*.

Шри-Ланкийские исследователи также уже несколько лет большое внимание уделяют обзорам исследований в сфере практик создания высокоэффективных рабочих систем. В обзоре **127 исследований из базы данных SCOPUS** от 2022 г.¹³ они обнаружили наибольшую частоту одновременного упоминания практик высокопроизводительной работы с *удовлетворенностью персонала работой* и с *эффективностью организации в целом*. При этом удовлетворенность персонала в выборке проанализированных ими публикаций упоминается даже чаще эффективности.

Интересные результаты показал проведенный этими же исследователями кластерный анализ. В одном (малочисленном) кластере оказались явления, связанные со взглядом со стороны рынка труда:

¹² В менеджменте перформансом называют процент реального достижения человеком или подразделением поставленной цели (цель — 100% ожидаемого результата). В отличие от этого производительность может считаться в абсолютных количествах требуемого результата в расчете на единицу измерения (человека/смену/месяц и т.д.). А эффективность рассчитывается как результат, деленный на стоимость его получения.

¹³ Iddagoda A., Dissanayake H., Abeysinghe R., Wickramaratne R. High performance work practices: a bibliometric analysis // Conference: International Research Symposium on Human Resource Management. Sri Lanka, 2022.

удержание/не удержание персонала и конкурентоспособность организации (в том числе и как работодателя). А в другом, значительно более обширном кластере, оказались и удовлетворенность персонала, и его производительность, и действия менеджмента по разработке условий для высокопроизводительной работы — созданию позитивной рабочей среды.

Тем не менее анализ изобретаемых менеджментом систем поддержания и повышения *эффективности* деятельности организаций (*результативности* при выполнении поставленных задач и *производительности* на каждом рабочем месте) *периодически показывает не только успехи* от внедрения тех или иных новых подходов, но и непредсказуемые ухудшения значимых для организации показателей. Особенно ситуация усугубляется неблагоприятной внешней средой. Поэтому в связи с **“эмоциональным выгоранием”** работников, признанным международной организацией здравоохранения проблемой, связанной со здоровьем и имеющей массовый характер по всему миру^{14,15}, работодатели и исследователи проблем управления организациями стали уделять больше внимания **психологическому контракту** как системе **взаимных ожиданий** работодателей и работников по отношению друг к другу.

Одним из относительно новых, но очень значимых ожиданий, существенно влияющих во многих странах мира на производительность труда, оказалась *возможность гибридной формы работы* (частично дистанционно, частично в офисе) для некоторых категорий работников.

В зимнем **исследовании тенденций, связанных с работой и отношением сотрудников организаций к работе**, осуществленном в конце 2022 г. консорциумом Future Forum, было опрошено 10243 офисных сотрудника шести стран мира: США, Австралии, Франции, Германии, Японии и Великобритании¹⁶. Респондентов просили по пятибалльной шкале оценить свой опыт и настроение, связанное с работой. Поскольку консорциум Future Forum (организованный разработчиком корпоративного мессенджера Slack) заботится о “разработке рабочего места, ориентированного на людей и на цифровые технологии”, то исследователей особо интересовал вопрос

¹⁴ Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы, решения / Под ред. Е.Г. Ксенофоновой. М., 2021.

¹⁵ Androulakis G.S., Georgiou D. Ap., Nikolaou G. The grid of burnout, engagement and job satisfaction: a case study in Greece // International Journal of Human Resource Studies. 2021. N 11(4). P. 24. DOI:10.5296/ijhrs.v11i4.19087

¹⁶ Future Forum pulse report, winter 2022–2023. URL: <https://futureforum.com/wp-content/uploads/2023/02/Future-Forum-Pulse-Report-Winter-2022-2023.pdf>

о “привлекательности работы не из дома” при гибридной форме работы. Сравнение ответов руководителей и не руководителей (по всем шести странам) показало *ценность* для обеих групп *сотрудничества в рабочих процессах*, которое обеспечивает большую согласованность именно при работе рядом, а также ценность вообще личных встреч (даже несмотря на имеющиеся в исследованных компаниях коммуникационные ИТ-технологии). Домашняя обстановка многим кажется “менее тихим местом”, чем офис. Особенно ценят свои рабочие места в офисе руководители, у которых они оборудованы, вероятно, несколько более комфортно, чем у остального персонала.

Однако по двум пунктам значимые мотивы работников и руководства разошлись: руководители значительно больше *ценят встречи лицом к лицу работника и руководителя*, тогда как не руководители вдвое больше, чем руководители, ценят “создание духа товарищества” (см. рис. 3).

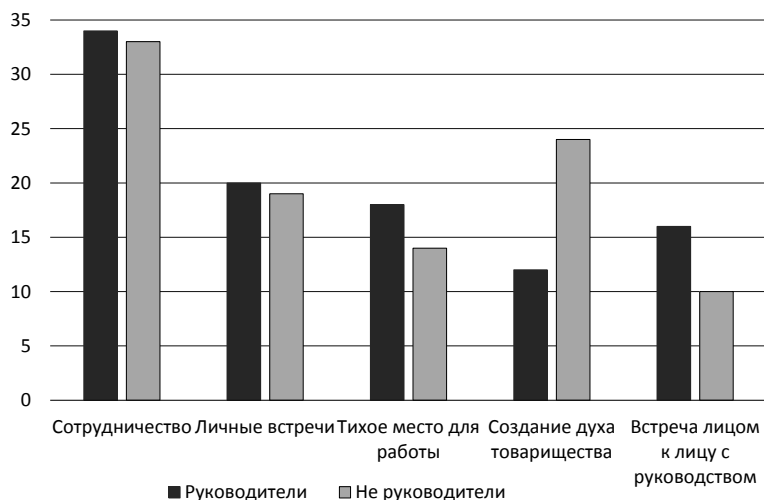

Рис. 3. Главные мотивы, определяющие желание приходить в офис при гибридной форме работы¹⁷

Сравнивая только по США расово-этнические различия в предпочтении гибкости в выборе места работы или графика работы, организаторы опроса обнаружили, что белые американцы только в 64% случаев предпочитают гибкость *временного графика* работы и

¹⁷ Составлено автором статьи по данным Future Forum pulse report, winter 2022–2023. Опрошено 10423 работника из компаний шести стран.

в 79% — *гибкость в принятии решений о своем месторасположении*, тогда как американцы азиатского происхождения ценят эти два проявления гибкости больше всех (71% и 86% соответственно). Чернокожие американцы и латиноамериканцы находятся между ними. Трактую эти результаты, исследователи предполагают большую “дисциплинированность” белых американцев, однако другое предположение связано с уровнем жизни, размерами семьи и бытовыми условиями “не белых” американцев. Подтверждением этого второго предположения являются следующие результаты исследователей:

Гибкость графика важна для 67% родителей (для 66% матерей и 69% отцов), а гибкость местоположения важна для всех родителей (указано, что у работающих матерей это 84%, более того, 59% работающих матерей говорят, что хотят работать вне офиса три—пять дней в неделю по сравнению с 47% работающих отцов). Это уже результаты по всем шести странами и 10243 опрошенным.

В целом авторы описываемого исследования утверждают, что 49% офисных работников во всем мире работают по гибридной схеме, по сравнению с 35%, работающими полный рабочий день в офисе, и 17%, работающими полный рабочий день удаленно.

Однако учитывая то, что авторами данных выводов опрашивались сотрудники компаний, в которых коммуникационная среда обеспечена современным общекорпоративным мессенджером, можно предположить, что и согласованность действий дистанционно работающего персонала, и обеспеченность необходимой для работы информацией в целом по миру значительно ниже.

Тем не менее и благодаря развитию технологий, и “благодаря ковиду”, вкус к большей свободе и гибкости почувствовали работники разных компаний и теперь они “смеют мечтать” о большем. Организатор регулярных опросов консорциум Future Forum утверждает, что по их выборке *“гибкость”* занимает второе место после *вознаграждения* в определении удовлетворенности работой¹⁸.

Несмотря на то, что “приходы” в офис ценны и руководителям, и сотрудникам, те, кто имел в 2022 г. возможность “гибридно” работать, на 57% чаще говорили, что корпоративная культура компании улучшилась, по сравнению с теми, кто постоянно работал в офисе. И форма организации работы, по мнению “счастливиц”, является главным фактором таких улучшений. Однако не все руководители думают аналогично: четверть из них отмечает негативное влияние на “командную культуру” наличия гибкости в форме работы сотрудников.

¹⁸ Future Forum pulse report, winter 2022–2023.

Интересно, что предоставление гибкой работы не понижает связь сотрудника с организацией, а наоборот: получившие такую возможность на 14% чаще говорят о своей связи с организационными ценностями, и на 15% чаще — о чувстве своей связи с непосредственным руководителем. Однако после пандемийных локдаунов речь шла не только об обязанности работать в офисе, но и о праве туда вернуться полностью или частично. И с этим *правом не полного возвращения и связывается удовлетворенность* многих работников, также как и с правом выбора графика (рис. 4).

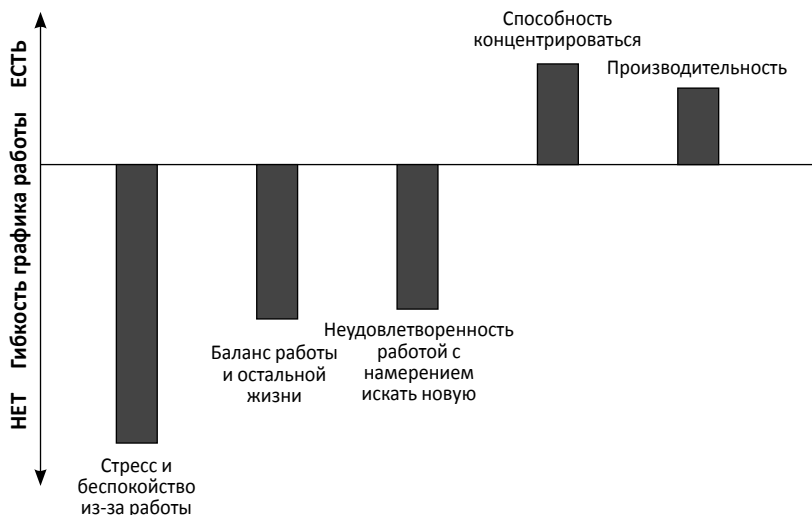

Рис. 4. Последствия наличия или отсутствия гибкого графика работы¹⁹

Офисные работники, которые считают, что их работодатель общается *прозрачно* (“транспарентно”), показывают заметно более высокие оценки *вовлеченности* (рассматриваемой часто как более сильная привязанность к организации, чем лояльность). Среди работников только 41% отмечает прозрачность в работе своих руководителей, тогда как сами руководители в 73% ответов назвали свое поведение “очень прозрачным” и этим снижающим стресс.

Как бы в мире ни оценивались проблемы и потрясения последних лет, в сфере организации труда все больше внимания обращают на *неуклонный рост проблем, связанных с эмоциональным выгоранием работников*, отмечающийся уже около полувека. Тем не менее

¹⁹ Составлено автором статьи по данным Future Forum pulse report, winter 2022–2023. Опрошено 10423 работника из компаний шести стран.

за полтора года (от мая 2021 до 2022) ощущение нарастания выгорания исследователи Future Forum отметили у работников пяти стран из шести: японцы не показали особой динамики относительно своего предыдущего уровня, а жители Германии продемонстрировали заметный рост этих ощущений. Соединенные Штаты, стартовав с уровня более высокого (близкого к старту Британии), особого роста не показали, тогда как *работники британских компаний продемонстрировали явный рост ощущения выгорания на работе*. Франция (бывший лидер) уступила свое лидерство Австралии, в которой каждый второй работник из опрошенных выбрал следующий вариант ответа: “Я испытываю чувство, что работа меня выжгла”²⁰.

Синдром выгорания, т.е. некий “букет симптомов”, являющихся результатом хронического стресса, связанного с конкретной работой, с 2022 г. уже включен в международный классификатор болезней и проблем, связанных со здоровьем. Он проявляется в трех влияющих друг на друга аспектах: помимо чувства истощения сил и снижения производительности труда, человек ощущает психическую *отрешенность и негативное отношение к своей работе и всему, что с ней связано, в том числе ценностям этой “негативной” для человека среды*. Как трактуют это исследователи из FF (Future Forum), отмечается “повышенная психическая дистанцированность от работы и чувство негативизма или цинизма, связанные с работой”.

Так, 53% тех, кто не удовлетворен предоставляемым им уровнем гибкости, говорят, что они выгорели (в отличие от чуть более трети “выгорающих” при возможности гибкого графика своей работы). Женщины заметно больше, чем мужчины (46 к 37%), а молодые (до 30 лет) чаще, чем более старшие (48 к 40%) ощущают свое “выгорание” на работе (или говорят об этом). Возможно, они это ощущают сильнее, или это происходит с ними чаще. Однако возможно и то, что ощущают сильнее потому, что ценность “не выгорания от работы” обсуждается и ценится больше именно в их среде. Подобное мы выявили в материалах Росстата²¹: молодые “больше устают” от дороги на работу и с работы, чем работники пожилого возраста, которые “пожили уже” и понимают, что стоит ценить, а на что стараться не обращать внимания. Однако верно и другое: спектр возможностей, имеющийся у молодых, более широкий (хотя кажется некоторым безграничным), поэтому более ценной альтернативой “наемного труда пять дней по восемь часов на территории

²⁰ Future Forum pulse report, winter 2022–2023.

²¹ Барков С.А., Ксенофонтова Е.Г. Молодые и возрастные работники на постиндустриальном рынке труда: противоборство или взаимодополнение? // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31. № 6.

работодателя” им представляются новые формы занятости. Даже “прекарной” и, стало быть, социально незащищенной занятости.

Итак, можно констатировать **рост потребностей и ожиданий у работников относительно организаций-работодателей**, особенно усилившийся в последние годы. Совпадающий по времени с **ростом объективной потребности и ожиданий работодателей в повышении производительности труда** ради сохранения конкурентоспособности их организаций.

Эффективность и экономическая, и социальная зависит в том числе от создания *условий устойчивого развития организаций*, что не противоречит интересам участников доступного конкретной организации *рынка труда* (включая создание условий для работы только дистанционно доступных сотрудников). Со стороны работников это связано с ожиданиями удовлетворения их разнообразных потребностей, а со стороны организации это связано с ожиданиями эффективной отдачи от труда людей, заботу о благополучии которых осуществляет организация-работодатель. При этом не все взаимные ожидания и соответствующие обязательства прописываются в юридических договорах. Поэтому в XXI в. особое внимание уделяется **психологическим (негласным) контрактам**²². И даже если данный термин не употребляется, то все чаще идет речь о *заботе организаций о благополучии сотрудников*. Не как формах социальной благотворительности, манипулирования или транзакционных сделок “ты мне — я тебе”, а как форме современного понимания *взаимозависимого и взаимообогащающего сотрудничества*, именно благодаря которому и достигается более высокопроизводительная работа. Рассмотрим на примере одной постсоциалистической страны, как эти процессы могут выглядеть.

В тщательном аналитическом исследовании **тенденций управления персоналом в организациях Словакии за 20-летний период**, опубликованном в 2023 г., показана четкая связь удовлетворенности и лояльности сотрудников с обеспечением необходимой в каждом конкретном случае заботы о персонале. При этом забота о благополучии сотрудников высоко ими ценится в том случае, если она выходит за рамки юридически прописанных (и являющихся отражением всеобщих норм) обязательств. На рис. 5 заметно, что несмотря на трудности получения оценок степени “заботы” организации о со-

²² Важно обратить внимание на то, что взгляд со стороны психологии концентрирует внимание не на системе взаимных ожиданий, а именно на свойствах личности работника (см.: Ребрилова Е.С. Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Тверь, 2009).

трудниках в разных отраслях и регионах страны, тенденции роста признаваемой персоналом заботы очевидны.

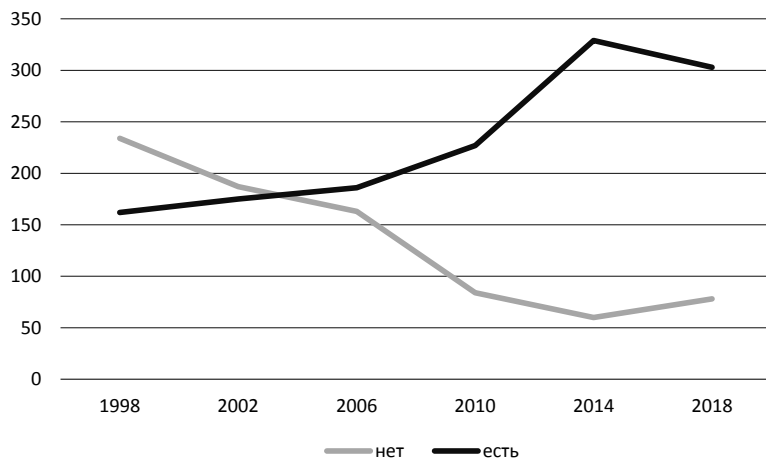

Рис. 5. Количество организаций, персонал которых отмечает наличие заботы работодателей о благополучии сотрудников (рис. автора статьи по данным Словакии²³ за 20-летний период исследований)

Словацкие ученые показали широчайшую палитру проявлений заботы об уровне благополучия сотрудников (*welfare*) и пришли к выводу, что в каждом конкретном случае качество этой заботы проявляется именно в *понимании реальных потребностей* работающих в этой организации людей, тогда как универсальные “ типовые ” форматы заботы — обо всех сотрудниках одинаково — оказываются менее эффективными.

Так, забота о благополучии/благополучии сотрудников компаний ИТ-сектора в Братиславе, в которых работают преимущественно молодые люди, направлена в основном на:

- согласование/урегулирование рабочей и личной жизни;
- возможности для личностного развития;
- предоставление атмосферы для личной психогигиены;

и

– льготы для сотрудников, оказывающие мотивирующее действие в высококонкурентной среде.

²³ Stachová C., Smerek L. Managing human resources in Slovakia in 1998–2018. Publisher: Oficyna Wydawnicza Stowarzyszenia Menedżerów Jakości I 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/367283875_Managing_Human_Resources_in_Slovakia_in_1998_-_2018

Тогда как промышленные компании в центральной Словакии, в которых работает преимущественно среднее и старшее поколение, сосредоточены главным образом на улучшении:

- условий труда;
- рабочей среды (work environment);
- мобильности;

или

- предоставлении социальной помощи²⁴.

За те же годы, которые проанализированы словацкими исследователями, автор данной статьи совместно с коллегами по компании “Топ-Менеджмент Консалт” в ходе практических проектов по организационному развитию имела возможность фиксировать особенности ожиданий, *демонстрируемых рядовыми сотрудниками* промышленных предприятий и компаний других отраслей экономики, с одной стороны, и *руководителями* разного уровня, с другой стороны.

Различия в представлениях об идеальном руководителе особенно отличаются у топ-менеджеров и рядового персонала. В комплексных исследованиях, направленных на задачи конкретных *прикладных проектов, ориентированных на повышение эффективности системы работы*, представителям организаций задавались вопросы очно и в электронном виде, в частности, связанные с их представлениями об идеальном руководителе подразделений, компаний, проектов и т.д. По нескольким (5–7) вопросам вычислялся *итоговый показатель приоритетной ценности* для респондента (в данном случае ценности обеспечения производительности работ или ценности заботы руководителя о работающих под его руководством людях). Как правило, *руководители высшего уровня* и собственники компаний в данных “весах” демонстрируют явный *перевес в сторону значимости обеспечения производительности работ*, при том, что не отрицают и понимают в той или иной степени то, что производительность обеспечивается теми самыми людьми и командами. Сотрудники компаний, рядовые рабочие и специалисты высокого уровня также понимают необходимость любому руководителю заботиться о том, чтобы подразделение или вся организация работала эффективно. Однако итоговый вид “весов” чаще всего показывает пусть незначительный, но перевес в противоположную сторону: *работники ожидают все-таки большего внимания и понимания* вполне производственных “интересов” команды, которая,

²⁴ Stachová C., Smerek L. Managing human resources in Slovakia in 1998–2018... Р. 80.

будучи “услышанной”, сможет работать значительно продуктивнее (см. рис. 6).

Рис. 6. Значимость заботы о “людях и команде” в соотношении со значимостью заботы о “текущей производительности” в представлениях топ-менеджмента (слева) и рядового персонала (справа, по данным автора статьи)

Интересно, что, когда в проектных работах сотрудники любых, в том числе и некоммерческих организаций, имеют возможность вносить предложения и улучшать так называемые деловые или “бизнес-процессы” (т.е. влиять на принимаемые решения и “участвовать в управлении”), *производительность организации и удовлетворенность ее клиентов заметно возрастает.*

Отдельно хотелось бы обратить внимание на руководителей среднего звена. Они демонстрируют наибольший разброс результатов: у части из них получается практически баланс двух сторон данных весов; кто-то из них “чрезмерно” акцентирует внимание на производительности, что в реальной работе иногда проявляется в авторитарном отношении к подчиненным. А кто-то, наоборот, очень сильно “склоняется” к необходимости прислушиваться, интересоваться и заботиться об интересах сотрудников, так что в реальной своей работе *может забыть о необходимости “приводить этих людей к результату”*. По этому признаку иногда прогнозируются не очень эффективные руководители, помочь которым сделать рабочую среду эффективной — одна из задач практической работы с ними.

Производительность работы сотрудников и эффективность организации непосредственно связаны с исполнением негласных психологических контрактов: каждая сторона ожидает удовлетворения своих потребностей, даже если они не были не только юридически прописаны или устно оговорены, но даже и иногда не были осознаны самими носителями этих потребностей²⁵. Более того, одним из новых направлений работы с персоналом являет-

²⁵ Tran H.P. High performance work system and intrapreneurial behavior: the role of relational psychological contract, self-efficacy and boundaryless career orientation // Organizacioonaa psihologiã (Organizational Psychology). 2022. Vol. 12. N 1. P. 9–26.

ся “управление опытом сотрудника” (EXM²⁶), также связанное с его ожиданиями “счастья” (о котором заботятся “менеджеры по счастью” сотрудников и клиентов), в долгосрочном режиме невозможного без идентификации сотрудника с организацией²⁷. Тем не менее, если длительное напряжение, связанное с необходимостью достигать требуемых результатов в работе, не приносит удовлетворения самими этими результатами, а также несопоставимо с “затратами энергии”, потраченной на их получение, то происходит “психологическое выгорание” и рядовых сотрудников, и руководителей любого уровня. Оказывается, они не “по разную сторону баррикад”, как показал Дуглас МакГрегор²⁸ еще в середине прошлого века. Самосбывающееся пророчество реализуется: если считать, что работодателю нужна эффективная организация, а работнику (по “теории Х”) нужно, чтобы ему больше платили и при этом меньше требовали, выгорают обе стороны, так как результаты достигаются с большими и большими сложностями. Если же работнику в ряду его потребностей нужна еще и удовлетворяющая его работа (согласно “теории Y”), вносящая свой вклад в эффективность всей организации, а руководители не просто говорят красивые слова про “человеческий капитал”, а во взаимодействии с сотрудниками выстраивают “высокоэффективную систему работы”, то оказывается, что психологический контракт предполагает ориентацию на готовность учитывать **интересы сторон, не являющихся абсолютными антагонистами** в той рабочей среде, в которой судьба их свела и которую они сознательно выбирают и стараются сделать для всех “высокоэффективной”.

Итак, несмотря на различия в используемых терминах, обозначающих создание системы “высокопроизводительной рабочей среды”, факторы, влияющие на повышение производительности работ, сами являются следствием как удовлетворения потребностей и ожиданий работников, так и удовлетворения потребностей организации-работодателя. Ощущение “субъективного благополучия работников” и их вовлеченность в процессы принятия общеорганизационных решений способствуют повышению производитель-

²⁶ Itam U., Ghosh N. Employee experience management: a new paradigm shift in HR thinking // International Journal of Human Capital and Information Technology Professionals. 2020. N 11(2). DOI:10.4018/IJHCITP.2020040103

²⁷ Ксенофонтова Е.Г. Лояльность без идентификации приходится покупать // Экономическая повестка 2020-х годов: Сб. тезисов выступлений. Междунар. ежегодн. науч. конф. “Ломоносовские чтения — 2020”. Секция экономических наук. М., 2020. С. 578–581. URL: <http://istina.msu.ru/profile/Eksen/>

²⁸ McGregor D. Human side of enterprise // Management Review. 1957. N 11. P. 41–49. URL: <http://www.psgoodrich.com/pc/docs/ARTICLES/HumanSideOfEnterprise.PDF>

ности, тогда как самооценность повышения производительности с недостаточной гибкостью во влиянии работников на условия своего труда приводят к эмоциональному выгоранию сотрудников с последующим понижением общеорганизационной производительности. Однако исследования показывают, что руководители часто продолжают видеть ожидания работодателей и работников как нечто противоположное — одним нужна высокая производительность работников и организации, другие готовы ее повышать только ради достижения своих исключительно инородных потребностей. При этом реализация идеи “психологического контракта” может способствовать как противопоставлению оппозиционных сторон, покупающих и продающих “труд” на взаимовыгодных условиях, так и сближению этих сторон, ориентирующихся на *понимание и обеспечение реализации многообразных ожиданий друг друга*, важнейшими из которых являются не только рост размера заработной платы, обозначенный в российском показателе ВПРМ, но и рост свободы и гибкости в принятии решений обеими сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артефакты организационной культуры: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2023.

Бабосов Е.М., Трусъ А.А. Особенности коммуникации в организационных моделях различных типов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3. С. 95–114. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-3-95-114>

Барков С.А., Ксенофонтова Е.Г. Молодые и возрастные работники на постиндустриальном рынке труда: противостояние или взаимодополнение? // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31. № 6. С. 15–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44401950>

Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А. Создание и модернизация высокопроизводительных рабочих мест на промышленных предприятиях // Общество, организация, управление. 2018. Т. 3. № 3. С. 40–52. URL: <https://library.csu.ru/ru/rbooks2/view2?code=vch/management/003/03/006>

Бордунос А.К., Кошелева С.В. Эволюция стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами с позиций систем организации труда // Вестник СПбГУ. Серия 8. Менеджмент. 2016. Вып. 3. С. 30–53. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2016.302

Взаимоотношения организации и работников: тенденции, проблемы, решения / Под ред. Е.Г. Ксенофонтовой. М., 2021.

Козин С.В. Прекариат: от протокласса к новому классу. Рецензия на монографию Ж.Т. Тощенко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 202–208. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224>

Ксенофонтова Е.Г. Лояльность без идентификации приходится покупать // Экономическая повестка 2020-х годов: Сб. тезисов выступлений. Меж-

дунар. ежегод. науч. конф. “Ломоносовские чтения — 2020”. Секция экономических наук. М., 2020. С. 578–581. URL: <http://istina.msu.ru/profile/Eksen/>

Лисовская А.Ю., Кошелева С.В., Соколов Д.Н., Денисов А.Ф. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 93–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-blagopoluchiya-sotrudnika-ot-teorii-k-praktike>

Потапцева Е.В. Обзор методик идентификации высокопроизводительных рабочих мест в России // Известия высших учебных заведений. Серия “Экономика, финансы и управление производством” [Ивэкофин]. 2021. № 03(49). С. 113–123. DOI: 10.6060/ivcofin.2021493.557

Ребрилова Е.С. Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Тверь, 2009.

Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Самозанятые в условиях санкций: проблемы и тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 1. С. 194–211. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-211>

REFERENCES

Ananthalingam N., Medawala P., Rathnayake S. Impact of rewards on employee retention: a study of retention in a novel industry in Sri Lanka // 6th CIPM International Research Symposium 2022. 2022, Colombo.

Androulakis G.S., Georgiou D. Ap., Nikolaou G. The grid of burnout, engagement and job satisfaction: a case study in Greece // International Journal of Human Resource Studies. 2021. Vol. 11. N 4. DOI:10.5296/ijhrs.v11i4.19087

Artefakty organizacionnoj kul'tury: kollektivnaja monografija [Artifacts of Organizational Culture: Collective Monograph] / pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2023 (in Russian).

Arubayi D. High Performance Work Systems (HPWS) and employee satisfaction // Indikator: Jurnal Ilmiah Manajemen dan Bisnis. 2023. Vol. 7. N 1. P. 13–27. DOI:<http://dx.doi.org/10.22441/indikator.v7i1.18405>

Babosov E.M., Trus' A.A. Osobennosti kommunikacii v organizacionnyh modeljah razlichnyh tipov [Features of communication in organizational models of various types] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2015. N 3. S. 95–114. DOI: doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-3-95-114 (in Russian).

Barkov S.A., Ksenofontova E.G. Molodye i vozrastnye rabotniki na postindustrial'nom rynke truda: protivoborstvo ili vzaimodopolnenie? [Young and old workers in the post-industrial labor market: confrontation or complementarity?] // Trud i social'nye otnoshenija. 2020. T. 31. N 6. S. 15–33. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44401950> (in Russian).

Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A. Sozdanie i modernizacija vysokoproizvoditel'nyh rabochih mest na promyshlennyh predpriyatiyah [Creation and modernization of high-performance jobs at industrial enterprises] // Obshhestvo, organizacija, upravlenie. 2018. T. 3. N 3. S. 40–52. URL: <https://library.csu.ru/rubooks2/view2?code=vch/management/003/03/006> (in Russian).

Bordunos A.K., Kosheleva S.V. Jevoljucija strategicheskogo podhoda k upravljeniju chelovecheskimi resursami s pozicij sistem organizacii truda [The evolution of a strategic approach to human resource management from the standpoint of labor organization systems] // Vestnik SPbGU. Serija 8. Menedzhment. 2016. Vyp. 3. S. 30–53. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2016.302 (in Russian).

Caldwell C., Floyd L. High Performance Work Systems. Building commitment to increase profitability // Journal Economics. 2014. Vol. 17. Iss. 3. URL: <https://gbr.pepperdine.edu/2014/12/high-performance-work-systems/>

Can better working conditions improve the performance of SMEs?: an international literature review. Geneva, 2013.

Das R. What do we know about High Performance Work Systems? A bibliometric summary of 30 years of research. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/365261134_What_do_we_know_about_High_Performance_Work_Systems_A_bibliometric_summary_of_30_years_of_research

Dayarathna D. To customize or not? Contextual factors and High Performance Work Systems: a literature review // Sri Lankan Journal of Human Resource Management. 2019. Vol. 9. N 2. DOI:10.4038/sljhrm.v9i2.5651

Iddagoda A., Dissanayake H., Abeysinghe R., Wickramaratne R. High Performance Work Practices: a bibliometric analysis // Conference: International Research Symposium on Human Resource Management. 2022, CIPM, Sri Lanka. URL: https://www.researchgate.net/publication/361771683_High_Performance_Practices

Itam U., Ghosh N. Employee experience management: a new paradigm shift in HR thinking // International Journal of Human Capital and Information Technology Professionals. 2020. Vol. 11. N 2. DOI:10.4018/IJHCITP.2020040103

Khushk A., Zengtian Z., Hui Y. Holistic view of unethical pro-organizational behavior: literature review // Organizacionnaâ psihologîâ (Organizational Psychology). 2022. Vol. 12. N 3. P. 168–181.

Kozin S.V. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Recenzija na monografiju Zh.T. Toshhenko. [Precariat: from protoclass to new class. Review of the monograph by Zh.T. Toshchenko] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2021. T. 27. N 2. P. 202–208. DOI:doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224 (in Russian).

Ksenofontova E.G. Lojal'nost' bez identifikacii prihoditsja pokupat' [Loyalty without identification has to be bought] // Jekonomicheskaja povestka 2020-h godov: Sbornik tezisev vystuplenij. Mezhdunarodnaja ezhegodnaja nauchnaja konferencija "Lomonosovskie chtenija — 2020". Sekcija jekonomicheskikh nauk [Economic Agenda 2020: a collection of abstracts. International annual scientific conference "Lomonosov Readings — 2020". Section of Economic Sciences]. M., 2020. S. 578–581. URL: <http://istina.msu.ru/profile/Eksen/> (in Russian).

Laal M. Key necessities for lifelong learning // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. N 83. P. 937–941. URL: https://www.researchgate.net/publication/255179451_Key_Necessities_for_Lifelong_Learning

Lisovskaja A. Ju., Kosheleva S.V., Sokolov D.N., Denisov A.F. Osnovnye podhody k ponimaniju blagopoluchija sotrudnika: ot teorii k praktike [Basic approaches to understanding employee well-being: from theory to practice] // Organizacionnaja psihologija. 2021. T. 11. N 1. S. 93–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-blagopoluchiya-sotrudnika-ot-teorii-k-praktike> (in Russian).

Nagarajah S., Medawala P., Rathnayake S. An empirical study of the factors affecting employees' performance at ABC group of companies // Proceedings of the 5th CIPM International Research Symposium on HRM 2021. Chartered Institute of Personnel Management of Sri Lanka. Colombo, 2021.

Potapceva E.V. Obzor metodik identifikacii vysokoproizvoditel'nyh rabochih mest v Rossii [Overview of methods for identifying high-performance jobs in Russia] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija "Jekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom" [Ivjekofin]. 2021. N 03(49). S. 113–123. DOI: 10.6060/ivcofin.2021493.557 (in Russian).

Rebrilova E.S. Psihologicheskij kontrakt kak harakteristika sub"ekta truda v kontekste social'nyh uslovij proizvodstvennoj sredy. Avtoref. diss. ... kand. psihol. n.. [The psychological contract as a characteristic of the subject of labor in the context of the social conditions of the working environment. Abstract diss. ... cand. psychol. n..]. Tver', 2009 (in Russian).

Sharma S.H., Sharma A.K., Agarwal M., Kumar P. Enhancing employee productivity through High performance work practices: evidence from IT sector // World Journal of Management and Economics. 2022. https://www.researchgate.net/publication/363846272_World_Journal_of_Management_and_Economics_ENHANCING_EMPLOYEE_PRODUCTIVITY_THROUGH_HIGH_PERFORMANCE_WORK_PRACTICES_EVIDENCE_FROM_IT_SECTOR

Sheng Q. A literature review of High Performance Human Resource Practices // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 4. P. 34–44. DOI:10.54097/ehss.v4i.2718

Stachová C., Smerek L. Managing human resources in Slovakia in 1998–2018. Publisher: Oficyna Wydawnicza Stowarzyszenia Menedżerów Jakości I 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/367283875_Managing_Human_Resources_in_Slovakia_in_1998_-_2018

Sverdlikova E.A., Seleznjova A.S. Samozanjatyje v uslovijah sankcij: problemy i tendencii razvitija. [Self-employed under sanctions: problems and development trends] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2023. T. 29. N 1. S. 194–211. DOI:doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-1-194-211 (in Russian).

Tamkin P. High performance work practices // Journal of Human Resource and Sustainability Studies. 2021. Vol. 9. N 3.

Tran H.P. High performance work system and intrapreneurial behavior: the role of relational psychological contract, self-efficacy and boundaryless career orientation // Organizacionnaâ psihologîa (Organizational Psychology). 2022. Vol. 12. N 1. P. 9–26.

Vzaimootnoshenija organizacii i rabotnikov: tendencii, problemy, reshenija [Relations between the organization and employees: trends, problems, solutions] / Pod red. E.G. Ksenofontovoj. M., 2021 (in Russian).

Zavaylova E.K., Kucherov D.G., Tsybova V.S. High-Performance Work Systems in Russian and Indian IT companies // Russian Management Journal. 2020. Vol. 18. N 2. P. 235–254.

Z Zurich Foundation, JA Worldwide & JA Africa announce a partnership to Create Bright, Boundless Futures for African Youth 2022. URL: <https://www.zurich.foundation/about-us/publications>

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТА

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

В реалиях современного российского общества встает вопрос актуальности той или иной профессии, набора знаний, умений, навыков, которые даются в образовательных организациях высшего образования, или как принято называть сейчас, — набор компетенций или карт компетенций будущего работника. Поэтому на повестке дня встает вопрос о том, насколько современная система образования на данный момент готова реализовать подобную практику. Или же уровень профессионального развития и компетентности сейчас более зависит от лично ощущаемого качества жизни индивида, его культурного капитала, а весь символический нарабатываемый капитал является второстепенным? Здесь возникает вопрос и общественного признания той или иной профессии, того или иного института образования.

В статье рассматриваются подходы к пониманию профессии и профессионального выбора в отечественной и зарубежной научной мысли, раскрываются миссия и предназначение университета. Представлены в исторической ретроспективе ключевые вопросы исследования профессиональных стратегий и профессионального выбора.

В качестве исследуемой группы в данной статье будут рассматриваться студенты ведущих образовательных организаций высшего образования, которым присвоен особый статус через установление особенности правового положения и образовательной деятельности — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова” и федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Санкт-Петербургский государственный университет”. На основе эмпирических данных социологического исследования, проведенного в феврале 2023 г., в статье анализируются стратегии университетов в плане производства знаний (через обмен научно-преподавательскими кадрами, научные мероприятия, дополнительные программы обучения), профессиональное самоопределение студента (через его желание работать по данной профессии и стремление продолжить обучение по данной профессии).

Ключевые слова: качество жизни, стратегии высшего образования, профессиональные ориентации студентов, производство знаний.

* Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

WAYS TO IMPLEMENT HIGHER EDUCATION STRATEGIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF STUDENT'S PROFESSIONAL ORIENTATIONS

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Department of Sociology of Public Administration, Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

In the realities of modern Russian society, the question arises of the relevance of a particular profession, a set of knowledge, skills, which is given in educational institutions of higher education, or as it is commonly called now, a set of competencies or competency maps of a future employee. Therefore, the agenda raises the question of how the current education system is currently ready to implement this practice. Or the level of professional development and competence is now more dependent on the personal perceived quality of life of the individual, his cultural capital, and all the symbolic accumulated capital is secondary. Here the question arises of the public recognition of this or that profession, this or that institution of education.

The article discusses approaches to understanding the profession and professional choice in domestic and foreign scientific thought. The key issues of the study of professional strategies and professional choice are presented in a historical retrospective.

As an empirical basis for the study of this article, students of leading educational institutions of higher education, who have been assigned a special status through the establishment of a specific legal status and educational activity, will be considered — the Federal state budgetary educational institution of higher education “Moscow State University named after M.V. Lomonosov” and the Federal state budgetary educational institution of higher education “St. Petersburg State University”. Based on the empirical data of a sociological study conducted in February 2023, the article analyzes the strategies of universities in terms of the production of knowledge (through the exchange of scientific and teaching staff, scientific events, additional training programs) for the professional self-determination of a student (through his desire to work in this profession and desire to continue their education in this profession).

Key words: *the quality of life, higher education strategies, professional orientation of students, knowledge production.*

Введение

Все изменения в системе образования призваны обеспечить реализацию карьерных перспектив и способность трудоустроиться выпускникам образовательных организаций высшего образования на рынке труда. Формирование общества, основанного на знаниях, невозможно без реализации принципа обучения индивида в течение всей жизни, когда основным ключевым умением становится способность человека осуществлять поиск новых знаний и развивать собственные компетенции.

“Образовательные стратегии, — отмечал П. Бурдые, — представляют собой очень долгосрочные инвестиции, не обязательно воспринимающиеся как таковые и не сводящиеся к экономическому или денежному измерению. В действительности они прежде всего направлены на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы”¹.

И сейчас требуются новые подходы для эффективного государственного управления и стратегического развития общества, связанные в первую очередь непосредственно с самим человеком, с его сущностными характеристиками (интеллектуальный, духовный потенциал личности, способность создавать новые знания и практики, овладевать новыми технологиями), которые будут работать на благо и разумное функционирование всего общества, когда индивид сможет выступать активным субъектом своей жизни, не полагаясь на условия извне, и не быть объектом для манипуляций общественных институций. В этой связи важным представляется развитие и совершенствование профессиональных ориентаций студентов в рамках высшего образования, а именно, психолого-педагогические и социальные мероприятия, направленные на формирование профессионального самоопределения, на оптимизацию трудоустройства с учетом склонностей, интересов, способностей учащегося, а также с учетом потребностей общества в специалистах.

Данная тематика и в прошлые годы была актуальной, и сейчас, что подтверждается многочисленными исследованиями как вне образовательных учреждений, так и внутри них, и непосредственно на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова².

¹ Бурдые П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007. С. 103.

² См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 6–69; Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–23; Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5. С. 98–118; Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 4. С. 9–31; и др.

Эволюция взглядов на формирование и содержание профессиональных ориентаций студентов

В социологии профессиональная ориентация трактуется как “осознание индивидом объективно существующих в обществе видов профессиональной трудовой деятельности, своих наклонностей и способностей к одному (или нескольким) из них, наличных путей и средств приобретения профессиональных знаний и навыков”³.

По мнению Н.С. Пряжникова, профессиональные ориентации — “это целенаправленная деятельность по подготовке молодежи к обоснованному выбору профессии в соответствии с личными интересами, склонностями, способностями и одновременно с общественными потребностями в кадрах различных профессий и разного уровня квалификации. Она представляет собой единство практической деятельности в развивающейся междисциплинарной теории и реализуется не только в учебно-воспитательном процессе с учащимися”⁴.

Для социологического анализа формирования профессиональных ориентаций студента выбрана такая социологическая концепция, как трилемма Борчарда. Концепция исходит из социально-экономических изменений в сфере массового производства, сервисной экономике знаний, разработке карьерных планов, индивидуального самоопределения, “самоощущения” жизни. Поэтому, перед тем как давать основные положения концепции, необходимо обратиться к рассмотрению понятия, которое непосредственно связано с явлением профессиональных ориентаций, а именно к качеству жизни, проявление и закономерности которого в обществе можно проследить и отразить по более крупным и видимым элементам социальной жизни в ее историческом развитии.

За последнее время понятие “качество жизни” обрело прочный фундамент в научной мысли и социуме, что свидетельствует о том, что человек волнуется уже не о своем самосохранении: как выжить в условиях периодически возникающих конфликтов и дефицита, — его более беспокоит поступательное социальное развитие, накопление своего символического, культурного капитала и др.

В разработке данной проблематики выделяют три уровня развития. Первый уровень, конец 1950-х — середина 1960-х гг., характеризуется внутренним валовым продуктом, приходящимся на одного

³ Краткий словарь по социологии / Авт.- сост. П.Д. Павленок. М., 2000. С. 121.

⁴ Цит. по: Васенкина С.Н. Концепция профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных учреждений в современных условиях // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13082> (дата обращения: 12.04.2023).

жителя страны. На этом этапе понятие качества жизни используется как дефиниция, позволяющая совершить переход от материального общества потребления к обществу, в котором основой является удовлетворение духовных потребностей. Следующая стадия — “квантификационная”, приходящаяся на 1966 г., характеризуется образованием основных показателей и индикаторов для измерения качества жизни. В данном случае понятие качества жизни приобретает тройственную основу. С одной стороны, оно базируется на социальных показателях и индикаторах, которые являются основой для создания и эффективной практической реализации социальных программ. С другой стороны, понятие качества жизни используется уже как некий эталон благосостояния, как материальной основы, так и эстетической, духовной, экологической, экономической, политической и других основ жизнедеятельности человека. И наконец, третья составляющая дает возможность рассматривать понятие “качество жизни” как итог научно-технического прогресса. В этот период также впервые начинают обращать внимание на психологическую составляющую данного понятия, на удовлетворенность самого человека своими благами — здоровьем, материальным благополучием, состоянием окружающей среды, уровень образования и др. На третьей “концептуальной” стадии формируются два основных направления изучения качества жизни:

- 1) “глобальное моделирование” рассматривает качество жизни общества;
- 2) “субъективное” качество жизни или “ощущаемое” рассматривает “качество жизни личности”⁵.

Пока человек существует, его всегда будет интересовать вопрос: на что жить. Вопрос нахождения средств приводит к следующему вопросу: каким образом, т.е. способ приобретения средств. Это всегда будет связано с внутренними и внешними установками, ценностями, приоритетами, а также с той профессией, при помощи которой человек будет достигать этого внешнего достатка, состоятельности (символически-экономического капитала) и внутреннего достатка (удовлетворенности, чувства реализации, нахождения “себя”, “своего дела” в жизни).

Адекватность выбора и уровень освоения профессии влияют на общее качество жизни, определяют степень социальной активности в профессиональной среде: повышение квалификации, инновационная деятельность (рационализаторство, изобретательство),

⁵ Лига М.Б. Качество жизни как основа безопасности: Монограф. / Под ред. М.В. Константинова. М., 2006.

высокая трудовая дисциплина, уровень удовлетворенности специальностью, трудовая мобильность.

Исследователи установили, что правильно выбранная профессия повышает самоуважение и позитивное представление человека о себе, сокращает частоту физических и психических проблем, связанных со здоровьем, усиливает удовлетворенность жизнью⁶.

Исторически профессиональная ориентация возникла как первая попытка научного решения проблемы “человек — производство — общество”. В начале XX столетия необходимость в проведении профориентационной работы была обусловлена бурным ростом промышленного производства в ряде стран. Первый кабинет по профориентации появился в 1903 г. в Страсбурге (Франция). В 1908 г. в Бостоне (США) Ф. Парсоном было создано первое бюро, в задачи которого входила консультация подростков по вопросам возможности выбора профессии. Работа первых служб основывалась на “трехфакторной модели”, в основе которой лежали:

- индивидуальные способности и особенности, возможности, умения, интересы человека;
- особенности профессии, требования, которые она предъявляет к человеку;
- правильное сочетание между собой первого и второго факторов.

В СССР в 1960-е гг. была организована группа профориентации в НИИ теории и истории педагогики АПН СССР, организован НИИ трудового обучения и профориентации при Академии педагогических наук СССР⁷. Появились новые имена⁸, а характерной особенностью нового периода являлся перенос внимания на общетеоретические вопросы, в то время как прикладные исследования концентрируются в области инженерной психологии и частных направлений (например, профессиональное обучение, юридическая психология и др.).

1970-е гг. характеризуются активными разработками методологических основ психологии труда. Антропоцентрический подход, предложенный Б.Ф. Ломовым, позволил выявить приоритетное положение субъекта в системе “человек — машина” и вывести проблему оптимизации трудовой деятельности на новый уровень.

⁶ Хрусталева Т.М. Специальные способности учителя в интегральном исследовании индивидуальности. Пермь, 2004.

⁷ Пряжникова Е.Ю. Профориентация: Учеб. пособ. М., 2007.

⁸ Милерян Е.А. Психология труда и профессионального образования // Милерян Е.А. Избранные научные труды. Киев, 2013.

С 1984 г. создается государственная служба профориентации, во всех школах страны организуются учебно-методические кабинеты, ведущие пропаганду профессий и осуществляющие индивидуальные консультации учащихся и их родителей. В Московском университете разрабатываются теоретические и методологические проблемы деятельности в русле идей Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Яркие достижения в области психологии труда и инженерной психологии связаны с именами В.П. Зинченко, Е.И. Ивановой, Е.А. Климова, А.Б. Леоновой, О.Г. Носковой, Ю.К. Стрелкова и др. Плодотворно развивают идеи Б.Г. Ананьева и Б.Ф. Ломова в Санкт-Петербургском университете. Разработку методологических вопросов в рамках системного и информационного подхода ведут А.А. Крылов, Г.В. Суходольский, А.И. Нафтульев, В.Л. Марищук и их ученики.

В 1990-е гг. профессиональная ориентация получила широкое признание во всем мире и стала важным элементом государственной политики многих стран. Была создана Всемирная ассоциация учебной и профессиональной ориентации и другие международные центры.

Миссия и предназначение университета

В современном обществе накоплен большой опыт по реформированию, разработке стратегий национальных образовательных систем.

В данной статье рассматриваются реализации стратегии высшего образования двух ведущих образовательных организаций высшего образования, которым присвоен особый статус через установление особенности правового положения и образовательной деятельности, — федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова” и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования “Санкт-петербургский государственный университет”. Поэтому для того чтобы отчетливее представлять социально-культурный контекст, в котором находится на данный момент пространство высшего образования, необходимо рассмотреть исторический процесс развития миссии и предназначения университета.

Известный французский мыслитель-энциклопедист Ренан утверждал, что на свете существуют народы и государства двух порядков: у одних есть ученые, у других нет. Научное знание появилось намного раньше, чем мир увидел его плоды, еще в античное

время, однако только с появлением преподавания и обучения, в XI–XII в., начали появляться зачатки высшей школы, а затем и университеты⁹. Главная задача университета заключалась в том, чтобы укрепить свой правовой статус ради обеспечения “академической свободы”, при этом обладая привилегиями императора и римского папы. “Цех ученых” был подсуден только своему суду, с созданными собственными законами и правами, мог свободно передвигаться по Европе, что стало причиной образованного к XIV в. уникального “академического пространства”. Университет не был прикреплен к определенной территории, не имея собственных зданий и будучи свободным от местных законов, он мог передвигаться из города в город, не зная границ отдельных стран. Единство средневекового университета подтверждалось также правом “*ubique docendi*” (в переводе с латинского “езде обучение”), когда выпускник, удостоенный степени доктора наук, мог читать лекции в любом выбранном им университете.

Принципы университетского устройства как творца национального духа были сформулированы мыслителями конца XVIII — начала XIX вв. Ф. Шлейермахером и В. фон Гумбольдтом, говорившими, что “задача университета — пробудить идею науки в наиболее молодых людях, уже вооруженных разного рода знаниями, способствовать им в овладении ею в той области познания, которую каждый из них для себя избрал”¹⁰. Фундаментальные принципы университета Гумбольдта — это академическая свобода и единство исследования и преподавания¹¹.

Однако в 1919 г. Макс Вебер говорит о том, что состояние университета стало “фиктивно... как внутренне, так и внешне”¹². Фигура исследующего и преподающего ученого стала карьерной целью. “Питомники науки” превратились в институты по образцу “государственно-капиталистических” предприятий. Классический

⁹ Прообразом университета была Академия в Афинах, основанная Платоном в IV в. до н.э. В ней “добывалось” и развивалось “чистое знание”: математическое, астрономическое, теория музыки и др. Здесь осуществлялось воспитывающее обучение: такие понятия, как “истина”, “благо”, “красота”, изучались глубоко и серьезно, создавая субъективную основу образования. Европейские средневековые университеты переняли и преобразовали опыт древних греков, а также Музеума Александрии, опыт арабской культуры, науки и образования. Дж. Бернал определенно указывает на эти истоки классического образования нового времени. Древние дали образцы сочетания научного познания, обучения и гражданского воспитания.

¹⁰ Шлейермахер Ф. Из сочинения “Размышления об университете в немецком смысле” // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века: Антология. М., 2011.

¹¹ Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6. С. 65–78.

¹² Там же. С. 79.

университет просуществовал до 1960-х гг. Дальнейший переход к постклассическому университету ознаменовался массовостью получаемого образования. Хосе Ортега-и-Гассет считал, что университет массового индустриального общества первой своей целью должен ставить передачу новому поколению системы ценностей, познание культуры. В университете должна процветать академическая культура научных исследований. Это все формирует основу, сердце высшей школы, основным продуктом которой должен стать “средний человек” общества, т.е. наука должна выступать как культура, а не как профессия, в противовес одолевающей современности XX в., в которой наука становится профессией и вместе с культурой выходит за рамки университета¹³.

Идея университета, возникшая в европейском обществе на рубеже XVIII–XIX вв., освещала гуманистическое понимание науки и высшего образования, несла в себе миссию проводника научного знания, общественного достояния человеческого капитала, не ограниченного национальными границами. С осознанием нации как основной составляющей государства и культуры народа появилась идея “национальной модели” университета. Модель университета включает в себя как внутреннюю структуру — механизмы, принципы функционирования, так и внешнюю — взаимосвязь с другими институтами образовательного пространства. В свою очередь экспансия, взаимосвязь и влияние образовательных учреждений ведут к формированию национального стандарта. Идеи неогуманизма, которые позволили сформировать фундаментальные университетские принципы, стали основой национального самосознания народа.

Сейчас все исторические образовательные структуры и идеи объединяются в рамках процесса глобализации с целью создания единого образовательного пространства, которое приведет к рационализации и эффективности устройства крупных корпораций, созданию конгломерата глобального разделения труда, единого человечества. В то же самое время каждое государство (или объединение) стремится сохранить лучшие наработанные тенденции и механизмы во всех сферах организации общества.

В настоящее время образовательное пространство России непрерывно трансформируется, формируя свою индивидуальную траекторию развития. У каких истоков стоит российское высшее образование, каковы тенденции развития, в чем они выражаются, и почему мы считаем, что они специфичны и должны нести и со-

¹³ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М., 2010. С. 91–92.

хранять в себе накопленные национальные черты — вот главные вопросы, ответы на которые и будут влиять на все тенденции, реализуемые сейчас в образовательной среде.

В настоящее время высшее образование вступило в период коренного реформирования. Рассмотрение высшего образования как системы подразумевает доминирование институтов и их связей друг с другом над отдельными индивидами и их объединениями. Именно институциональная структура высшего образования задает основу для формирования профессионального академического пространства и его воспроизводства, для возникновения преемственности между поколениями, для накопления в системе опыта и традиций.

Система образования в дореволюционный период несмотря на свои успехи находилась в зачаточном состоянии и, что самое главное, отставала от потребностей общества и государства. Вступление экономики страны в период индустриализации и модернизации вело систему высшего образования к необходимости обеспечить подготовку необходимого числа специалистов для различных отраслей народного хозяйства, а также служить механизмом социализации и приспособления к быстро изменяющемуся обществу. В 1970-е гг. в условиях замедления темпов экономического роста и сформировавшегося в общих характеристиках “городского общества” советское высшее образование стало не успевать удовлетворять резко возросший спрос на него от населения, для которого образование стало служить “ключом” к укоренению в городском пространстве.

Современные университеты оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения, ценностей общества, занимаются научными исследованиями и политическим прогнозированием. Университеты влияют на развитие гражданского общества, устройство государства, экономики страны, предоставляя навыки и знания, научные исследования и прогнозы, необходимые для существования и правильного функционирования государства. Экономический рост и конкурентоспособность страны в мире все больше зависят от знаний, которые предоставляются, в первую очередь, высшим образованием. Практически все вузы ставят своей основной целью и миссией стремление стать центром развития и формирования научного знания, образования и культуры. Академический университет активно следит за нововведениями и инновационными процессами, проводит информатизацию образовательных процессов. Стратегической целью создания инновационного университета является подготовка кадров, повышение квалификации специалистов и внедрение в хозяйственный оборот итогов НИР, способствующих позитивным изменениям экономики страны.

Важнейшей тенденцией развития высшего образования, на которую обращают внимание многие исследователи, является преобразование современных университетов в “экономические корпорации, которые управляются как корпорации особого рода — связанные с производством и распространением знаний. Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам конкурентоспособности и доходности”¹⁴. Ценность современного университета непосредственно зависит от стратегического выбора позиции в системе образования.

Исходя из критериев И.Д. Демидова и В.Н. Минина, выделяют следующие стратегические альтернативы развития университета: стратегия выживания (ориентирует образовательные организации на недорогие образовательные программы, доступные широкому кругу потребителей образовательных услуг, однако качество таких услуг соответствует цене, и, скорее всего, будет не высоким); стратегия превосходства (реализация элитных образовательных программ, базирующихся на производстве новых идей, новых подходов, предоставление эксклюзивных образовательных услуг; высокое качество образования, уникальность образовательных программ, их нацеленность на реализацию новейших достижений науки, техники, технологии в образовательной практике; делается акцент на развитие партнерства с выпускниками образовательной организации, научная деятельность рассматривается как самостоятельный источник пополнения доходов университета); и стратегия интеграции (ориентация либо на присоединение к модальной группе образовательных организаций, достигших устойчивой адаптации к условиям внешней среды, либо на создание системы “университет-предприятие”)¹⁵.

Методология

При исследовании зависимости между способами реализации стратегий высшего образования и профессиональными ориентациями студентов предполагается, что профессиональные ориентации, которые формируются в рамках образовательной организации, будут отражены и зафиксированы в участии студентов в производстве

¹⁴ Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 148.

¹⁵ Демидова И.Д., Минина В.Н. Стратегии развития российских университетов: содержательные и коммуникативные аспекты // *Коммуникативные практики в современном обществе*: Сб. ст. / Под ред. В.В. Васильковой, И.Д. Демидовой. СПб., 2008. С. 205–206.

знаний образовательной организации, а также в проявлении активной позиции относительно реализации своего будущего карьерного плана, ответственного выбора своего профессионального пути и самоопределения.

Для реализации поставленных задач в феврале 2023 г. с применением метода анкетного онлайн-опроса было проведено социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 340 респондентов, являющихся студентами МГУ имени М.В. Ломоносова и естественно-технических факультетов СПбГУ и обучающихся в бакалавриате и магистратуре. Для сбора информации анкета располагалась на платформе Webanketa.com, ссылка для заполнения рассылалась методом снежного кома, а также публиковалась в группах в ВК. Данное исследование носит, скорее, пилотный характер, но позволяет сделать определенные выводы и увидеть закономерности, особенности и различия в реализации профессиональных стратегий студентов.

В качестве переменных, которые явились основной для составления анкеты, были выделены такие переменные, как желание работать по выбранной профессии и желание продолжать обучение. Для измерения указанных переменных был использован ряд показателей: оценка соответствия жизненных интересов выбранной профессии, желание связать трудовую деятельность с получаемым образованием, оценка характера (направленности) трудовой деятельности во время обучения, оценка характера мотивации трудовой деятельности, оценка дальнейших планов, связанных с трудовой деятельностью, желаемое место работы, профессия.

Данные критерии позволяют судить о мнении студентов по поводу своего профессионального предназначения, нацеленности профессионального пути, того уровня ответственности, который студент на данный момент готов или не готов взять за свою трудовую деятельность, а также о соотношении направленности получаемого образования и той трудовой деятельности (траектории), которой придерживается студент. Переменная “желание продолжать обучение” может быть выражена через следующую систему показателей: оценка стремления повышать свой уровень профессионализма (вне стен университета), оценка удовлетворенности обучением на факультете, оценка дальнейших планов, связанных с обучением, желание продолжить свое обучение по выбранной профессии. В указанных критериях отражены наиболее важные направления профессиональных ориентаций студентов, которые необходимо было раскрыть в данном исследовании.

Результаты и дискуссия

По полу и возрасту выборка распределилась следующим образом: 37% было женщин и 63% мужчин; 36% опрошенных принадлежат к возрастной группе от 18 до 20 лет, 62% — принадлежат к возрастной группе от 21 до 24 лет, 2% — те, кому больше 25 лет. Среди опрошенных молодых людей 56% учатся в бакалавриате на 1–4 курсах (40% учится на 4-м курсе, 25% — на 3-м курсе и оставшиеся 35% — на 1-м и 2-м курсах), 44% — в магистратуре.

Неработающих студентов СПбГУ больше на 10%, чем таковых в МГУ, причем общий процент работающих студентов в МГУ составил 70% опрошенных.

По соотношению уровня образования и стажа работы: к моменту поступлению в магистратуру 70,5% работающих студентов МГУ уже вели свою трудовую деятельность, в СПбГУ этот процент равен 60% к моменту поступления в магистратуру. Однако у студентов СПбГУ на рынке труда явное преимущество, связанное с общей продолжительностью стажа работы, а значит, возможно, и опыта работы по определенной профессии.

Распределение мотивации необходимости работать во время обучения оказалось примерно одинаковым: на первое место была поставлена необходимость зарабатывать деньги (МГУ и СПбГУ, соответственно, — 37,8 и 41,3%).

На втором месте по мотивации работать во время обучения респонденты указали желание получить опыт работы по окончании университета, что составило 20,9 и 22,4% (соответственно, ответы учащихся МГУ и СПбГУ). Третье и четвертое место студенты МГУ разделили между желанием познакомиться с выбранной профессией и желанием получить опыт общения (19,8 и 17,5% соответственно). В СПбГУ на третьем месте — желание получить опыт общения (16,7%) и на четвертом — желание познакомиться с выбранной профессией (14,1%).

Что касается ведения научно-познавательной деятельности, то студенты МГУ более активны (участие в конференциях, выездных научных школах, научно-исследовательской работе кафедр, научные мероприятия университета российского уровня), чем студенты СПбГУ. В российских и университетских научных мероприятиях студенты МГУ и СПбГУ в большей степени выступают как слушатели (50,6%) или докладчики/содокладчики (28,8%). Количество принимавших участие в данных мероприятиях как волонтер или член оргкомитета в обоих университетах примерно одинаковое (13 и 7% соответственно). Участие в исследовательских проектах студентов

технических специальностей в двух университетах распределилось следующим образом: МГУ — 43,2%, СПбГУ — 39,5%.

Примерно одинаковый процент студентов МГУ и СПбГУ (45,3 и 47%) отметили, что в их университете преподают лекторы из других российских образовательных организаций. О возможности организации университетами внутрироссийских учебных стажировок известно только половине обучающихся МГУ и СПбГУ в равной мере.

В основном студенты повышают свой уровень профессионализма вне стен университетов посредством чтения журналов/научных публикаций по своей специальности и посредством участия в интернет-сообществах: соответственно, в МГУ — 31,5% и СПбГУ — 28%. Студенты указали такие мероприятия, как посещение выступлений докладов ученых, участие в конференциях, участие в мастер-классах, участие в выездных школах.

Удовлетворенность выбранной профессией среди студентов МГУ и СПбГУ примерно одинаковая. На вопрос “Соответствуют ли ваши жизненные интересы выбранной профессии?” 46% студентов МГУ и 44,5% студентов СПбГУ ответили положительно, скорее или полностью не удовлетворены выбранной профессией 15 и 17% соответственно. Более 50% студентов в обоих университетах желают продолжить обучение по своему направлению и более 60% планируют связать свою будущую работу с выбранной профессией. На момент обучения более 20% студентов работают или периодически подрабатывают по той специальности, по которой получают образование, а также 15,4% студентов из МГУ и 10,4% студентов из СПбГУ ведут педагогическую деятельность (репетитор) по предметам, смежным получаемому образованию. Около 20% студентов МГУ и 25% студентов СПбГУ во время обучения работают не по специальности.

В вопросе, связанном с дальнейшими планами на обучение, продолжить обучение на факультете желает 53,6% учащихся МГУ и 32,8% учащихся в СПбГУ; продолжить обучение в своем университете, но по-другому направлению изъявили желание 10,9% студентов МГУ и 13,1% студентов СПбГУ; продолжить обучение по своей специальности, но в другой российской образовательной организации в МГУ планируют 4,3% учащихся, в СПбГУ — 8%; а по другой специальности в другой образовательной организации — 10,1% студентов МГУ и 12,4% студентов СПбГУ.

Самым главным в планах, связанных с работой, для студентов и МГУ и СПбГУ оказалось получить интересную работу по профессии. Также 11% студентов МГУ желают профессионально заняться

научной (исследовательской) деятельностью, а в СПбГУ этот показатель равен 13,6%.

У 27% учащихся МГУ есть желательное и определенное место работы, в то время как у студентов СПбГУ это число составило 37% от общего числа опрошенных. Это также можно сравнить с показателями занятости и стажа работы, которые были представлены выше. Примерно каждый шестой студент МГУ и СПбГУ желает открыть свое личное дело (или совместный бизнес-проект) в 1,5 раза чаще по получаемой профессии, чем “никак не связанный” с получаемой профессией.

Также на основе полученных эмпирических данных с применением корреляционного анализа был получен ряд интересных выводов. Например, была получена положительная корреляция между тем, что студенты участвуют в конференциях и докладах или в научно-исследовательской работе кафедр, и их намерением открыть свое дело по профессии или заняться профессиональной научной деятельностью. Также обнаружена связь между участием в научно-исследовательской работе кафедр и стремлением получить высокооплачиваемую работу по специальности. На основе корреляционного анализа выявлена связь между участием студентов в мероприятиях университета в качестве докладчиков и их стремлением заниматься в будущем профессиональной научной деятельностью, но не установлена связь с намерением открыть свое дело или получением работы по специальности.

На основе проведенного исследования можно отметить, что в целом ответы студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ не сильно отличаются, что, скорее, говорит о том, что реализуемые в обоих университетах стратегии получения высшего образования как фактора формирования профессиональных ориентаций студента строятся на основе единой концепции, а над ее усовершенствованием ведется серьезная работа.

Выводы и рекомендации

Полученные в ходе проведения социологического исследования данные могут служить основой для более полной и глубокой разработки исследуемой социальной проблемы, в рамках которой необходимо проводить дальнейшие исследования реализации стратегий высшего образования на формирование профессиональных ориентаций студента. В частности, нуждаются в дальнейшей более полной проверке предположения о связи между определенными реализуемыми практиками (административными, нормативными, методическими, практическими и проч.) университета и их воздей-

ствием на профессиональные ориентации студента, на уровень его ответственности за свою дальнейшую жизнь.

Для более детальной разработки предмета исследования необходимо проводить глубинные интервью с использованием проективных техник, также возможно использование метода фокус-групп как исследовательской стратегии, включающей в себя применение одновременно нескольких методов, что позволит получить более полную информацию о тех субъективных факторах, которые могут влиять как со стороны профессорско-преподавательского и административного состава университета, так и самого студента.

Также для дальнейшего исследования будет уместно использовать построение модели системы высшего образования для нахождения узловых точек связи и влияния подразделений и направлений высшего образования с целью улучшения функционирования системы высшего образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурдые П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.

Васенкина С.Н. Концепция профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных учреждений в современных условиях // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13082> (дата обращения: 12.04.2023).

Демидова И.Д., Минина В.Н. Стратегии развития российских университетов: содержательные и коммуникативные аспекты // Коммуникативные практики в современном обществе: Сб. ст. / Под ред. В.В. Васильковой, И.Д. Демидовой. СПб., 2008.

Краткий словарь по социологии / Авт.-сост. П.Д. Павленок. М., 2000.

Лига М.Б. Качество жизни как основа безопасности: Монография / Под ред. М.В. Константинова. М., 2006.

Милерян Е.А. Психология труда и профессионального образования // Милерян Е.А. Избранные научные труды. Киев, 2013.

Мюнстерберг Г. Психотехника. Ростов н/Д., 2014.

Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М., 2010.

Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 4.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студентов московских вузов о социальном неравенстве в России и в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3.

Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б., Монахов Д.Н. Представления студенческой молодежи о процессах и институтах социализации и субъектах молодежной политики в современной России (по результатам социологического мониторинга 2013–2017 гг.) // Труд и социальные отношения. 2017. № 5.

Покровский Н.Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. 2005. № 4.

Пряжникова Е.Ю. Профориентация. Учеб. пособ. М., 2007.

Хрусталева Т.М. Специальные способности учителя в интегральном исследовании индивидуальности. Пермь, 2004.

Шлейермахер Ф. Из сочинения “Размышления об университете в немецком смысле” // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX века: Антология. М., 2011.

Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6.

REFERENCES

Burdé P. Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of social space] / Otv. red. N.A. SHmatko. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Demidova I.D., Minina V.N. Strategii razvitiya rossijskikh universitetov: soderzhatel'nye i kommunikativnye aspekty [Strategies for the development of Russian universities: content and communicative aspects] // Kommunikativnye praktiki v sovremennom obshchestve: Sb. st. / Pod red. V.V. Vasil'kovoj, I.D. Demidovoj. SPb., 2008 (in Russian).

Hrustaleva T.M. Special'nye sposobnosti uchitelya v integral'nom issledovanii individual'nosti [Special abilities of the teacher in the integral study of individuality]. Perm', 2004 (in Russian).

Kratkij slovar' po sociologii [Brief dictionary of sociology] / Avt.-sost. P.D. Pavlenok. M., 2000 (in Russian).

Liga M.B. Kachestvo zhizni kak osnova bezopasnosti: Monografiya [Quality of life as the basis of safety: Monograph] / Pod red. M.V. Konstantinova. M., 2006 (in Russian).

Mileryan E.A. Psihologiya truda i professional'nogo obrazovaniya [Psychology of labor and vocational education] // Mileryan E.A. Izbrannyye nauchnyye trudy. Kiev, 2013 (in Russian).

Myunsterberg G. Psihotekhnika [Psychotechnics]. Rostov n/D., 2014 (in Russian).

Ortega-i-Gasset H. Missiya universiteta [Mission of the University]. M., 2010 (in Russian).

Osipova N.G. Rol' klassicheskogo universiteta v vosproizvodstve elity obshchestva [The role of the classical university in the reproduction of the elite of society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2017. T. 23. N 4 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studencheskoj molodezhi moskovskikh vuzov o processah, institutah socializacii i sub'ektah osushchestvleniya molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii (po rezul'tatam issledovaniya 2019 g.) [Views of students at Moscow universities about the processes, institutions of socialization and subjects of youth policy in the Russian Federation (based on the results of a 2019 study)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 1 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Predstavleniya studentov moskovskih vuzov o social'nom neravenstve v Rossii i v sovremennom mire [Moscow university students' ideas about social inequality in Russia and in the modern world] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2020. T. 26. N 3 (in Russian).

Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monahov D.N. Predstavleniya studencheskoj molodezhi o processah i institutah socializacii i sub'ektah molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii (po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa 2013–2017 gg.) [Students' ideas about the processes and institutions of socialization and subjects of youth policy in modern Russia (based on the results of sociological monitoring 2013–2017)] // Trud i social'nye otnosheniya. 2017. N 5 (in Russian).

Pokrovskij N.E. Pobochnyj produkt globalizacii: universitety pered licom radikal'nyh izmenenij [A by-product of globalization: universities in the face of radical changes] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2005. N 4 (in Russian).

Pryazhnikova E. Yu. Proforientaciya. Ucheb. posob. [Career guidance. Textbook allowance]. M., 2007 (in Russian).

Shlejermaier F. Iz sochineniya "Razmyshleniya ob universitete v nemeckom smysle" [From the essay "Reflections on the University in the German Sense"] // Universitetskaya ideya v Rossijskoj imperii XVIII — nachala HKH veka: Antologiya. M., 2011 (in Russian).

Shnedel'bah G. Universitet Gumbol'dta [Humboldt University] // Logos. 2002. N 5–6 (in Russian).

Vasenkina S.N. Konceptiya professional'noj orientacii uchashchihsya obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij v sovremennyh usloviyah [The concept of professional guidance for students of general education institutions in modern conditions] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2015. N 11. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13082> (data obrashcheniya: 12.04.2023) (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И КИБЕРПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-167-187

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РОССИИ

А.А. Гребенюк, докт. экон. наук, проф., заместитель директора Высшей школы современных социальных наук по научной работе, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, ГСП-1, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991*

А.С. Максимова, канд. экон. наук, доц., мл. науч. сотрудник Высшей школы современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, ГСП-1, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991**

А.Ю. Агеенко, асп. Высшей школы современных социальных наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, ГСП-1, блок В, 4-й учебный корпус, г. Москва, Российская Федерация, 119991***

Международная трудовая миграция населения является важной частью современных социально-экономических процессов, происходящих в мировом хозяйстве, влияя не только на экономику стран, но и на политическую, социальную и демографическую ситуацию. В связи с особенностями российской экономики привлечение иностранных работников является объективной необходимостью, однако, следует отметить, что трудовая миграция несет в себе не только положительные аспекты для принимающих стран. Поток мигрантов, плохо говорящих на русском языке, воспитанных в другой культурной и религиозной среде и, как следствие, тяжело интегрирующийся в российский социум, формирует ряд социальных вызовов. В последние годы в экспертном сообществе происходят споры по поводу того, в какой степени трудовые мигранты должны владеть языком принимающей страны.

В данной статье представлен анализ уровня владения русским языком иностранными работниками из стран Центральной Азии, а также влияние этого уровня на различные аспекты их социально-экономической адаптации. Кроме того, в статье рассматривается уровень владения трудовыми мигрантами русским языком в зависимости от их миграционных установок,

* **Гребенюк Александр Александрович**, e-mail: gaa-mma@mail.ru

** **Максимова Анастасия Сергеевна**, e-mail: lubijzn@yandex.ru

*** **Агеенко Анна Юрьевна**, e-mail: ageenko.anna91@yandex.ru

продолжительности пребывания в стране, а также в зависимости от сферы деятельности иностранных работников. В ходе исследования было проанализировано влияние уровня знания русского языка на размер ежемесячного дохода иностранного работника. В работе отмечено, что для ликвидации коммуникативного барьера между иностранными работниками и местным населением существует потребность интенсификации языковой подготовки мигрантов путем разработки и внедрения курсов изучения языка, расширения к ним доступа и осведомленности мигрантов об их наличии.

Ключевые слова: миграционные процессы, международная трудовая миграция, миграционная политика, рынок труда, трудовые мигранты, русский язык, языковые курсы, миграционные намерения.

SOCIOLOGY OF COMMUNICATIONS AND CYBERSPACE

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF LABOR MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA IN RUSSIA

Grebeniyk Aleksandr A., Grand PhD in Economics, prof., Deputy Director of the Higher School of Modern Social Sciences for Scientific Work, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 13, GSP-1, block B, 4th educational building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: gaa-mma@mail.ru

Maksimova Anastasiya S., PhD in Economics, Assoc., Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 13, GSP-1, block B, 4th educational building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: lubijizn@yandex.ru

Ageenko Anna A., PhD student of the Higher School of Modern Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 13, GSP-1, block B, 4th educational building, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: ageenko.anna91@yandex.ru, Moscow, Russia.

International labor migration is an important part of modern processes taking place in the world, affecting not only the countries' economies, but also its political, social and demographic situation. Due to the peculiarities of the Russian economy, the attraction of foreign workers is an urgent need, however, it should be noted that labor migration carries not only positive aspects for the host countries. The flow of migrants who do not speak Russian well, who were brought up in a different cultural and religious environment and, as a result, are difficult to integrate into Russian society, forms some social development challenges for Russia. In recent years, there have been disputes in the expert community about the language proficiency of labor migrants.

This article presents an analysis of the level of Russian language proficiency of foreign workers from Central Asian countries, as well as the impact of this level on various aspects of their socio-economic adaptation. In addition, the article examines

the level of Russian language proficiency of labor migrants, depending on their migration intentions, the length of stay in the host country, as well as depending on the field of activity of foreign workers. In the process of the research, the influence of the level of knowledge of the Russian language on the monthly income of a foreign worker was analyzed. It was noted that in order to eliminate the communication barrier between foreign workers and the local population, there is a need to intensify the language training of migrants by developing and implementing language courses, expanding access to them and migrants' awareness of their availability.

Key words: migration processes, international labor migration, migration policy, labor market, labor migrants, Russian language, language courses, migration intentions.

Введение

Сегодня значение международной трудовой миграции населения в глобальном контексте невозможно переоценить, учитывая ее масштабы и влияние на социальное и экономическое развитие принимающих и отдающих мигрантов стран. До пандемии COVID-19 в 2019 г. в мире насчитывалось более 169 миллионов международных трудовых мигрантов, что составляло 4,9% мировой рабочей силы в принимающих странах¹. Трудовая миграция стала важным элементом устойчивого функционирования экономических систем не только отдельных стран, но и регионов мира. Ее количественные и качественные характеристики определяют сильный результирующий характер миграционных потоков рабочей силы².

Международная трудовая миграция также играет важную роль в социально-экономическом развитии России. В условиях сокращения численности населения трудоспособного возраста, демографического старения населения, трудозатратности производства и низкой производительности труда отечественной экономики привлечение иностранных работников является острой необходимостью³. По различным оценкам на российской территории⁴ находятся от 7 до 9 миллионов иностранных граждан⁵.

¹ ILO Global Estimates on International Migrant Workers. Results and Methodology. Third edition. International Labour Office. Geneva, 2021. URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2021/06/wcms_808935.pdf (accessed: 14.12.2023).

² Гребенюк А.А. Трудовая миграция и экономическое развитие: последствия и система показателей. М., 2017.

³ Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. № 3. С. 502.

⁴ Алешиковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 197–208.

⁵ В МВД назвали количество мигрантов в России. URL: https://www.rbc.ru/rbc_freenews/615481a49a7947237a4aa621 (дата обращения: 20.05.2023).

Однако следует отметить, что трудовая миграция несет в себе не только положительные аспекты для принимающей страны. Культурное обособление мигрантов ведет к появлению замкнутых этноконфессиональных анклавов и росту преступности, что, соответственно, приводит к межэтнической напряженности и конфликтам. Разрыв языкового и образовательного пространства на территории бывшего СССР привел к тому, что в 2000-х гг. сформировалась тенденция роста «инокультурной» миграции в Россию, в первую очередь, из стран Средней Азии. Поток мигрантов, плохо говорящих на русском языке, воспитанных в другой культурной и религиозной среде и, как следствие, тяжело интегрирующийся в российский социум, формирует ряд вызовов социального развития России.

В современном российском экспертном сообществе сформировались две точки зрения относительно необходимого уровня знания русского языка иностранными работниками. Согласно первой, мигрант, приезжающий для осуществления трудовой деятельности в Россию, должен обладать только минимальным словарным запасом русских слов, необходимым для работы, и поэтому требования к владению языком со стороны государства должны быть ослаблены. Согласно второй позиции, в условиях значительных количественных характеристик трудовой миграции и длительного нахождения мигранта на территории России, а также трансформации временной миграции в миграцию на ПМЖ⁶ языковые требования должны сохраняться на высоком уровне, а контроль над их соблюдением требует ужесточения. Для формирования обоснованной позиции по этому вопросу, помимо всестороннего изучения уровня владения русским языком иностранных работников, необходим анализ воздействия знания мигрантом языка на различные аспекты его социально-экономической адаптации. Этим вопросам посвящена данная статья, основанная на результатах эмпирического социологического исследования.

Исследования

Социологические исследования позволяют получать уникальную информацию о миграционных процессах. Например, в случае трудовой миграции они зачастую являются единственным методом сбора отдельных типов данных, поскольку текущий учет, ввиду большого теневого компонента миграционного потока, не позволяет получить необходимую информацию в полной мере. Особен-

⁶ Коженов В.В., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. М., 2022.

ность изучения социальных аспектов трудовой миграции требует использования, в первую очередь, специальных социологических методов: анкетного опроса, глубинного интервью, фокус-группы и др.

В отечественной социологии накоплен богатый опыт проведения полевых исследований международных мигрантов, в том числе трудовых. Одним из наиболее масштабных социологических опросов иностранных работников, проведенных в России в последние годы, является анкетирование Центра этнополитических и региональных исследований. Оно включало две волны: в 2011 г. (8,5 тысяч респондентов) и в 2017 г. (8,6 тысяч респондентов). Исследование показало, что образование, квалификация, профессиональные знания мигрантов не востребованы на российском рынке, типичной траекторией мигрантов является нисходящая трудовая мобильность — занятость на должностях, худших по сравнению с занимаемыми ранее на родине⁷.

Трудовые мигранты стали одной из наиболее пострадавших от пандемии COVID-19 социальных групп, что инициировало проведение ряда социологических исследований, направленных на выявление положения иностранных работников, значительная часть которых не только не могла осуществлять трудовую деятельность в этот период, но и не имела возможности вернуться на родину.

Необходимо упомянуть исследования Е.А. Варшавера, Н.С. Ивановой, А.Н. Рочевой⁸ и М.Б. Денисенко, В.И. Мукомеля⁹, направленные на оценку положения мигрантов в России во время пандемии. В работе Д.В. Полетаева “Жизнь и здоровье трудовых мигрантов из Средней Азии в России в условиях пандемии COVID-19” проведен анализ данных об условиях жизни мигрантов, их здоровье, степени информированности о мерах профилактики COVID-19 и прочих вирусных, а также инфекционных заболеваний¹⁰. Исследование Д.В. Полетаева “Беременность, роды и здоровье трудовых мигранток из Средней Азии в России”, основанное на анализе данных

⁷ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.

⁸ Рочева А.Н., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488–511.

⁹ Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2021. № 3. С. 74.

¹⁰ Полетаев Д.В. Жизнь и здоровье трудовых мигрантов из Средней Азии в России в условиях пандемии COVID-19 // Население и экономика. 2022. № 6. С. 84.

пренатального опыта и опыта родов женщин-мигранток из Средней Азии в РФ, полученных посредством проведения трех социологических опросов, направлено на оценку изменения репродуктивного поведения женщин-мигранток, прибывающих в Россию¹¹.

Как было отмечено выше, уровень знания трудовыми мигрантами русского языка является крайне актуальным предметом изучения. В научных работах можно выделить два основных направления исследований. Первое — изучение знания русского языка как значимого фактора адаптации в принимающем сообществе (работы Я.Р. Стрельцовой¹², Д.В. Полетаева¹³, И.В. Ивахнюк¹⁴, И.Б. Масловой¹⁵, А.Б. Очировой¹⁶, Е.А. Омельченко¹⁷, А.Л. Рогачева, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова¹⁸ и др.). Второе направление — исследования широкого комплекса проблем обучения русскому языку детей мигрантов (работы Б.Б. Литинского¹⁹, Т.А. Чуксиной²⁰, Ю.А. Подковырина, Е.А. Железнякова²¹, А.А. Краева²² и др.).

При этом, несмотря на наличие научных исследований по проблемам обучения трудовых мигрантов, находящихся на территории

¹¹ Полетаев Д.В. Беременность, роды и здоровье трудовых мигранток из Средней Азии в России // Население и экономика. 2021. № 5. С. 51.

¹² Стрельцова Я.Р. Адаптация иммигрантов в России: языковой аспект // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 102–116.

¹³ Полетаев Д.В. Русский язык в адаптации мигрантов // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2015. № 3. С. 57–59.

¹⁴ Ивахнюк И.В. Язык как фактор интеграции мигрантов. М., 2016.

¹⁵ Маслова И.Б. Трудности языковой адаптации в полиэтнической среде Российской Федерации (2019–2022 гг.): к вопросу о коммуникативном поведении мигрантов // Лингвистика и образование. 2022. Т. 2. № 3(7). С. 83–91.

¹⁶ Очирова А.Б. Проблемы языковой интеграции трудовых мигрантов в российском обществе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 184–186.

¹⁷ Омельченко Е.А. Подходы к исследованию адаптационных стратегий эмигрантов из России за рубежом // Этнодиалоги. 2019. № 2(58). С. 20–39.

¹⁸ Рочева А.Л. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 2(45). С. 166–175.

¹⁹ Литинский Б.Б. Настроения россиян по отношению к мигрантам как фактор адаптации детей работников-иностранцев к условиям школы в РФ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 6. С. 108–111.

²⁰ Чуксина Т.А. Русский язык как неродной: анализ практики социальной и учебной адаптации детей-мигрантов // Образовательный процесс. 2020. № 1(23). С. 17–22.

²¹ Железнякова Е.А. Диагностика уровня владения русским языком детьми мигрантов в начальной школе // Филология и культура. 2021. № 4(66). С. 261–269.

²² Краева А.А. Особенности организации обучения русскому языку в начальной школе иноязычных обучающихся // Филологическое образование в период детства. 2019. № 26. С. 87–93.

России (работы Е.А. Баранчеева²³, И.А. Гребенникова, Л.Ю. Глебенко, О.С. Павлова²⁴, Л.Г. Золотых, О.Ю. Космачева²⁵ и др.), обзор публикаций, размещенных в научной электронной библиотеке (elibrary.ru) свидетельствует, что исследованию влияния уровня знания русского языка иностранными работниками на социально-экономическую адаптацию уделяется недостаточно внимания.

Методика исследования

В связи с актуальностью темы исследования нами была принята попытка проанализировать уровень знания русского языка иностранными работниками из стран Центральной Азии, а также его влияние на социально-экономическую адаптацию мигрантов. Объектом эмпирического исследования стали мигранты из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии вне зависимости от продолжительности их пребывания, текущего гражданства, степени легальности въезда и пребывания, трудовой активности в настоящее время. Структура выборочной совокупности была рассчитана на основе данных о численности иностранных граждан каждого пола, въехавших в Россию из указанных стран. В результате были опрошены 4739 человек. Основные результаты опубликованы в соответствующем аналитическом докладе²⁶. В данной статье представлен анализ первичных эмпирических данных указанного опроса в разрезе исследования проблем знания мигрантами русского языка.

Уровень знания русского языка

Уровень знания русского языка иностранными работниками свидетельствует об отсутствии у них проблем в коммуникации с русскоговорящим населением: 86% знают язык на уровне “хорошо” и “свободно”, 12% могут с трудом объясняться и 2% совсем плохо владеют русским языком (рис. 1).

²³ Баранчеева Е.И. Обучение русскому языку трудовых мигрантов: проблемы разработки краткосрочных учебных курсов // Сибирский педагогический журнал. 2015. С. 189–192.

²⁴ Гребенникова И.А. Социокультурный компонент содержания в преподавании русского языка как иностранного мигрантам // Современное педагогическое образование. 2020. № 9. С. 46–51.

²⁵ Золотых Л.Г., Космачева О.Ю. Современные подходы к организации обучения русскому языку трудовых мигрантов с учетом их этнолингвистической специфики // Педагогический журнал. 2017. Т. 7. № 5А. С. 82–90.

²⁶ Коженев В.В., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. М., 2022.

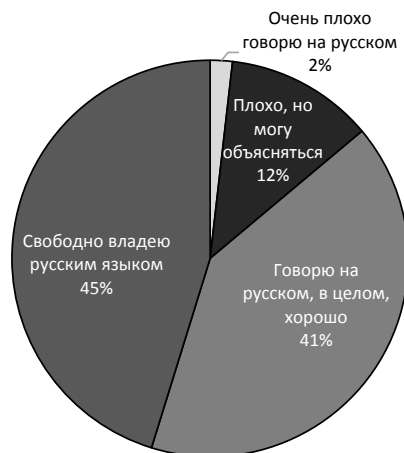

Рис. 1. Уровень владения русским языком мигрантами из Центральной Азии, в %

Вместе с тем необходимо понимать, что высокая доля хорошо владеющих русским языком мигрантов могла быть получена в результате влияния нескольких факторов. Во-первых, респонденты, плохо знающие русский язык, а также нелегальные мигранты, как правило, избегают участия в опросах (так называемая “ошибка выжившего”). Во-вторых, на респондента оказывает воздействие фактор “социально ожидаемого ответа”. Поскольку знание мигрантом языка требуется законодательно и общественно одобряемо, то респондент склонен завышать свой уровень владения в ответах. Методика сбора эмпирического материала предусматривала участие интервьюеров из стран Центральной Азии, что позволяло положительно настроить респондента и опрашивать его на родном языке в случае, если он плохо говорил на русском и не в полной мере понимал значение вопросов. Вместе с тем указанные выше ограничения необходимо учитывать при дальнейшем анализе полученных результатов.

Анализ результатов опроса выявил статистически значимые различия в уровне владения мигрантами русским языком по странам выхода (p -value 0,09). Наибольшая доля свободно владеющих языком среди мигрантов из Узбекистана и Киргизии (около 47%), наименьшая доля среди работников из Таджикистана (39%) (табл. 1).

Высокий уровень культурной депривации, наблюдаемый у 14% мигрантов и обусловленный слабыми коммуникативными навы-

**Распределение респондентов по стране и уровню владения языком,
в % от общего числа опрошенных**

	Уровень знания языка				
	Очень плохо говорю на русском	Плохо, но могу объясняться	Говорю на русском, в целом, хорошо	Свободно владею русским языком	Всего
Узбекистан	2,4	12,6	38,4	46,6	100,0
Таджикистан	1,3	9,7	50,0	39,0	100,0
Киргизия	0,7	13,2	38,8	47,3	100,0
Всего	1,9	12,1	40,9	45,1	100,0

Примечание: ($\chi^2 = 16,954$, значимость 0,009).

ками, напрямую свидетельствует о проблемах в социокультурной адаптации. Несмотря на относительно небольшие показатели в процентах, в абсолютных величинах количество трудовых мигрантов, находящихся на территории России и при этом плохо говорящих на русском языке, можно оценить в не менее 1,1 млн человек. Исходя из неравномерного расселения иностранных работников по территории России и сосредоточении их в развитых промышленных центрах, можно говорить о высокой концентрации обладающих низким потенциалом интеграции инокультурных мигрантов в крупных городах.

Исходя из этого на первый план выходит проблема обучения русскому языку мигрантов, находящихся на территории России. Согласно данным опроса, курсы по изучению русского языка посещали только 18% респондентов. Причем среди тех, кто недостаточно владеет русским языком (очень плохо говорит по-русски и с трудом объясняется), большинство не посещало курсы русского языка (48 и 66% соответственно). Однако частота посещения внутри групп по уровню знания языка свидетельствует о равных долях тех, кто посещал подобные курсы, как среди лиц, плохо говорящих по-русски, так и среди тех, кто говорит хорошо. Вероятнее всего, свободно владеющие русским языком изучали его не на курсах, а в течение пребывания в России.

При этом большинство, 9 из 10-ти (88%), считают, что необходимость в таких курсах действительно есть, но не все знают об их наличии (16% не слышали о подобных курсах). Очевидно, что существует потенциал просветительской работы в части обеспе-

чения осведомленности мигрантов о возможности пройти подобные курсы. В то же время необходимо отметить, что большинство мигрантов (76,9%) работают более восьми часов сутки²⁷ и для них найти свободное время для прохождения курсов довольно сложно.

Длительность нахождения (проживания) в России является важным фактором знания языка. Нами была выдвинута гипотеза: по мере увеличения продолжительности проживания в стране, растет уровень владения языком, поскольку расширяется круг контактов и ежедневные паттерны поведения практически не позволяют мигрантам быть исключенными из взаимодействия с русскоговорящим населением. Несмотря на то что данная гипотеза является достаточно очевидной, ставилась задача выяснить, происходит ли усовершенствование знания языка по мере увеличения срока нахождения на территории России, или после овладения определенным словарным запасом в течение первых нескольких лет мигрант в дальнейшем не улучшает свои навыки.

В зависимости от продолжительности проживания в России были выделены пять групп: проживающие до одного года, проживающие от одного до двух лет, от двух до пяти лет, от пяти до десяти лет, свыше десяти лет (табл. 2).

Таблица 2

Владение языком в зависимости от продолжительности проживания, в % от общего числа опрошенных

		Уровень знания русского языка				Всего
		Очень плохо говорю на русском	Плохо, но могу объяснить	Говорю на русском, в целом, хорошо	Свободно владею русским языком	
Группа по продолжительности проживания	до 1 года	4,8	24,8	52,4	18,1	100,0
	от 1 до 2 лет	3,1	18,0	42,0	36,9	100,0
	от 2 до 5 лет	1,0	10,8	41,1	47,1	100,0
	от 5 до 10 лет	0,3	8,3	38,7	52,7	100,0
	более 10 лет	0,7	3,5	37,6	58,2	100,0
Всего		1,5	11,1	40,8	46,6	100,0

²⁷ Коженев В.В., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. М., 2022.

На основе точного критерия Фишера были установлены статистически значимые различия между продолжительностью проживания в России и уровнем знания языка: чем дольше мигрант находится в России, тем выше уровень знания русского языка. Так, среди тех, кто находится в стране меньше года, свободно владеют русским только 18,4%, при этом среди тех, кто работает на территории России более пяти лет, этот показатель превышает 50%. Наши расчеты показывают, что мигранты несмотря на культурную и экономическую обособленность не формируют замкнутые сообщества, и процесс языковой интеграции протекает относительно успешно, причем он не замедляется по прошествии пары лет нахождения в России и не фиксируется на уровне “говорю плохо, но могу объясняться”. При этом этот факт не означает, что происходит успешная интеграция мигрантов в российский социум по ассимиляционной модели. Язык может успешно выполнять коммуникационную функцию при значительной социокультурной дистанции между иностранцами и местным населением.

Уровень владения русским языком и миграционные намерения

Отдельным исследовательским вопросом данной работы являются миграционные установки, намерения иностранных работников остаться в России или переехать в другую страну, в том числе вернуться на родину.

В целом, среди мигрантов, находящихся в России, установки на выезд в третью страну выражены наиболее слабо (3%), чуть более выражены установки на возвращение на родину (9%). Около половины — 46,7% всех мигрантов планируют остаться в России и получить гражданство, еще 30,2% планируют остаться трудовыми мигрантами, жить и работать в России, но не менять гражданство. Таким образом, на рынке труда России в совокупности планируют остаться 77% мигрантов. Также можно сделать вывод о том, что современная трудовая миграция не несет в себе каскадный (переселение в 3-ю страну) потенциал.

Намерения мигрантов остаться в России для постоянного проживания или осуществления трудовой деятельности предопределяют необходимость изучения русского языка, о чем свидетельствует наибольшая доля знающих русский язык в группах с различными миграционными намерениями.

Распределение миграционных установок в зависимости от продолжительности проживания, в % от общего итога

		Планы на будущее					Всего
		Постараюсь остаться в России и получить гражданство	Постараюсь работать в России, но иногда буду ездить на родину	Заработаю денег и вернусь на родину, больше не приеду в Россию	Эмигрирую в другую страну	Не знаю, что буду делать	
Группа по продолжительности проживания	до 1 года	2,2	2,3	0,9	0,3	1,5	7,2
	от 1 до 2 лет	6,4	6,5	2,2	0,4	2,9	18,4
	от 2 до 5 лет	13,2	8,7	2,7	1,4	3,1	29,1
	от 5 до 10 лет	14,0	6,4	2,2	0,6	1,5	24,6
	более 10 лет	10,9	6,3	1,3	0,3	1,8	20,6
Всего		46,7	30,2	9,3	3,0	10,8	100,0

Рис 2. Уровень владения языком в группах мигрантов с различными миграционным намерениями, в % от соответствующей группы

Уровень знания языка необходимо оценить как с точки зрения планируемых адаптационных и интеграционных мер, так и с точки зрения вклада в человеческий капитал, который могут привнести

постоянные мигранты, намеренные остаться в России. В группе планирующих остаться более половины, 55%, владеют в совершенстве русским языком и только 9,6% плохо и очень плохо говорят на русском (рис. 2). В абсолютных значениях мы получаем следующую картину: из примерно 2,4 млн желающих остаться жить в России мигрантов около 1 млн обладают высоким уровнем знания русского языка, а около 230 тыс. — низким.

Несмотря на то что были установлены статистически значимые различия между миграционными намерениями и уровнем владения языком, меры измерения взаимосвязи дают низкую оценку тесноты выявленной связи ($\chi^2 = 74,8$, V-Крамера=0,129, Фи=0,223, оба показателя статистически значимы).

Среди тех, кто свободно владеет русским языком, наибольшая доля лиц, планирующих остаться в России — 56%, в отличие от других групп мигрантов по уровню знания языка, в которых соответствующая доля составляет от 32 до 40%. Вместе с теми, кто планирует работать в России, но иногда ездить на родину, эта доля составляет 82,7%. Среди тех, кто плохо и очень плохо говорит по-русски, таких 67 и 53,8% соответственно. Иными словами, чем лучше мигранты знают русский язык, тем больше среди них тех, чьи установки направлены на постоянную миграцию в Россию.

Не имеющих определенных миграционных намерений больше всего среди тех, кто очень плохо говорит на русском — 34,6%. Таким образом, эта группа мигрантов является наиболее неустойчивой и имеет потенциал с точки зрения формирования указанных намерений в соответствии с интересами миграционной политики.

Рис. 3. Распределение миграционных намерений в группах по уровню знания языка

Среди мигрантов распространено мнение о необходимости знания их детьми русского языка (91%), только 2,5% выступают за сохранение собственной языковой идентичности и неприятие (в виде отказа от изучения) русского языка детьми даже при условии дальнейшего проживания в России. Только 6% не желают, чтобы их дети жили в России, и, соответственно, изучали русский.

Во многом уровень владения языком обуславливается социальными контактами мигрантов. Общение внутри семьи осуществляется, как правило, на родном языке, и, в случае если оба супруга мигранты, это не способствует развитию навыка общения на языке принимающей страны. Если один из супругов является носителем языка принимающей страны, то в таких семьях дети растут в билингвальной среде, и общение может способствовать углублению знания русского языка супругом, который не является его носителем.

Уровень владения русским языком и социально-экономическое положение мигрантов

Важным исследовательским вопросом является определение различий в уровне владения русским языком в зависимости от сферы деятельности иностранного работника. Респонденты, отвечавшие “Очень плохо говорю на русском” и “Плохо, но могу объясняться”, были объединены в группу “плохо владеющие русским языком”, а респонденты, отвечавшие “Говорю на русском, в целом, хорошо” и “Свободно владею русским языком” — в другую, “хорошо владеющие русским языком”.

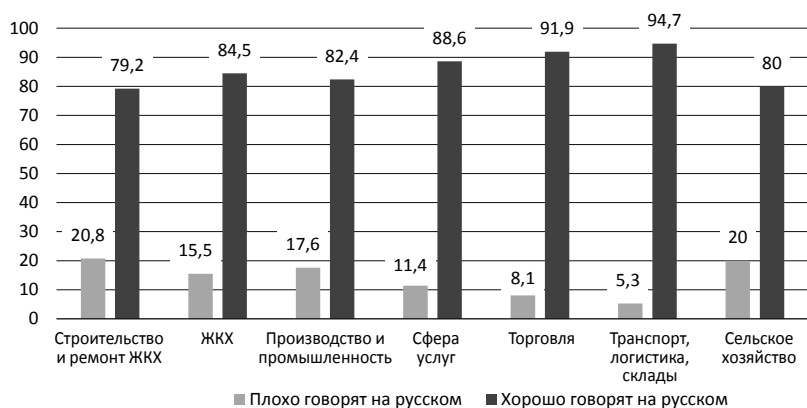

Рис. 4. Уровень знания языка в сферах занятости мигрантов, в %

Наибольшие доли иностранных работников, хорошо владеющих русским языком, как и ожидалось, наблюдаются в сфере услуг (88,6%), торговле (91,9%), на транспорте и в логистике (94,7%) (рис. 4). Специфика данных сфер требует постоянного взаимодействия с местным населением, что обязывает знать язык на достаточно хорошем уровне, а также способствует его совершенствованию. Наибольшие доли плохо говорящих на русском наблюдаются в строительстве (20,8%) и сельском хозяйстве (20%).

Распространенным является мнение, что знание языка позволяет мигрантам трудоустроиться на места с более высоким уровнем оплаты труда, в то время как те, кто не знает русский язык, занимают низкооплачиваемые рабочие места, и уровень их дохода невысок. С помощью процедуры однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было выполнено сравнение средних значений дохода в группах мигрантов с различным уровнем знания языка. Проверка однородности дисперсий была выполнена на основе критерия Ливиня: вне зависимости от меры центральной тенденции, положенной в основу критерия, допущение об однородности дисперсий для проведения ANOVA выполняется (значимость статистики существенно превышает 5%). Результаты непосредственно дисперсионного анализа указывают на отсутствие статистически значимых различий в уровне получаемого дохода между группами респондентов по знанию языка (F-значение 1,650, p-value 0,176). Было проведено дополнительно попарное сравнение средних для групп по уровню знания языка, в результате которого также не было установлено значимых различий даже между крайними группами по уровню знания языка (свободно владеющими и очень плохо говорящими на русском).

Таким образом, вне зависимости от того, хорошо мигранты владеют русским языком или нет, это не отражается на уровне их заработка. Иными словами, в современных российских экономических условиях трудовые мигранты могут рассчитывать на одинаковый уровень дохода вне зависимости от знания русского языка. Подобное обстоятельство снижает мотивацию к его изучению, что может иметь негативные последствия в виде замедления интеграции проживающих на территории России мигрантов и их культурного обогащения.

Также данный факт подтверждает выводы других исследований (например, В.И. Мукомель, 2017²⁸) о том, что при переезде в Россию мигранты занимают рабочие места, квалификационные требования

²⁸ Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.

которых ниже, чем у тех, которые они занимали на родине. Устраиваясь в сегменте низкоквалифицированного труда, мигрант не может капитализировать хорошее знание русского языка, так как оно там не является критически важным навыком. Зачастую подобные рабочие места находятся внутри так называемых “миграционных ниш” рынка труда, в которых общение с местным населением практически сведено к нулю.

В то же время установленные закономерности не свидетельствуют о том, что занятые мигрантами с разным уровнем владения языком рабочие места эквивалентны по оплате труда. Формулировка вопроса анкеты позволяет оценить уровень дохода, а не уровень оплаты труда по основному месту работы, т.е. в случае более продолжительного трудового дня, нескольких мест работы или дополнительных нерегулярных заработков, уровень дохода, получаемого мигрантом с плохим знанием русского языка, вполне может быть эквивалентен уровню дохода мигранта с хорошим знанием русского языка, но имеющего только одно место работы с нормированным рабочим днем.

Выводы

1. Данные социологического опроса показали, что большинство иностранных работников из стран Центральной Азии (около 86%) имеет достаточный уровень владения русским языком для успешной адаптации и последующей интеграции в российский социум. Вместе с тем вызывает озабоченность большое количество трудовых мигрантов (не менее 1,1 млн человек), плохо говорящих на русском языке. Учитывая их концентрацию в крупных мегаполисах, можно заключить, что этот факт может дать толчок негативным тенденциям социо-культурного обособления иностранных работников и росту социальной напряженности российского социума.

2. Для ликвидации коммуникативного барьера между иностранными работниками и местным населением существует потребность интенсификации языковой подготовки мигрантов путем разработки и внедрения курсов изучения языка, расширения к ним доступа и осведомленности мигрантов об их наличии. В данном контексте особое внимание необходимо уделить взаимодействию с работодателями сфер строительства и сельского хозяйства, в которых наблюдается наибольшие доли плохо говорящих на русском языке трудовых мигрантов. Именно через работодателей следует информировать мигрантов о наличии языковых курсов, а также

организовывать сами курсы непосредственно на производствах. Вместе с тем дефицит свободного времени у иностранных работников требует расширения возможностей обучения русскому языку в посылающих странах, в особенности на уровне школьного образования.

3. В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: чем лучше мигранты знают русский язык, тем больше среди них доля лиц, миграционные намерения которых направлены на постоянную миграцию в Россию. В группе планирующих остаться более половины, 55%, владеют в совершенстве русским языком и только 9,6% плохо и очень плохо говорят на русском.

4. Анализ данных социологического опроса показал отсутствие статистически значимой зависимости между размером ежемесячного дохода иностранного работника, причем как фактического, так и желаемого, и уровнем знания русского языка. Причиной этого может являться недоступность для трудовых мигрантов высокооплачиваемых вакансий, требующих углубленного уровня владения языком, ввиду отсутствия требуемой для таких вакансий у мигрантов квалификации, т.е. при условии роста уровня квалификации мигрантов в соответствии с современными требованиями российского рынка труда, уровень владения языком станет решающим фактором трудоустройства на высокооплачиваемые вакансии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 6. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11

Баранчеева Е.И. Обучение русскому языку трудовых мигрантов: проблемы разработки краткосрочных учебных курсов // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. DOI:10.1080/2010.524913

В МВД назвали количество мигрантов в России. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/615481a49a7947237a4aa621> (дата обращения: 20.05.2023).

Гребенникова И.А. Социокультурный компонент содержания в преподавании русского языка как иностранного мигрантам // Современное педагогическое образование. 2020. № 9. DOI: 10.2098-2587-8328

Гребенюк А.А. Трудовая миграция и экономическое развитие: последствия и система показателей. М., 2017.

Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. DOI: 10.17059/2020-2-13

Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и Право. 2021. № 3. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-06

Железнякова Е.А. Диагностика уровня владения русским языком детьми мигрантов в начальной школе // *Филология и культура*. 2021. № 4. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-261-269

Золотых Л.Г., Космачева О.Ю. Современные подходы к организации обучения русскому языку трудовых мигрантов с учетом их этнолингвистической специфики // *Педагогический журнал*. 2017. № 5. А. DOI: 10.25198/1814-6457-222-55

Ивахнюк И.В. Язык как фактор интеграции мигрантов. М., 2016.

Коженев В.В., Гребенюк А.А., Максимова А.С. Особенности социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России. М., 2022.

Краева А.А. Особенности организации обучения русскому языку в начальной школе иноязычных обучающихся // *Филологическое образование в период детства*. 2019. № 26. DOI: 10.2987-2411-7935

Литинский Б.Б. Настроения россиян по отношению к мигрантам как фактор адаптации детей работников-иностранцев к условиям школы в РФ // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. 2021. № 6. DOI: 10.2079-1968

Маслова И.Б. Трудности языковой адаптации в полиэтнической среде Российской Федерации (2019–2022 гг.): к вопросу о коммуникативном поведении мигрантов // *Лингвистика и образование*. 2022. № 3. DOI 10.48612/astgmu/2022-2-3-83-91

Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // *Статистика и экономика*. 2017. № 6. DOI 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79

Омельченко Е.А. Подходы к исследованию адаптационных стратегий эмигрантов из России за рубежом // *Этнодиалоги*. 2019. № 2. DOI: 10.17223/19988613/59/20

Очирова А.Б. Проблемы языковой интеграции трудовых мигрантов в российском обществе // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2022. № 4. DOI 10.24412/2658-638X-2022-4-184-186

Полетаев Д.В. Русский язык в адаптации мигрантов // *Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии*. 2015. № 3. DOI: 10.3897/porresop.5.e73815

Полетаев Д.В. Беременность, роды и здоровье трудовых мигранток из Средней Азии в России // *Население и экономика*. 2021. № 4. DOI: 10.3897/porresop.5.e73815

Полетаев Д.В. Жизнь и здоровье трудовых мигрантов из Средней Азии в России в условиях пандемии COVID-19 // *Население и экономика*. 2022. № 4. DOI: 10.3897/porresop.6.e90370

Рочева А.Л. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: социальные, языковые и идентификационные аспекты // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2019. № 2. DOI 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175

Рочева А.Н., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714

Стрельцова Я.Р. Адаптация иммигрантов в России: языковой аспект // Россия и современный мир. 2013. № 3. DOI: 10.21686/2984-3925-17-6-69-79

Чуксина Т.А., Подковыркина Ю.А. Русский язык как неродной: анализ практики социальной и учебной адаптации детей-мигрантов // Образовательный процесс. 2020. № 1. DOI: 10.2587-6031

REFERENCES

Aleshkovskij I.A., Grebenjuk A.A., Kravec V.A., Maksimova A.S. Inostrannye migranty na rossijskom rynke truda: Ocenka obshhej chislennosti i vклада v VVP Rossii [Foreign Migrants in the Russian Labor Market: the Estimate of Their Overall Number and Their Contribution to Russia's GDP] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty. tendencii, prognoz. 2019. N 6. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11 (in Russian).

Barancheeva E.I. Obuchenie russkomu jazyku trudovyh migrantov: problemy razrabotki kratkosrochnyh uchebnyh kursov [Russian language training for labor migrants: problems of developing short-term training programs] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2015. N 6. DOI:10.1080/2010.524913 (in Russian).

Chuksina T.A., Podkovyrkina Ju.A. Russkij jazyk kak nerodnoj: analiz praktiki social'noj i uchebnoj adaptacii detej-migrantov [Russian as a non-native language: analysis of the practice of social and educational adaptation of migrant children] // Obrazovatel'nyj process. 2020. N 1. DOI: 10.2587-6031(in Russian).

Denisenko M.B., Mukomel' V.I. Samochuvstvie trudovyh migrantov v period pandemii: rossijskij kejs [The well-being of labor migrants during the pandemic: a Russian case] // Nauchnoe obozrenie. Serija 1: Jekonomika i Pravo. 2021. N 3. DOI: 10.26653/2076-4650-2021-3-06 (in Russian).

Grebenjuk A.A. Trudovaja migracija i jekonomicheskoe razvitie: posledstvija i sistema pokazatelej [Labor Migration and Economic Development: Implications and Metrics]. M., 2017 (in Russian).

Grebenjuk A.A. Potrebnost' rossijskoj jekonomiki v inostrannyh trudovyh resursah v uslovijah vnedrenija novyh tehnologij [The need of the Russian economy In foreign labor resources in the context of the introduction of new technologies] // Jekonomika regiona. 2020. N 2. DOI: 10.17059/2020-2-13 (in Russian).

Grebennikova I.A. Sociokul'turnyj komponent sodержanija v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo migrantam [Sociocultural Content Component in Teaching Russian as a Foreign Language to Migrants] // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2020. N 9. DOI: 10.2098-2587-8328 (in Russian).

ILO Global Estimates on International Migrant Workers. Results and Methodology. Third edition. International Labour Office. Geneva, 2021. URL: https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2021/06/wcms_808935.pdf (accessed: 14.12.2023).

Ivahnjuk I.V. Jazyk kak faktor integracii migrantov [Language as a factor in the integration of migrants]. M., 2016 (in Russian).

Kozhenov V.V., Grebenjuk A.A., Maksimova A.S. Osobennosti social'no-jekonomicheskoy adaptacii trudovyh migrantov iz Central'noj Azii v Rossii [Features of socio-economic adaptation of labor migrants from Central Asia in Russia]. M., 2022 (in Russian).

Kraeva A.A. Osobennosti organizacii obuchenija russkomu jazyku v nachal'noj shkole inojazychnyh obuchajushhihsja [Features of the organization of teaching the Russian language in elementary school for foreign-speaking students] // *Filologicheskoe obrazovanie v period detstva*. 2019. N 26. DOI: 10.2987-2411-7935 (in Russian).

Maslova I.B. Trudnosti jazykovoj adaptacii v polijetnicheskoj srede Rossijskoj Federacii (2019–2022 gg.): k voprosu o kommunikativnom povedenii migrantov [Difficulties of language adaptation in the multi-ethnic environment of the Russian Federation (2019–2022): on the issue of communicative behavior of migrants] // *Lingvistika i obrazovanie*. 2022. N 3. DOI: 10.48612/astgmu/2022-2-3-83-91 (in Russian).

Mukomel' V.I. Migranty na rossijskom rynke truda: zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants in the Russian labor market: employment, mobility, intensity and wages] // *Statistika i Jekonomika*. 2017. N 6. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79 (in Russian).

Ochirova A.B. Problemy jazykovoj integracii trudovyh migrantov v rossijskom obshhestve [Problems of language integration of labor migrants in Russian society] // *Psihologija i pedagogika sluzhebnoj dejatel'nosti*. 2022. N 4. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-184-186 (in Russian).

Omel'chenko E.A. Podhody k issledovaniju adaptacionnyh strategij jemigrantov iz Rossii za rubezhom [Approaches to the study of adaptation strategies of emigrants from Russia abroad] // *Jetnodiologi*. 2019. N 2. DOI: 10.17223/19988613/59/20 (in Russian).

Poletaev D.V. Russkij jazyk v adaptacii migrantov [Russian language in the adaptation of migrants] // *Vestnik Bibliotечноj Assamblei Evrazii* [Bulletin of the Library Assembly of Eurasia] 2015. N 3. DOI: 10.3897/popecon.5.e73815 (in Russian).

Poletaev D.V. Beremennost', rody i zdorov'e trudovyh migrantok iz Srednej Azii v Rossii [Pregnancy, childbirth and health of labor migrants from Central Asia in Russia] // *Naselenie i jekonomika*. 2021. N 4. DOI: 10.3897/popecon.5.e73815 (in Russian).

Rocheva A.L. Integracija migrantov vtorogo pokolenija iz Zakavkaz'ja i Srednej Azii v Tjumenskoj oblasti: social'nye, jazykovye i identifikacionnye aspekty [Integration of second-generation migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen region: social, linguistic and identification aspects] // *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*. 2019. N 2. DOI 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175 (in Russian).

Rocheva A.N., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Ujazvimye grupy v chrezvychajnyh situacijah: solidarnost' i doverie gosudarstvu kak osnova strategij migrantov v Rossii vo vremja pandemii COVID-19 [Vulnerable Groups in Emergency Situations: Solidarity and Trust in the State as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic] // *Monitoring obshhestvennogo Mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2020. N 6. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1714 (in Russian).

Strel'cova Ja.R. Adaptacija immigrantov v Rossii: jazykovoj aspekt [Adaptation of immigrants in Russia: language aspect] // *Rossija i sovremennij mir*. 2013. N 3. DOI: 10.21686/2984-3925-17-6-69-79 (in Russian).

The Interior Ministry called the number of migrants in Russia. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/615481a49a7947237a4aa621> (accessed: 20.05.2023).

Zheleznjakova E.A. Diagnostika urovnja vladenija russkim jazykom det'mi migrantov v nachal'noj shkole [Diagnosis of the level of Russian language proficiency in migrant children in elementary school] // *Filologija i kul'tura*. 2021. N 4. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-261-269 (in Russian).

Zolotyh L.G., Kosmacheva O. Ju. Sovremennye podhody k organizacii obucheniya russkomu jazyku trudovyh migrantov s uchetom ih jetnolingvisticheskoj specifiky [Modern approaches to the organization of teaching the Russian language to labor migrants, taking into account their ethno-linguistic specificity] // *Pedagogicheskij zhurnal*. 2017. N 5A. DOI: 10.25198/1814-6457-222-55 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-188-199

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩАХ

А.В. Багаева, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена актуальной проблеме, отражающей отчетливо видимый кризис коммуникативной культуры, который скрывает более глубокий конфликт социальных ценностей. Этот конфликт проявляет себя в ломке сформированных в прошлом образов, эталонов действия в конкретных ситуациях общения представителей разных этносов, культур, конфессий и пр. Всплеск рождения новых этнофолизмов, выступающих в качестве наиболее экспрессивных этнонимов, совпал по времени с подъемом на новый уровень языка вражды, в котором самые разнообразные социально окрашенные прозвища превращаются в мощный инструмент политической стигматизации любых отличных от субъекта данного процесса персон или общностей.

Изучение такого явления носит междисциплинарный характер и невозможно без знаний фактов истории, культуры, языка, экономической жизни разных этнических групп. Предпринятое в статье исследование этнофолизмов в виде существующих топонимических прозвищ позволяет выявить основания двойственного отношения к тенденции регионализации, проявляющегося в том, что, с одной стороны, она находится под давлением тех же социальных, экономических, политических и духовных процессов, которые вызвали крах глобальных проектов, однако, с другой стороны, приближенность региональных действий к местным условиям дает основание для прогнозирования возможности через укрепление идентичности, с одной стороны, создать более прочную социально-экономическую базу развития региональных сообществ, а с другой — найти новую модель их взаимодействия в глобальном пространстве.

Ключевые слова: социальная общность, региональная идентичность, язык вражды, социальная стигматизация, ксенофобия, коммуникативная культура, антропонимические термины, топонимия.

* Багаева Алиса Валерьевна, e-mail: bagaeva@socio.msu.ru

SOCIAL ASPECTS OF MANIFESTATIONS OF REGIONAL IDENTITY IN TOPONYMIC NICKNAMES

Bagaeva Alisa V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology of Communicative Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: bagaeva@socio.msu.ru

The article is devoted to an actual problem that reflects a clearly visible crisis of communicative culture, which hides a deeper conflict of social values, manifested in the breakdown of patterns formed in the past, standards of action in specific situations of communication between representatives of different ethnic groups, cultures, confessions, etc. A surge in the birth of new ethnophobisms, acting as the most expressive ethnonyms, coincided with the rise to a new level of hate speech, in which the most diverse socially colored nicknames turn into a powerful tool for political stigmatization of any persons or communities that are different from the subject of this process.

The study of such a phenomenon is interdisciplinary in nature and is impossible without knowledge of the facts of history, culture, language, economic life of different ethnic groups. The study of ethnophobisms in the form of toponymic nicknames allows us to find out the reasons for the ambivalent attitude towards the trend of regionalization, when, on the one hand, it is under pressure from the same social, economic, political and spiritual processes that caused the collapse of global projects, however, on the other hand, the proximity of regional actions to local conditions, provides a basis for predicting the possibility, through the strengthening of identity, to create both a stronger socio-economic basis for the development of regional communities, and to find a new model for their interaction in the global space.

Key words: social community, regional identity, hate speech, social stigmatization, xenophobia, communicative culture, anthroponymic terms, toponymy.

Обращение к проблематике, связанной с историей происхождения и современным состоянием социально-лингвистического ландшафта, знаковыми элементами которого наряду с этнонимами выступают этнофолизмы, продиктовано потребностью обеспечения для человека начала XXI столетия своеобразной карты социальной навигации, позволяющей обходить опасные точки межэтнического общения. Причем такие, которые проявляясь в настоящем, имеют глубокие корни в прошлом, но продолжают влиять на социальную реальность и даже формировать будущие паттерны общественного поведения. В этом свете минимизация возможности зарождения очагов конфликтности, способных препятствовать успешному взаимодействию различных региональных социальных акторов, служит не только установлению добрососедских отношений. Она направлена на решение множества общих для близко проживающих на-

родов экономических и культурных задач, развитие региональных интеграционных процессов и закладывает основы для региональной идентичности.

Актуализация установления идентичности как индивида, так и отдельной социальной группы обусловлена ростом напряжения почти во всех областях взаимодействия: межличностного, делового, международного и т.д. Причин такого почти гнетущего драматизма очень много. Их нельзя списывать лишь на особенности современного этапа развития всего мира, отдельных регионов или государств, носящие объективный характер. Многие проблемы порождены обычным человеческим фактором. Безусловно, вызванные им обстоятельства не есть только плод испорченной людской природы. Что-то из этого изначально не совсем добродетельного багажа оказалось еще более искажено благами цивилизации. К природной лени добавилась возможность переложить часть трудовых обязанностей где-то на менее благоустроенных мигрантов, а где-то — уже и на роботов. К нежеланию людей проявлять физическую активность присовокупился соблазн заменить ее на виртуальные впечатления от таковой. От здоровой пищи многих людей стало отвлекать многообразие фастфуда. Из всего перечисленного и многого другого неизбежно следовали не только проблемы, связанные со здоровьем, но и с карьерным ростом, семейными отношениями, общим взглядом на окружение и собственные жизненные перспективы.

Одним из проявлений этого внутреннего кризиса стало тиражирование образов врагов, стремление к стигматизации не столько конкретных неугодных и неудобных в общении лиц, сколько навешивание всяческих ярлыков на представителей других культур, национальностей, религий¹. Чаще всего и проще всего это поведение начало выражаться в формах языка вражды (англ. *hate speech*), выступающей разновидностью риторики ненависти, отражающей специфические национальные, религиозные, культурные ценности, на которых возвышаются нетерпимость, межнациональная рознь, ксенофобия, расизм, а также гомофобия и сексизм².

К числу наиболее емких определений языка вражды можно отнести то, что было дано в 1997 г. Комитетом министров Совета Европы (фр. *Comité des ministres du Conseil de l'Europe*) в Рекомендации

¹ Терновая Л.О. Образ “врага” в “век тревоги” // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков (Как противостоять агрессивному экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи). Мат-лы междунар. конф. 18–19 ноября 2000 г. Москва, Россия. М., 2001. С. 164–167.

² Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: Мат-лы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003.

№ R (97) 20, отметившем его как любые формы самовыражения, включающие распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, в том числе нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями³. Несмотря на то что весной 2022 г. Россия прекратила свое членство в Совете Европы, а также то, что площадка этой региональной организации все чаще превращалась в место выражения того, что сами же его эксперты обозначали как язык вражды, его определение и сегодня можно считать весьма точным.

Язык вражды всегда был извращенной формой коммуникации. Он служил в прошлом и сейчас продолжает играть роль механизма идентификации любого другого, имеющего такие отличия от субъекта идентификации, которые по ряду причин у него вызывают негативные чувства: неприязни, зависти, злобы... Среди таких причин выделяются не только этнокультурные, конфессиональные, но также экономические или геополитические. Вариантов выражения недоброжелательности великое множество. Одним из них становится использование прозвищ, заменяющих либо антропоним, либо этноним на основании определенной характеристики, данной человеку, этносу, региональной социальной общности в соответствии с особенностями их происхождения, места проживания, отличительных черт хозяйственной деятельности⁴.

В научной литературе подобные экспрессивные этнонимы получили наименования этнофолизмов (др.-греч. ἔθνος — племя, род + φαῦλος — ничтожный, порочный). Их смыслы отличаются от обобщенных названий жителей и от указания на население конкретной местности, известных как демонимы (др.-греч. δῆμος — народ + ὄνυμα — имя, название) и катойконимы (др.-греч. κατά — под + οἶκος — дом), тем, что помимо трансляции оппозиции “свой–чужой”, они выражают крайне негативное отношение к именуемой

³ Рекомендация N R (97) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам “О вопросах разжигания ненависти”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (дата обращения: 30.09.2022).

⁴ См., например: *Парфенова Н.Н.* Из истории антропонимических терминов: фамилия, прозвище, прозвание // *Русский язык: вопросы теории и методики преподавания*: Сб. науч. ст. / Редкол. А.М. Гильбурд и др. Сургут, 2000. С. 60–68; *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988; *Шостка Е.С.* Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009. Вып. 5 (73). С. 59–62.

общности, подчеркивая ее отдаленность от собственной, чуждость ей, а часто еще и презрение⁵. Несмотря на то что топонимический массив позволяет исключительно точно идентифицировать образ “другого”, к этнофолизмам могут относиться термины, далекие от обозначения места происхождения объектов наименования, но способные приобретать пейоративное значение, например, обозначающие цвет кожи “черный”, “желтый” или родство (“брат”, “братишка”), например, прозвище “бролюкас” (лит. *brolis* — брат)⁶.

Рассмотрим причины появления топонимических прозвищ. Широкое распространение топонимических прозвищ объясняется рядом причин. Самая простая из них состоит в потребности облегчить процесс межэтнического общения, когда у сторон имеются не только сложности в языковой передаче этнонима, но и в совпадении его с теми историко-культурными ориентирами, которые сформировались у народов при прямом или косвенном знакомстве друг с другом. Новые наименования далеко не всегда обидны, хотя заставляют задуматься, почему инициаторы этого общения не потрудились скорректировать либо неверное произношение исконного этнонима, либо добиться от простых людей, которым приходилось общаться с представителями другой культуры правильного понимания того, кто они и из каких мест происходят. Ярким примером таких искажений можно считать сохранение в современной топонимии Подмосковья памяти об итальянцах, которые во второй половине XV столетия по приглашению Великого князя Ивана III участвовали в строительстве Московского Кремля. Топонимы “Фрязино”, “Фряново” и “Фрязево” берут начало в наименовании москвитями уроженцев Южной Европы фрягами⁷. Термин “фрязин” пришел в русский язык из сербского, где он искаженно указывал на франка, как представителя древнегерманских племен. Но уже в то

⁵ Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.

⁶ См., например: Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Мат-лы междунар. конф. 8–9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПУ) / Гл. ред. Н.А. Николина. М.; Ярославль, 2007. С. 40–52; Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

⁷ Zubov M.Ī. Davnõrus'kiy yetnoním fryazi: odna bogoslovs'ka konotatsiya // Zapiski z onomastiki = Opera in onomastica. Odesa: Odes'kiy natsional'niy universitet imeni Ī. Ī. Mechnikova. 2002. Vip. 6. S. 3–13 (in Ukrainian).

время это понятие обозначало католиков. Фряги, к которым на Руси относились в первую очередь итальянцы, отличались от других иностранных гостей из Северной и Западной Европы. Не имея возможности с ними разговаривать без переводчика, не получая ответной реакции на задаваемые вопросы, местное население успокаивало себя тем, что эти люди немые. И хотя определение немца первоначально включало уроженцев не только германских земель, но и многих других европейцев, закрепилось оно лишь в отношении выходцев из германских княжеств.

Если первую причину можно назвать естественным результатом ограниченного понимания, то вторая причина появления топонимических прозвищ связана с проявлением межэтнической вражды. Прозвище подчеркивало неприятие уже не отдельных представителей иной культуры, а ее носителей целиком, как единой социальной общности, обладающей полностью противоположными ценностями и отличающейся неприемлемой для субъекта идентификации практикой организации жизни, семейных и трудовых отношений, наличием таких политических ориентиров, которые у автора прозвища считаются неприемлемыми. Часто в основе этой причины лежало наличие другой веры, как в прозвище “басурман”, происходящем от искаженного слова “мусульманин”, а потому первоначально наполненным религиозным смыслом. Приверженцы ислама в свою очередь прозвищем “кафир” обозначали всех немусульман.

Неуважительное отношение к этническим соседям далеко не всегда определялось конфессиональными различиями. Также оно могло отражать изменения содержания изначально нейтрального термина. Например, во второй Псковской летописи, датированной в 1444 г., упомянут этнос “чухно”⁸. Несмотря на то что данное понятие было закреплено в официальной лексике, поскольку в Российской империи так называли карело-финское население, включающее в первую очередь ингерманландских финнов, которые проживали в окрестностях Петербурга, в народном говоре термины “чухна”, “чухонь”, “чухонец” передавали крайне неуважительное отношение русских к представителям финно-угорских народов. Аналогично греки изначально понятие “ксенос” (греч. Ξένος), означающее “странника” или “паломника”, не без пренебрежительного оттенка стали употреблять относительно широкого круга иностранцев, мигрантов, носителей другого языка, чуждых греческой культуре.

⁸ Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

Обратимся теперь к моменту актуализации будничной стороны жизни в сложные времена. В связи с тем, что в любой культуре имеется множество пластов, следует выделить третью причину возникновения негативных топонимических прозвищ, касающуюся такой важной детали истории повседневности, как национальная кухня, символически вбирающая в себя множество смыслов не только хозяйственной деятельности, но и жизненного уклада народа в целом, определяющего его региональную идентичность. Наиболее известный пример из разряда топонимических прозвищ, акцентирующих разницу кухонь, касается прозвища итальянцев, в число любимых блюд которых попали самые разнообразные макаронные изделия, что дало почву для прозвища “макаронники”⁹. А для проживающих в Северной Италии у жителей Южной Италии имеется специфическое прозвище, отражающее их любовь к поленте. Это — *polentone* (“пожиратель поленты”). В блюдах французской кухни применяются некоторые виды лягушек и имеется такой деликатес, как лягушачьи лапки (фр. *Cuisses de grenouille*). Из-за этого французы получили прозвище “лягушатников”.

Поскольку топонимы и антропонимы часто близки по звучанию, то случается, что ошибочно происхождение регионального прозвища приписывается названию географического объекта. В частности, обозначающий валлийца уничижительный термин “Таффи”, который на русский язык переводится как “ириска” (англ. *taffy-toffy*), ведет начало не от реки Тафф, а от искаженного звучания имени “Дэвид” в валлийском варианте — “Дафидд”. Обидным может считаться прозвище “пожиратель ворон” (англ. *croweater*), присвоенное соседями первым поселенцам из штата Южная Австралия, которые из-за неблагоприятной почвы не были успешными в сельском хозяйстве и для выживания охотились, в том числе и на ворон.

Вместе с тем известны преобразования региональных прозвищ этого порядка в своеобразные пищевые бренды, как, например, прозвища “бульбаш” (белор. бульба — “картофель”) в Белоруссии¹⁰. Другой пример — американский штат Висконсин, который ассоциируется с сыром и вносит весомый вклад в производство молочных продуктов. Отсюда сам штат имеет прозвище “Молочная страна

⁹ См., например: Веселов Ю.В. Всемирная история еды: введение в гастрономическую экономику. М., 2023; Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009; Терновая Л.О. Гастрономическая геополитика. Монография. М., 2020.

¹⁰ Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, 1978. T. 1: A—B. P. 410 (in Belorussian).

Америки”¹¹, а его жители — “сырная голова” (англ. *Cheesehead*, нидерл. *Kaaskop*).

Предложим еще один ракурс осмысления исследуемой темы, который можно сформулировать следующим образом: имя — ключ к общению, а искаженное имя — его взлом. Прочное прикрепление конкретных антропонимов к представителям определенных этносов также позволяет определять это обстоятельство как еще одну, четвертую, причину рождения этнофолизмов. Данный вид региональных прозвищ берет начало в упрощенном понимании наиболее распространенного для этноса имени: для германского — Фрица или Ганса; для казахского — Мамбет (от “Махамбет”, являющимся казахским произношением имени “Мухаммед”). Хотя в подавляющем большинстве случаев такое прозвище имеет обобщающий этнический оттенок, маркирует не место, а социальную общность, оно косвенно указывает и на локус происхождения и проживания входящей в эту этническую общность персоны.

Обратимся к топонимическим истокам этнофолизмов. Стремление к упрощению любого элемента общения: межличностного, межэтнического, межгосударственного и др., — может быть результатом непонимания и неприятия носителя таких отличий, что становится истоком еще одной, пятой причины образования региональных прозвищ, имеющих топонимическую базу. При общей распространенности таких прозвищ обращает на себя внимание частота их употребления в странах Западного полушария, где ими обозначаются жители соседних государств, штатов и даже чем-то примечательных районов городов¹². Как и в случае с прозвищами, основанными на продуктовой специфике местности, те люди, к кому они прикрепляются, выработали модели превращения этих имен в почетные наименования, четко идентифицирующие их отличия от других. Так, прозвище “*Hoosier*”, означающее в США выходца из штата Индиана, стало не только обозначать спортивные команды Индианского университета (англ. *Indiana University*), расположенного в Блумингтоне, но также используется для наименования его студентов. В Мексике жители города и одноименного штата Агуаскальентес (исп. *Aguascalientes*), название которого происходит из испанских слов “*aguas calientes*”, что обозначают “горячие воды”, получили прозвище “*Hidrocalido*”. Оно же стало не только наименованием городской газеты, но и новостного веб-сайта Агуаскальентеса.

¹¹ Kane J.N., Alexander G.L. Nicknames and sobriquets of U.S. cities, States, and counties. Lanham, 1979. P. 412.

¹² Allen I.L. Unkind words: ethnic labeling from redskin to WASP. N.Y., 1990. P. 59–61.

Классическими примерами перевода пренебрежительного смысла, заложенного в прозвище, в его позитивное звучание стали “хиллбилли” (англ. *hillbilly*) и “реднеки” (англ. *rednecks*, дословно — “красношеи”). Оба эти термина получили распространение в Соединенных Штатах Америки, где ими маркируются определенные общности с отличием организации быта от своих соседей, сформировавшие собственную субкультуру и гордящиеся ей и собственной историей. Хиллбилли являются потомками ирландских и шотландских эмигрантов, поселившихся в сельской местности, прежде всего в Аппалачских горах¹³. Из этих же мест происходят и реднеки, прозвище которых стало производным от результатов их напряженной работы на полях¹⁴.

В качестве шестой причины рождения топонимических прозвищ, закрепляющих региональную идентичность, следует выделить геополитические основания. Известно, что у Соединенных Штатов Америки были четкие планы по контролю над созданной в 1903 году Зоной Панамского канала (англ. *Panama Canal Zone*, исп. *Zona del Canal de Panamá*). Там находились американские военные базы, было достаточно много обслуживающего их нужды персонала, который свысока смотрел на местное панамское население, за что и получил от последнего прозвище “зониен”. Одним из таких зониен был сенатор Джон Маккейн, родившийся недалеко от панамского города Колон на базе подводных лодок США “Коко-Соло” (англ. *Coco Solo*)¹⁵. К такому же геополитическому типу топонимических наименований можно отнести пару прозвищ — “Весси”, отмечающее жителей западных земель Германии (от нем. *Westdeutschland*), и “Осси”, указывающее на бывших граждан Германской Демократической Республики, располагавшейся на территории пяти восточных земель (от нем. *Ostdeutschland*). Прозвища именно такого порядка в наши дни все более активно наполняют язык политического дискурса¹⁶.

Итак, в качестве заключения предложим следующие выводы. Кризис глобального миропорядка проявляется не только в росте военной напряженности в разных частях планеты. Он обнаруживается в расширении трещины между геополитическим Севером и Югом, между государствами-экспортерами и государствами-им-

¹³ Harkins A. *Hillbilly: a cultural history of an American Icon*. N.Y., 2003.

¹⁴ West S.A. *From Yeoman to Redneck in the South Carolina Upcountry, 1850–1915*. Charlottesville, 2008.

¹⁵ Welch M. *McCain: the myth of a Maverick*. N.Y., 2007.

¹⁶ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

портерами энергетических ресурсов, между социумами с несовпадающими представлениями о правах человека и фундаментальных ценностях¹⁷. В этом опасном повороте мирового развития теряется ранее существовавшая надежда на то, что человечество недовыполненные задачи глобализации сумеет реализовать, использовав все неоспоримые преимущества тенденции регионализации.

Трещины, обозначающие линии конфликтов, пробежали и по территориям регионов, раздробив их на такие субрегиональные пространства, которые изначально совпадали с местами компактного проживания в них тех этносов, что могут быть отнесены к коренным, историческим. Присвоение их представителям прозвищ, имеющих топонимическую природу или производных от топонимов и родственных им этнонимов, с одной стороны, становится знаком не просто закрепления их отличия от других, но часто и формой своеобразной стигматизации, основанной на негативном восприятии любой непохожести. С другой стороны, нельзя отрицать влияния подобной лексической стигматизации на укрепление этой субрегиональной общности и на процессы формирования ее уникальной идентичности, отражающей рост национального и политического самосознания и общей осознанности. Таким образом, в проанализированном в статье процессе проявления региональной идентичности в топонимических прозвищах можно найти не только результаты усиления социальной напряженности, но и пусть очень слабые, но проблески выхода на новый уровень коммуникативной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веселов Ю.В. Всемирная история еды: введение в гастрономическую экономику. М., 2023.

Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н.А. Николина. М., 2007. С. 40–52.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006. С. 175–187.

Дубровский Д.В. и др. Язык вражды в русскоязычном Интернете: Материалы исследования по опознаванию текстов ненависти. СПб., 2003.

¹⁷ Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012.

Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.

Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009.

Парфенова Н.Н. Из истории антропонимических терминов: фамилия, прозвище, прозвание // Русский язык: вопросы теории и методики преподавания: Сб. науч. ст. Сургут, 2000. С. 60–68.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М., 1988.

Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.

Рекомендация № R (97) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-членам “О вопросах разжигания ненависти”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (дата обращения: 20.05.2023).

Терновая Л.О. Гастрономическая геополитика: Монография. М., 2020.

Терновая Л.О. Образ “врага” в “век тревоги” // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков (Как противостоять агрессивно-му экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи). Мат-лы междунар. конф. 18–19 ноября 2000 г. Москва, Россия. М., 2001. С. 164–167.

Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

Шостка Е.С. Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5 (73). С. 59–62.

REFERENCES

Allen I.L. Unkind words: ethnic labeling from redskin to WASP. N.Y., 1990.

Dubrovskiy D.V. i dr. Yazyk vrazhdy v russkoyazychnom Internetе: materialy issledovaniya po opoznaniyu tekstov nenavisti [Hate speech on the Russian Internet: Materials of a study on the identification of hate texts]. SPb., 2003 (in Russian).

Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, 1978. T. 1: A–B (in Belorussian).

Grishchenko A.I. Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh: etimologicheskii, motivatsionnyy i derivatsionnyy aspekty [Sources of expressive ethnonyms (ethnopholisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects] // Aktivnyye protsessy v sovremennoy leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 8–9 iyunya 2007 g. pamyati L.V. Nikolenko i YU.P. Soloduba (MPGU) / Gl. red. N.A. Nikolina. M., 2007. S. 40–52 (in Russian).

Grishchenko A.I., Nikolina N.A. Ekspressivnyye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy [Expressive ethnonyms as signs of hate speech] // Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti / Отв. ред. I.T. Vepreva, N.A. Kupina, O.A. Mikhaylova. Yekaterinburg, 2006. S. 175–187 (in Russian).

Harkins A. Hillbilly: a cultural history of an American icon. N.Y., 2003.

Kane J.N., Alexander G.L. Nicknames and sobriquets of U.S. cities, States, and counties. Lanham, 1979.

Korobkova O.S. Markery yazyka vrazhdy v nominatsiyakh etnicheskoy pri-nadlezhnosti: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Hate Speech Markers in Ethnicity Nomi-nations: Sociolinguistic Aspect] // *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena.* 2009. N 111. S. 200–205 (in Russian).

Montanari M. Golod i izobiliye. Istoriya pitaniya v Yevrope [Hunger and abun-dance. History of nutrition in Europe]. SPb., 2009 (in Russian).

Parfenova N.N. Iz istorii antroponimicheskikh terminov: familiya, prozvishche, prozvaniye [From the history of anthroponymic terms: surname, nickname, nick-name] // *Russkiy yazyk: voprosy teorii i metodiki prepodavaniya: Sb. nauch. st..* Sur-gut, 2000. S. 60–68 (in Russian).

Podol'skaya N.V. Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] / *Otv. red. A.V. Superanskaya.* M., 1988 (in Russian)

Pskovskie letopisi [Pskov chronicles] / *Pod red. A.N. Nasonova.* M., 1955 (in Russian).

Rekomendatsiya N R (97) 20 Komiteta ministrov Soveta Yevropy gosudarstvam-chlenam “O voprosakh razzhiganiya nenavisti” [Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on matters of hate speech]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (accessed: 30.09.2022) (in Russian).

Sheygal Ye.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political dis-course]. M., 2004 (in Russian).

Shostka Ye.S. Regional'nyye prozvishcha: psikhologicheskaya i sotsial'naya kharakteristika [Regional nicknames: psychological and social characteristics] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki.* 2009. Vyp. 5 (73). S. 59–62 (in Russian).

Ternovaya L.O. Gastronomicheskaya geopolitika [Gastronomic geopolitics]: Monografiya. M., 2020 (in Russian).

Ternovaya L.O. Obraz “vraga” v “vek trevogi” [The image of the “enemy” in the “age of anxiety”] // *Molodezh' Rossii pered litsom global'nykh vyzovov na ru-bezhe vekov (Kak protivostoyat' agressivnomu ekstremizmu, ksenofobii i nasiliyu sredi molodezhi).* Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 18–19 noyabrya 2000 g. Moskva, Rossiya. M., 2001. S. 164–167 (in Russian).

Universal'nyye tsennosti v mirovoy i vneshney politike [Universal values in world and foreign policy] / *Pod red. P.A. Tsygankova.* M., 2012 (in Russian).

Veselov Ju. V. Vsemirnaya istoriya edy: vvedenie v gastronomicheskuyu jekonomi-ku [The World History of Food: An Introduction to Gastronomic Economics]. M., 2023 (in Russian).

Welch M. McCain: the myth of a Maverick. N.Y., 2007.

West S.A. From yeoman to redneck in the South Carolina Upcountry, 1850–1915. Charlottesville, 2008.

Zubov M.I. Davnorus'kiy yetnonim fryazi: odna bogoslovs'ka konotatsiya [Old Russian ethnonym phrase: one theological connotation] // *Zapiski z onomastiki = Opera in onomastica.* Odesa, 2002. Vip. 6. S. 3–13 (in Ukrainian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-200-220

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА, МЕТОДЫ И СПОСОБЫ ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С.Г. Карепова, канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник Объединенного центра социологии и экономики знания Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1, г. Москва, Российская Федерация, 109544*

С.В. Некрасов, научный сотрудник Объединенного центра социологии и экономики знания Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1, г. Москва, Российская Федерация, 109544**

А.Н. Пинчук, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, старший научный сотрудник Объединенного центра социологии и экономики знания Института социологии ФНИСЦ РАН, Стремянный пер., 36, Москва, Российская Федерация, 117997***

Статья посвящена актуальному и востребованному в рамках современных междисциплинарных научных исследований направлению — информационной безопасности, а также специфике данного феномена и методам его обеспечения. В работе отмечается, что в современном социально-научном знании есть понимание важности сохранения информационной безопасности, что отражено в ряде теоретико-методологических и научно-практических исследований советских и современных российских ученых, что также говорит о достаточной научной разработанности феномена. Данное научно-исследовательское направление значительно актуализировано и в стратегических нормативных государственных документах, отвечающих за национальную безопасность страны. Особое внимание в статье уделяется важнейшим характеристикам современной социальной реальности, ее детерминирующим факторам развития, новым тенденциям, инновационным вызовам и рискам, которые являются не только ее характеристиками, но и зонами бифуркаций, требующими учета и предотвращения в будущем. С точки зрения авторов, в данном рисковом континууме решающее значение приобретают именно риски, связанные с информационной составляющей и с разрушением информационной безопасности, в частности. В статье также отмечается ключевая роль социокультурного аспекта в создании желательной для социума современной социальной реальности. Речь идет о сознательном выходе через социокуль-

* Карепова Светлана Геннадьевна, e-mail: Svetlran@mail.ru

** Некрасов Сергей Владимирович, e-mail: sv_79@inbox.ru

*** Пинчук Antonina Николаевна, e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

турный план на процессы управления индивидуальным и массовым сознанием современного социума. Авторами по результатам проведенного анализа ключевых нормативных документов (Доктрина национальной безопасности РФ, Стратегия национальной безопасности РФ и др.) и научных разработок выявлены наиболее распространенные и применяемые на практике методы и средства обеспечения информационной безопасности и объединены в авторскую схему — классификацию, дающую наглядное представление о научно-практической стороне феномена. В статье отмечается чрезвычайная важность дальнейшего изучения информационной безопасности, как научного направления, обладающего выраженным исследовательским потенциалом и высокой научно-практической востребованностью в будущем. Особую актуализацию в рамках данного направления приобретает организационно-управленческий план и выход на практический уровень сохранения феномена.

Ключевые слова: информационная безопасность, социальная реальность, сознание, социум, угрозы, методы, способы, социокультурный аспект.

KEY FEATURES OF THE PHENOMENON, ITS METHODS AND MEANS

Karepova Svetlana G., PhD in Sociology, Leading Researcher, Joint Center of Sociology and Economics of Knowledge, Institute of Sociology of FCTAS RAS, st. Bolshaya Andronievskaya, 5, building 1, Moscow, Russian Federation, 109544, e-mail: Svetfran@mail.ru

Nekrasov Sergey V., Researcher, Joint Center of Sociology and Economics of Knowledge, Institute of Sociology of FCTAS RAS, st. Bolshaya Andronievskaya, 5, building 1, Moscow, Russian Federation, 109544, e-mail: sv_79@inbox.ru

Pinchuk Antonina N., PhD in Sociology, Associate Professor, Political Science and Sociology Chair, Plekhanov Russian Economic University, Senior Researcher, Joint Center of Sociology and Economics of Knowledge, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Stremyanny lane, 36, Moscow, Russian Federation, 117997, e-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

This article is devoted to the information security, which is a relevant and demanded research area within modern interdisciplinary scientific studies, key features of this phenomenon and its methods as well. The paper notes that there is an understanding of the importance to maintain information security in social scientific knowledge. This is evidenced by a number of soviet and Russian scientists' theoretical-methodological and scientific-practical studies, which indicate the sufficient research mastery of the phenomenon. This research area has taken on increasing importance in the strategic regulatory state documents, which are responsible for the country's national security. Special attention is paid to the most significant characteristics of social reality, its determining development factors, new trends, innovation challenges and risks. These are not only the characteristics of social reality but its bifurcation zones, which to be taken into consideration and prevented in the future. In the authors' view, namely the risks,

related to the informational component and the undermining of information security in particular, acquire importance. The article notes the key role of a sociocultural aspect in creating a desirable modern social reality for society. This is about a conscious access to manage both an individual and mass consciousness through the sociocultural aspect. Based on the results of analyzing the key regulatory documents, the authors identified methods and means of ensuring information security, which are most widespread and put into practice. They were integrated into the authors' scheme that provides a clear picture of this phenomenon's scientific-practical side. The article notes the extreme significance of further studying information security as a research area that has a great scientific potential and a high scientific-practical demand in the future. The management plan and practical outcome of preserving the phenomenon acquire a particular relevance within this research area.

Key words: *information security, social reality, consciousness, society, threats, methods, means, sociocultural aspect.*

Современная социальная реальность России начала XXI в. ознаменовалась глубинными социетальными (социальными, экономическими, социокультурными и геополитическими) изменениями “тектонического” характера, когда привычные “картины мира” для человека перестали существовать, а новые, призванные сыграть стабилизирующую в социуме роль, еще полностью не сформированы и находятся в непрерывном трансформационном процессе¹.

Ключевой детерминантой, характеризующей специфику современной социальной реальности как на локальном государственном, так и на глобальном международном уровнях, стало состояние ее нестабильности, подвижности и в конечном итоге кризисности. Речь идет о перманентных деформациях на уровне структуры, процессов, функций социетальной системы новой реальности, что вносит изменения в устоявшийся формат функционирования социума и грозит его целостности. Фактически непрерывные трансформационные процессы, происходящие в обществе, обуславливают друг друга и, как следствие, системно друг на друга наслаиваются. Их внутренняя и внешняя нелинейность, неравновесность и неустойчивость содержат выраженный потенциал необратимости. Все это формирует “взрывную”, трудно управляемую для социума и внутренне “текущую” изменяющуюся реальность, в которой состояние подвижности становится фундаментальным и основополагающим. Перманентные изменения становятся ее нормой и неотъемлемой частью.

¹ Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность, перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве: Коллективная монография. М.; СПб., 2020.

Следует отметить, что “сценарное” развитие современного российского социума первой четверти XXI в. актуализирует и практически формализует обозначенные процессы, которые отражаются, в первую очередь, на ситуативном уровне происходящих событий. В данном ключе разумно вспомнить изменившую мир пандемию COVID-19 и запущенный ею новый непредсказуемый формат функционирования базовых институтов общества (наука, образование, семья и т.д.), отвечающих за стабильность, организацию, регулирование общественной жизни, отношения и стратегии в социуме². Глобальным и необратимым бифуркационным событием для социальной реальности, безусловно, стала спровоцированная Западом и проводимая Россией в Украине специальная военная операция (СВО), повлекшая за собой глубокие трансформационные изменения на всех уровнях современного общества в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах. Большое значение для дальнейшего вектора цивилизационных изменений, подчас взрывного и непредсказуемого характера, имеют знаковые инновационные достижения в информационной и технологической сферах и т.д. Первоначально кажется, что содержательно данные процессы не имеют ничего общего между собой. Это не так. Все они в условиях нестабильности являются частью единого непрерывного трансформационного процесса социальной реальности, порождающего проявление ее рисковости и распространение широкого спектра новых вызовов и угроз для безопасности страны³.

В рамках наметившейся цивилизационной парадигмы непрерывного изменения разумно вести речь о таком типе новых рисков, которые обладают и качественно новыми характеристиками, другой природой функционирования и воздействия на социум. Эти риски наделены скрытым отложенным эффектом воздействия на социум⁴, что скажется только в будущем, в его среднесрочной и долгосрочной перспективе и на последующих поколениях. Как правило, они не очевидны и их значимость проявляется только по истечении определенного времени. Общество (до настоящего времени технологических и информационных прорывов) с таким

² Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году. Монография / Отв.ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

³ Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015–2016 годы. М., 2017.

⁴ Risk in the technological society. Boulder, 1982.

форматом рисков практически не сталкивалось. Они отличаются иными, трудно просчитываемыми алгоритмами действия, что, в свою очередь, актуализирует и новые сферы и формы защиты безопасности социума⁵.

Новая реальность сформировала и качественно иной запрос как к системе государственного управления, требуя превентивных действий от государства, человека и общества, так и к ключевым сферам научного знания о мире.

Актуальность изучения и сохранения информационной безопасности: социокультурный и правовой аспекты. Наиболее рискованым направлением, с нашей точки зрения, в настоящее время стало агрессивное и беспринципное информационное воздействие на массовое сознание социума⁶ или, по сути, развязывание в условиях проведения специальной военной операции открытой информационной войны⁷. Речь идет об актуализации сохранения информационной безопасности для социума.

Информационная война в краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных временных периодах, как правило, разворачивается на “социокультурном поле” современного общества, затрагивая его системообразующие институты (семья, образование, наука, вера, мораль и т.д.), благодаря которым в обществе осуществляется основной процесс воспитания. Именно социокультурный план как базовая культурная и социальная среды человека, отвечающие за его нравственное, духовное становление, оказались под информационным воздействием.

Эта война спустилась на максимально глубокие слои человеческой психики, затронула сознание человека и его когнитивный уровень, тот уровень, на котором вырабатывается ценностный ряд, на основании которого человек в частности и общество в целом формируют свои жизненные стратегии и выстраивают так называемые “картины мира”.

⁵ Горохов В.Г., Сюнтюренко О.В. Технологические риски: информационные аспекты безопасности общества // Программные системы и вычислительные методы. 2013. № 4(5). С. 344–353.

⁶ Осипов Г.В., Карпова С.Г., Костоломова М.В., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационное воздействие на сознание общества в условиях пандемии: теория и методы исследования // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: Коллект. монограф. / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; Отв. ред. В.К. Левашов. М., 2020. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

⁷ Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999. URL: <https://www.x-libri.ru/elib/lsshl000/00000001.htm> (дата обращения: 07.04.2023).

Чем это опасно для социума? По сути, информационное проникновение извне на глубинный уровень сознания оказывает прямое влияние на построение им ментальных конструкций и их содержание. Подобное внедрение всегда чревато, так как осознанное или неосознанное принятие определенных ценностей, добровольно выбранных или навязанных кем-то извне, порождает возникновение обусловленных ими мотиваций и диспозиций для дальнейших действий и строительства желательной социальной реальности⁸. Речь идет о фундаментальной основе для объективизации на практике субъективной деятельности человечества, как главного актора цивилизационного строительства. Разумно вести речь о том, что весь транслируемый в обществе информационный контент активно впитывается как индивидуальным, так и массовым сознанием, а его содержание и качество являются базисом грядущей парадигмы развития социума.

Как правило, информационное воздействие активно использует особенности и специфику человеческой психики и рассчитано на охват широкой аудитории по принципу чем больше, тем лучше. Итоговый ориентир на массовое сознание в подобного рода воздействиях практичен и точен, так как оно, будучи частью общественного сознания, имеет интегративный характер и вбирает в себя все наработки индивидуальных сознаний и глобального человеческого опыта в целом.

Но в данном случае этот тип сознания в основном связан с деятельностью больших массовых общностей. Он содержательно ориентирован на эмоционально образные суждения и, по сути, очень психологичен и внушаем⁹. Как правило, массовое сознание оперирует архетипами и мифологическими образами. Определяющее значение начинает приобретать человеческий фактор. При этом в массовом сознании налицо присутствие его неспособности к выработке адекватных критических оценок происходящих событий и процессов, новых предлагаемых обществу смыслов. Происходит ослабление его социальной ответственности за счет растворения индивидуального в эффектах “толпы”, в которых инерция больших масс нивелирует привычные ограничения и чувство опасности. Искажение видения мира провоцирует людей на неадекватные

⁸ *Osipov G.V., Pinchuk A.N., Karepova S.G., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A.* Social reality construction in the techno-social world: new aspects of sociological conceptualization // *Revista Inclusiones*. 2021. Vol. 8. N. S2–1. P. 615–623.

⁹ *Некрасов С.В., Карепова С.Г.* Внушение как метод воздействия на общественное сознание // *Социальная политика и социология*. 2021. Т. 20. № 3(140). DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-126-134.

действия и зарождение в перспективе в социуме широкого спектра деструкций, содержащих в себе трансформацию моральных норм, ценностей и др. Все эти процессы значительно повышают уровень ментальной управляемости и порождают процессы нестабильности в социуме.

По существу, с учетом обозначенных особенностей и тонкостей функционирования массового сознания, в современном социуме развязана так называемая когнитивная война, или война смыслов, нацеленная на захват и негативную трансформацию значимого смыслового континуума и на получение от общества желаемого типа поведения в чьих-то интересах. Как правило, захват смыслового континуума происходит за счет использования широкого спектра инструментария манипуляции сознанием¹⁰, что представляет собой “такой вид управления поведением личности, социальной группы, общества или планетарного социума, при котором используются скрытые методы социально-психологического воздействия на сознание людей в целях обеспечения частных, отличных от собственных, интересов отдельных лиц, социальных групп, институтов, государственных и общественных структур, им противоречащих”¹¹. Это скрытый и неочевидный для поверхностного взгляда процесс методологического характера, имеющий расширенный спектр приемов и методов управления индивидуальным и массовым сознанием¹² и включение его в деструктивное состояние “неосознанного выбора разрушительных ментальных моделей и вопреки здравому смыслу”¹³. Фактически по результатам подобных манипуляций мы получаем податливое к информационному воздействию массовое сознание социума, которым при правильной подаче нужной для интересантов информации можно легко управлять. По такому алгоритму формируется нужное общественное мнение и, как было отмечено выше, изменяется вектор развития социума.

Таким образом, наносится “информационный удар” по глубинным цивилизационным ценностям, легитимным алгоритмам поведения, базовым социетальным основам в обществе, сформированным на основе положительного исторического опыта челове-

¹⁰ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005.

¹¹ Староверов В.И., Леваинов В.И. Манипулирование общественным сознанием: социологические аспекты анализа // Социология власти. 2009. № 4. С. 28–42.

¹² Некрасов С.В. К вопросу о методах воздействия на общественное сознание // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-184-201.

¹³ Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-212-229.

ства. Именно в рамках “информационного удара” перечеркиваются устоявшиеся в социуме стратегии и практики, стабилизирующие его функционирование. В данном случае следует вспомнить, что человек, не ценящий опыта прошлого, всегда остается без своего будущего. Более того, при потере обществом устоявшихся базовых культурно-исторических, социально-психологических скреп, своеобразного “путеводителя”, с помощью которого выстраивались его стратегии развития, оно неизбежно вступит на рискованный путь управления им кем-то со стороны и в своих интересах.

В частности, сложившаяся в настоящее время в социуме ситуация ярко иллюстрирует эти процессы на практике, когда сознательно созданный лживый и агрессивный информационный контент,брошенный в социум, становится не менее опасен, чем фактическое оружие. «Недостоверная информация, декларируемая в СМИ, затрагивает как течение самой спецоперации, так и ее информационное сопровождение в обществе, что, по сути, нацелено на социально-психологическую дестабилизацию социума и подрыв авторитета российского руководства. Распространение ложных фото, видео и печатных материалов как элементов этой войны против России провоцирует общественное сознание на формирование образа “внутреннего врага”, повышенной подозрительности, сепарации общества на “своих” и “чужих”, недоверие проводимой государством политике и др.»¹⁴.

Правовой или нормативный уровень регуляции вопросов и проблем, связанных с информационной безопасностью, всегда был актуализирован в историческом и современном аспектах законодательской деятельности на уровне таких ключевых законодательных документов страны, как Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683, Доктрина информационной безопасности от 05.12.2016 г. № 646, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, Федеральный закон “О государственной тайне” от 21.09.1993 г. №182, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. от 31.12.2015 г. № 683 и т.д.

Следует отметить, что чрезвычайная значимость сохранения и поддержания информационной безопасности отражена и в основ-

¹⁴ Кареева С.Г., Костоломова М.В., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационная безопасность в условиях новой социальной реальности: специфика и способы сохранения // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 2(30). DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-190-203.

ном стратегическом государственном документе страны по общей безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г. сформулированы девять основных стратегических приоритетов сохранения национальной безопасности. К ним относятся: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, оборона страны, государственная и общественная безопасность, информационная безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическое развитие, экологическая безопасность и рациональное природопользование, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество¹⁵.

На практике системообразующий характер феномена информационной безопасности проявляется в том, что ее вопросы, проблемы и задачи комплексно охватывают анализ и обеспечение всех девяти обозначенных ключевых приоритетов, фактически детерминируя и обуславливая их функционирование.

Таким образом, нарушение приоритета информационной безопасности чревато негативными трансформациями для всей социальной системы общества в целом, что формирует актуальность данной проблематики как в научном дискурсе, так и в сфере управления обществом на перспективу.

Теоретико-методологическая разработанность феномена информационной безопасности. В современном обществе есть понимание важности сохранения информационной безопасности, что отражено не только на законотворческом уровне, но и в растущем интересе к феномену в научном сообществе. Это нашло свое отражение в ряде теоретико-методологических и научно-практических разработок советских и современных российских ученых.

Данная научно-исследовательская проблематика имеет выраженный междисциплинарный характер и рассматривается на уровне различных социально-научных, технических, юридических и др. областей знания (философия, социология, политология, психология личности, общая психология, юриспруденция, технические науки и т.д.). Феномен рассматривается под разными углами профильных знаний, актуализирующих определенный научно-исследовательский ракурс информационной безопасности.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 “О стратегии национальной безопасности Российской Федерации” // КосультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.04.2023).

Базовые социально-философские изыскания в области информационной безопасности нашли свое отражение в работах таких ученых-социологов и социальных философов, как М.Ю. Захаров, С.Г. Кара-Мурза, И.Н. Панарин, А.В. Поликарпов, Л.В. Астахов, Н.Н. Богомолов, В.Ю. Триняк, Т.В. Владимирова, Т.В. Науменко, И.Д. Фомичёв и др. Учеными поднимаются фундаментальные вопросы осмысления сущности феномена и общей специфики его функционирования в современном социуме.

Исследования проблем обеспечения информационной безопасности в области политологического знания связаны с проблемами ее политического и геополитического характера, что также нашло свое воплощение в научном творчестве ученых политологов и геополитиков — Г.Л. Смоляна, И.Ю. Сундиева, А.Ф. Федорова, В.Н. Цыгичко, Д.С. Черешкина, А.А. Кокошина, Е.О. Кубякина и др.

Психологический срез в общем социетальном континууме рассмотрения данного феномена отражен в работах И.К. Мельника, Ю.А. Ермакова, В.Е. Лепского, Г.В. Грачева. Учеными-психологами также рассматриваются различные аспекты и формы защиты психики и психической деятельности человека и социума от вредного массированного информационного воздействия извне.

Междисциплинарный уровень изучения проблем воздействия системы интернет и виртуального пространства на социально-психологический план развития личности отражен в исследованиях А.Е. Войскунского.

Психолого-политологические аспекты проблематики информационных войн отражены в работах Г.Г. Почепцова, С.П. Расторгуева, И.А. Панарина и др.

Юридический аспект научно-исследовательской проблематики представлен профильными исследованиями Ю.М. Батурина, В.В. Крылова, Н.Г. Шурухнова в области противодействия компьютерной преступности на законодательном уровне. Проблемы правового обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну, стали предметом научного интереса таких авторов-правоведов, как А.Л. Балыбердин, А.А. Фатьянов, М.А. Вус и др. Вопросы совершенствования законодательной системы в области информатизации подняты в материалах А.Б. Агапова, В.А. Копылова и др. Ключевые аспекты регулирования отношений в области доступа к информации отражены в работах И.Л. Бачило, В.Н. Лопатина и др. Широкий спектр вопросов по проблемам охраны прав интеллектуальной деятельности и защиты персональных данных информационной деятельности в правовом российском и между-

народном поле поднят в научно-исследовательских разработках Л.А. Сергиенко, В.А. Рубанова, Л.К. Терещенко, П.У. Кузнецова и др.

Общее направление в области технического и технологического знания в данной области связано с защитой информации в информационных и телекоммуникационных системах от несанкционированного доступа и представлено разработками С.П. Расторгуева, В.Г. Герасименко, Л.М. Ухлинова, М.П. Сычева, Д.П. Зегжды и др.¹⁶

Безопасность больших промышленных систем в информационной сфере отражена в работах ученых-специалистов в области технических наук В.В. Москвичева, Н.А. Махутова, М.М. Гаденина, Р.С. Ахметханова и др.

Экономический аспект проблем информационной безопасности достаточно полно рассмотрен в материалах научных разработок А.В. Зуева, Л.В. Мясникова и др.

Научная разработанность и изученность информационной безопасности в ее социетальном аспекте не могут считаться исчерпывающими в силу бифуркационного характера как изменяющейся современной социальной реальности, так и специфики самого феномена. Вклад ученых в его разработку трудно переоценить, а актуальность и востребованность дальнейшего изучения информационной безопасности будут только возрастать и актуализироваться.

Основные методы и средства обеспечения информационной безопасности: виды и особенности применения на практике. Обеспечение информационной безопасности — сложный, многофункциональный процесс, зависящий от факторов, детерминирующих современную социальную реальность, в которой общество связано с освоением и использованием новых информационных технологий (виртуальное пространство, интернет, современные квантовые технологии, искусственный интеллект). Особого внимания при изучении информационной безопасности заслуживают вопросы, касающиеся влияния ряда нововведений в области информационных технологий на развитие общества, мировоззрение социума, поведение людей, функционирование их психики, отношение друг к другу и окружающей среде¹⁷. Все эти современные информационные тренды являются теми потенциально взрывными точками, в которых актуализируются проблемы, регулируемые сферой информационной безопасности.

¹⁶ Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности в России. Теоретические и методологические основы / Под ред. В.А. Садовничева, В.П. Шерстюкова. М., 2002.

¹⁷ Каптюг И.А. Проблема информационной безопасности: философский и квантово-физические аспекты. Автореф. дисс ... канд. филос. наук. М., 2009.

Информационная безопасность как социальный феномен, включая в себя разнообразные научные толкования, содержательно введена в общий блок национальной безопасности страны и трактуется как “состояние защищенности информационных ресурсов (информационной среды) от внутренних и внешних угроз, способных нанести ущерб интересам личности, общества, государства (национальным интересам)”¹⁸, сконцентрированных, в первую очередь, в области информационной сферы. В соответствии с этим основными нормативными направлениями являются¹⁹ противодействие использованию информационных технологий, пресечение деятельности, осуществляемой с помощью информационных технологий специальными службами иностранных государств, повышение защищенности критической информационной инфраструктуры, повышение безопасности объектов информационной инфраструктуры, повышение безопасности функционирования образцов вооружения, повышение эффективности профилактики правонарушений в информационной сфере, обеспечение защиты государственной информации, повышение информационного обеспечения государственной политики РФ, предупреждение информационного воздействия на российские духовно-нравственные ценности.

В рамках широкого охвата данной социетальной проблематики закономерно встает вопрос об использовании эффективных защитных практик.

Целесообразно вести речь о государственно одобряемых и закрепленных в нормативном документе методах²⁰, содействующих обеспечению информационной безопасности. Как правило, такие методы подразделяются на два подвида — *общие и частные*, используемые в социетальной системе общества, где в каждой из сфер системы существуют правовые, организационно-технические и экономические особенности в обеспечении феномена.

Общие методы подразделяются на правовые, экономические и организационно-технические²¹.

Правовые методы работают в поле права и включают в себя законотворчество в области разработки нормативных законодательных актов в информационной сфере, а также профильные методические.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646 “Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 07.04.2023).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Правовое обеспечение информационной безопасности осуществляется в следующих основных направлениях:

- внесение поправок и дополнений в законодательство Российской Федерации в области информационной безопасности;
- разграничение полномочий в сфере информационной безопасности между различными уровнями государственной власти (федеральными и государственными органами власти субъектов РФ);
- формирование правил аккредитации иностранных новостных агентств, СМИ и журналистов на территории РФ;
- разработка правовой основы для региональных структур обеспечения информационной безопасности.

Экономические методы функционируют в рамках осуществления финансовой политики РФ. К ним относятся:

- научно-исследовательская работа по созданию национальных программ, нацеленных на сохранение информационной безопасности и формирование процедур их финансирования;
- усовершенствование финансирования мероприятий, нацеленных на использование правовых, организационно-технических методов защиты информации и создание системы страхования от информационных рисков.

Организационно-технические методы используются в сфере управления большими и малыми техническими системами и содержательно нацелены на выработку административных и научно обоснованных норм, действий и направлены на:

- создание и улучшение управленческой системы информационной безопасности РФ;
- разработку и применение средств информационной защиты (программное обеспечение, телекоммуникационные системы и т.д.);
- сертификацию и лицензирование средств защиты информации;
- подготовку кадров в области обеспечения информационной безопасности РФ;
- мониторинг индикаторов и показателей информационной безопасности²².

Но специфика социальной реальности такова, что стратегии ее развития не обладают устойчивостью и предсказуемостью, а бифур-

²² Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646...

кационный характер диктует необходимость постоянного расширения базовых регулятивных методов. Речь идет о том, что наряду с общими методами защиты государственных интересов в данной сфере применяются и другие — частные методы, нацеленные на решение более узких проблем информационной безопасности.

Частные методы так же, как и общие, охватывают социальный уровень реальности, включая работу базовых общественных институтов (наука, образование, общество, государство и т.д.) и активно используются на практике.

Частные методы обеспечения информационной безопасности в оборонной сфере нацелены на защиту от угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях. Они применяются в следующих направлениях:

- сдерживание и предотвращение военных конфликтов, разворачивающихся на фоне применения информационных технологий;
- обнаружение и оценка информационных угроз Вооруженным силам РФ в информационной сфере;
- оказание защиты союзникам РФ в информационной сфере;
- устранение информационного воздействия, направленного на подрыв патриотических традиций страны²³.

К частным методам обеспечения информационной безопасности в экономической сфере относится создание конкурентных средств обеспечения в данной сфере. Это осуществляется в следующих направлениях:

- наукоемкое и инновационное развитие самой отрасли информационных технологий;
- развитие и внедрение отечественных разработок в производство;
- повышение конкурентоспособности в области информационных технологий и компьютерной промышленности на практике;
- развитие отечественной конкурентоспособной электронной компонентной базы и технологий производства электронных компонентов, а также обеспечение потребности внутреннего рынка в данной продукции²⁴.

Частные методы обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности регулируют глобальную сферу российской государственности (защита

²³ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646...

²⁴ Там же.

суверенитета, политическая и социальная стабильность, территориальная целостность РФ, права и свобода человека, защита информационной инфраструктуры и т.д.) и вопросы социума. Основными методами являются:

- пресечение использования информационных технологий, применяемых в целях пропаганды экстремистской идеологии и ксенофобии;
- разработка механизмов обнаружения и предупреждения информационных угроз и ликвидация последствий их проявления;
- профилактика правонарушений с применением информационных технологий;
- выявление и устранение негативного информационного воздействия на российские духовно-нравственные ценности²⁵.

Частные методы обеспечения информационной безопасности в сфере науки, технологий и образования функционируют в поле системообразующих институтов современной социальной реальности и нацелены на поддержку развития системы информационной безопасности, информационных технологий и электронной промышленности. Основными методами являются:

- развитие научно-технического потенциала в области обеспечения информационной безопасности;
- создание устойчивых к различным видам воздействия информационных технологий;
- осуществление научных исследований и создание инновационных информационных технологий обеспечения информационной безопасности;
- развитие кадрового потенциала в данной сфере;
- обеспечение защиты граждан от информационных угроз и воспитание информационной грамотности²⁶.

К частным методам обеспечения информационной безопасности в сфере стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства, применяемым в геополитической сфере функционирования социума и направленным на устойчивость межгосударственных отношений в информационном пространстве, относятся:

- проведение геополитической экспертизы для реализации национальных интересов в информационной сфере и защиты суверенитета РФ в информационном пространстве;

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646...

²⁶ Там же.

- продвижение геополитических и политических интересов РФ в рамках функционирования международных организаций в информационной сфере;
- развитие отечественной системы управления сегментом интернета²⁷.

Кроме основных методов (общих и частных) защиты информационной безопасности существует набор методов, направленных на защиту самого феномена. Речь идет о группе методов обеспечения самой информационной безопасности. К таким методам относятся: *маскировка, препятствие, управление, регламентация, побуждение, нападение и принуждение*²⁸.

Метод маскировки предполагает изменение информации, в результате чего она становится недоступной для заинтересованных злоумышленников. К данному методу относятся криптографические приемы преобразования информации, дезинформация, скрывание объекта, создание шумовых полей и др.

Метод препятствия основан на физическом преграждении злоумышленникам доступа к информации (к аппаратуре, к носителям информации и т.д.).

При *методе управления* защита информации осуществляется с помощью программных и технических средств, а также элементов баз данных, включая такие функции защиты, как идентификация пользователей, аутентификация объектов и субъектов, проверка на соответствие регламенту безопасности, регистрация обращений к защищенным ресурсам, реагирование на попытки несанкционированных действий (отключение сигнализации, отказ в запросе и т.д.)²⁹.

Метод регламентации нацелен на разработку и реализацию комплекса мероприятий, которые направлены на создание условий в информационной системе, препятствующих проявлению и воздействию угроз. К данному методу относятся правила ознакомления с секретной информацией, ее пересылкой, хранением и т.д. и различные способы технической и физической защиты.

Метод побуждения направлен на мотивацию людей соблюдать сложившиеся морально-этические нормы в отношении информации.

Метод нападения используется при наступлении активных действий противоборствующими сторонами с применением информационного оружия при ведении боевых действий или разведки.

²⁷ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646...

²⁸ Организация защиты информации. URL: <https://edu.tltsu.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).

²⁹ Там же.

При применении *принуждения* как метода обеспечения информационной безопасности возникает необходимость соблюдения правил передачи и использования информации под угрозой наложения административной и уголовной ответственности³⁰.

Все перечисленные выше методы обеспечения информационной безопасности осуществляются с применением различных средств (законодательные, технические, программные и организационные). По сути, средства являются своего рода инструментарием для работы методов на практике.

К *законодательным средствам* обеспечения информационной безопасности относятся нормативно-правовые акты, направленные на регуляцию деятельности людей, имеющих доступ к закрытым сведениям и содержащие информацию о мере ответственности за неправомерное использование и разглашение данной информации.

Технические средства подразделяются на *физические* (двери, турникеты, замки, теле- и фотосистемы наблюдения и регистрации, биометрические средства защиты и др.) и *аппаратные* (электронные ключи, схемы аппаратного шифрования и т.п.) средства защиты информации.

К *программным средствам* обеспечения информационной безопасности относится программное обеспечение. По своим функциям они подразделяются на средства анализа кодов программ, средства блокирования атак (межсетевые экраны), средства аудита, средства контроля доступа, средства поиска уязвимости (сканеры безопасности)³¹.

Организационные средства направлены на разработку и реализацию должностными лицами организационно-технических и организационно-правовых мероприятий³² в целях эффективной реализации законодательных, технических и программных средств обеспечения информационной безопасности.

Безусловно, обозначенные методы обеспечения информационной безопасности не носят исчерпывающий характер, но позволяют содержательно их объединить в развернутую авторскую классификацию, которая будет трансформироваться в соответствии с актуализацией новых вызовов и угроз современной социальной реальности (рис.).

³⁰ Организация защиты информации.

³¹ Там же.

³² Определены статьей 16 ФЗ от 27.07.2006 г. "Об информации, информационных технологиях и защиты информации".

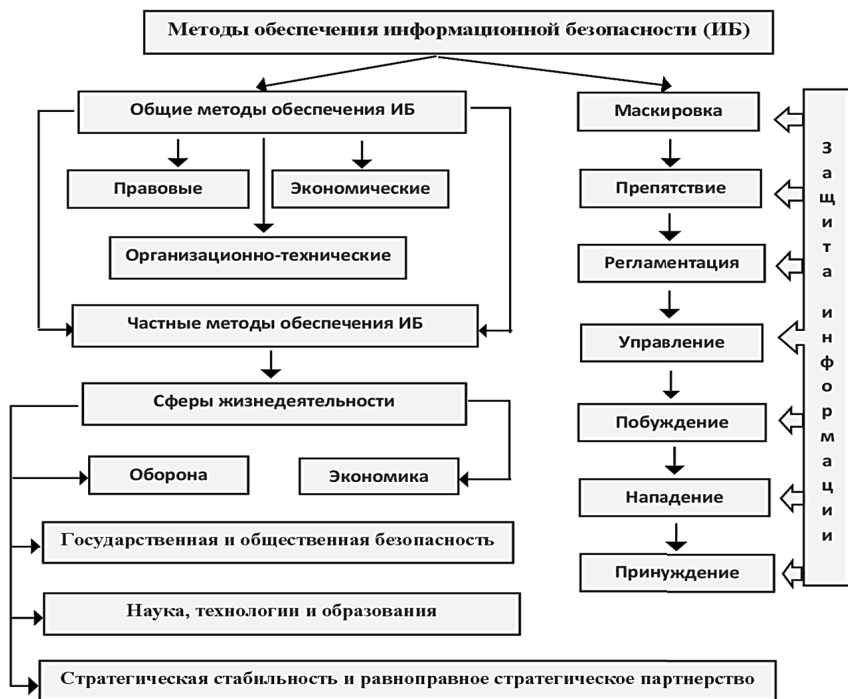

Рис. Методы обеспечения информационной безопасности (ИБ)

Таким образом, актуальность научного изучения феномена информационной безопасности, особенностей его функционирования, а также методов и средств обеспечения будет со временем только возрастать. Это обусловлено тем, что сам феномен, а также методы его сохранения полностью детерминированы процессами функционирования современной социальной реальности и так же, как и она, находятся в состоянии перманентного изменения и развития. Речь идет о его значительном трансформационном потенциале, а, следовательно, о необходимости формирования на перспективу новых и адекватных научно обоснованных методов обеспечения информационной безопасности. Чрезвычайную важность также приобретает формирование в рамках представленных методов и средств новых превентивных мер, нацеленных на безопасное обеспечение жизнедеятельности человека, государства и общества в будущем. В этой связи также разумно акцентировать внимание на организационно-управленческом направлении. Особую роль в данном процессе призваны сыграть системообразующие институты современной социальной реальности — наука, образование, нормотворчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году. Монография / Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021.

Горохов В.Г., Сюттюренко О.В. Технологические риски: информационные аспекты безопасности общества // Программные системы и вычислительные методы. 2013. № 4 (5).

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005.

Кантюг И.А. Проблема информационной безопасности: философский и квантово-физические аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2009.

Кареева С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-212-229.

Кареева С.Г., Костоломова М.В., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационная безопасность в условиях новой социальной реальности: специфика и способы сохранения // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 2 (30). DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-190-203.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999. URL: <https://www.x-libri.ru/elib/lsshl000/00000001.htm> (дата обращения: 07.04.2023).

Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015–2016 годы. М., 2017.

Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность, перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве: Коллект. монограф. М.; СПб., 2020.

Некрасов С.В. К вопросу о методах воздействия на общественное сознание // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-184-201.

Некрасов С.В., Кареева С.Г. Внушение как метод воздействия на общественное сознание // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-126-134.

Осипов Г.В., Кареева С.Г., Костоломова М.В., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационное воздействие на сознание общества в условиях пандемии: теория и методы исследования // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. Коллект. монограф. / Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; отв. ред. В.К. Левашов. М., 2020. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.

Организация защиты информации. URL: <https://edu.tltsu.ru/> (дата обращения: 07.04.2023).

Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности в России. Теоретические и методологические основы / Под ред. В.А. Садовниченко, В.П. Шерстюкова. М., 2002.

Староверов В.И., Левашов В.И. Манипулирование общественным сознанием: социологические аспекты анализа // Социология власти. 2009. № 4.

Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. N 646 “Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 07.04.2023).

Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 “О стратегии национальной безопасности Российской Федерации” // КосультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 07.04.2023).

REFERENCES

Gorokhov V.G., Syuntyurenko O.V. Tekhnologicheskie riski: informatsionnye aspekty bezopasnosti obshchestva [Technological risks: information aspects of public safety] // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. 2013. N 4 (5) (in Russian).

Kara-Murza S.G. Manipulyatsiya soznaniem [Mind control]. M., 2005 (in Russian).

Kaptyug I.A. Problema informatsionnoi bezopasnosti: filosofskii i kvantovo-fizicheskie aspekty [Problems of information security: philosophical and quantum-philosophical aspects]: Avtoref. diss ... kand. filos. nauk. M., 2009 (in Russian).

Karepova S.G., Kostolomova M.V., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Informatsionnaya bezopasnost' v usloviyakh novoi sotsial'noi real'nosti: spetsifika i sposoby sokhraneniya [Information security in the new social reality: key features and ways of preservation] // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. T. 8. N 2 (30). DOI: 10.18255/2412-6519-2022-2-190-203 (in Russian).

Karepova S.G., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Propaganda kak metod vozdviizhivaniya na obshchestvennoi soznanie: obshchii teoreticheskii aspekt [Propaganda as a method of influence on collective consciousness: general theoretical aspect] // Vestnik of NGUEU. 2020. N 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-212-229 (in Russian).

Lisichkin V.A., Shelepin L.A. Tre't'ya mirovaya informatsionno-psikhologicheskaya voyna [World Information-Psychological War III]. M., 1999. URL: <https://www.x-libri.ru/elib/lssh1000/00000001.htm> (data obrashcheniya: 07.04.2023) (in Russian).

Natsional'naya bezopasnost' Rossii v informatsionnuyu epokhu. Rossiya v sisteme global'nykh izmenenii sovremennoi tsivilizatsii. 2015–2016 gody [National security of Russia in the age of information. Russia in the system of global changes of the modern civilization. 2015–2016]. M., 2017 (in Russian).

Novaya sotsial'naya real'nost': sistemoobrazuyushchie faktory, bezopasnost', perspektivy razvitiya. Rossiya v tekhnosotsial'nom prostranstve: kollektivnaya monografiya [New social reality: system-creating factors, security and development prospects: a multi-authored monograph]. M.; SPb., 2020 (in Russian).

Nekrasov S.V. K voprosu o metodakh vozdviizhivaniya na obshchestvennoe soznanie [On the methods of influencing collective consciousness] // Vestnik of NGUEU. 2020. N 4. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-4-184-201 (in Russian).

Nekrasov S.V., Karepova S.G. Vnushenie kak metod vozdviizhivaniya na obshchestvennoe soznanie [Suggestion as a method of influencing public consciousness] // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2021. T. 20. N 3 (140). DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-126-134 (in Russian).

Osipov G.V., Karepova S.G., Kostolomova M.V., Nekrasov S.V., Pinchuk A.N. Informatsonnoe vozdviizhivie na soznanie obshchestva v usloviyakh pandemii: teoriya i metody issledovaniya [An information influence on the society's consciousness in a

pandemic: theory and research methods] // Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh pandemii: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitie Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu: kollektivnaya monografiya / Pod red. G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya; otv. red. V.K. Levashov. M., 2020. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532 (in Russian).

Osipov G.V., Pinchuk A.N., Karepova S.G., Nekrasov S.V., Tikhomirov D.A. Social reality construction in the techno-social world: new aspects of sociological conceptualisation // Revista Inclusiones. 2021. Vol. 8. N S2–1.

Organizatsiya zashchity informatsii [The organization of information protection]. URL: <https://edu.tltsu.ru/> (data obrashcheniya: 07.04.2023) (in Russian).

Risk in the technological society. Boulder, 1982.

Strel'tsov A.A. Obespechenie informatsionnoi bezopasnosti v Rossii. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy [Information security provision in Russia. Theoretical and methodical foundations] / Pod red. V.A. Sadovnichii, V.P. Sherstyukov. M., 2002 (in Russian).

Staroverov V.I., Levashov V.I. Manipulirovanie obshchestvennym soznaniem: sotsiologicheskie aspekty analiza [Public opinion manipulation: sociological aspect of the analysis] // Sotsiologiya vlasti. 2009. N 4 (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 05.12.2016 g. N 646 “Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii” [The Russian Presidential Decree of December 05, 2016 N 646 “On approving the information security doctrine of the Russian Federation”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (data obrashcheniya: 07.04.2023) (in Russian).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 02.07.2021 N 400 “O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii” [The Russian Presidential Decree of July 2, 2021 N 400 “On the national security strategy of the Russian Federation”] // Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (data obrashcheniya: 07.04.2023) (in Russian).

Vyzovy pandemii i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: sotsial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaya situatsiya v 2021 godu: monografiya [Pandemic challenges and agenda for the society and country: socio-political and demographic situation in 2021: monograph] / Otv. red. V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya. M., 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-4-221-232

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ЖЕНЩИН В КИТАЕ

Чень Сыли, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Целью исследования, результаты которого в кратком виде представлены в данной статье, была оценка влияния традиционной китайской мысли на женщин.

В качестве методов исследования были избраны следующие: исторический научный метод, абстрактно-логический научный метод, формально-юридический научный метод, метод компаративного анализа, метод научного объективизма.

Кратко результаты исследования можно представить следующим образом: такие практики, как медитация, ушу, цигун, оказывают непосредственное влияние на женщин по всему миру за счет их использования в исключительно оздоровительных целях. В этом смысле уместно предположить, что таким образом китайская философия может влиять и на мировоззрение людей (в частности, на женщин). При этом женщина с точки зрения китайской философии играет подчиненную роль по отношению к мужчине.

Автор делает следующие выводы. На наш взгляд, один из способов, который может адаптировать традиционные китайские учения к реалиям сегодняшнего дня, должен заключаться в идее занятости женщины не только в качестве хранительницы домашнего очага, но и в качестве менеджера, переговорщика, управляющего (трансформация концепции даосизма). Так, способность договариваться, исходя из современной научной психологии, присуща людям с андрогинным типом мышления. И в этом смысле мужчины должны учиться коммуникативным навыкам в первую очередь у женщин. Это может быть актуальным не только с точки зрения нравственности, но и с точки зрения развития современной экономики. При этом данная идея является вполне применимой и для других стран, в том числе и для России.

Ключевые слова: женщины, Китай, китайская философия, даосизм, конфуцианство, легизм, мудрость, психология управления, гендерная психология, политическая психология.

* Чень Сыли, e-mail: chensili275@qq.com

SOCIOLOGY IN CHINA

EXTRAPOLATION OF TRADITIONAL VIEWS ON WOMEN IN CHINA

Chen Sili, Postgraduate Student of Department of Modern Sociology of Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: chensili275@qq.com

The purpose of the study, the results of which are briefly presented in this article, was to assess the influence of traditional Chinese thought on women.

The following research methods were chosen: historical scientific method, abstract-logical scientific method, formal-legal scientific method, comparative analysis method, scientific objectivism method.

Briefly, the results of the study can be presented as follows: practices such as meditation, wushu, qigong have a direct impact on women around the world due to their use for exclusively health purposes. In this sense, it is appropriate to assume that in this way Chinese philosophy can influence the worldview of people (in particular, women). At the same time, from the point of view of Chinese philosophy, a woman plays a subordinate role in relation to a man.

The author makes the following conclusions. In our opinion, one of the ways that can adapt traditional Chinese teachings to the realities of today should be the idea of using a woman not only as a homemaker, but also as a manager, negotiator, manager (transformation concepts of Taoism). Thus, the ability to negotiate, based on modern scientific psychology, is inherent in people with an androgynous type of thinking. And in this sense, men should learn communication skills, first of all, from women. This may be relevant not only from a moral point of view, but also from the point of view of the development of modern economics. Moreover, this idea is quite applicable to other countries, including Russia.

Key words: women, China, Chinese philosophy, Taoism, Confucianism, Legalism, wisdom, management psychology, gender psychology, political psychology, Russian-Chinese studies.

Эра глобализации позволяет говорить о необходимости проведения анализа тех процессов, которые возникают в обществе под влиянием культур, религий, а также философских направлений со всех уголков земного шара. Китайская мысль как одна из самых древних в человеческой цивилизации является по-настоящему авторитетной для мирового сообщества. Любой современный университет в своем образовательном курсе имеет в числе прочего основы китайской философии. Кроме того, нельзя также недооценивать влияние китайской философии, транслируемой через спортивные секции, восточные единоборства, специальные школы и другие образовательные организации. Роль женщины как хранительни-

цы домашнего очага в китайской традиции, в целом, совпадает и с западными философскими учениями, однако культурная и экономическая мощь современной КНР заставляет задуматься и о том, насколько традиционный китайский взгляд на женщину может экстраполироваться, во-первых, во внешнюю среду, во-вторых, на свою внутреннюю аудиторию. Так, наличие специальных правозащитных организаций по правам женщин, низкий процент народного представительства женщин в Китайском Собрании являются обстоятельствами, подтверждающими актуальность данного исследования.

Цель исследования — оценка влияния традиционной китайской мысли на женщин.

Методы исследования — исторический научный метод, абстрактно-логический научный метод, формально-юридический научный метод, метод компаративного анализа, метод научного объективизма.

Научная новизна данной статьи выражается в предложениях по адаптации трактования древних китайских учений в соответствии с современными реалиями, синтезировании концепции даосизма с современной теорией психологической андрогинности. В свою очередь практическая значимость исследования заключается в возможности краткого ознакомления с традиционными китайскими взглядами на место женщины в семье и обществе.

Китайская философия является одной из самых влиятельных в Азии и равнозначна по влиянию греческой философии в Европе. Во многом она также основывается на религиозных догмах буддизма и даосизма. Важно отметить, что данные верования, наряду с индуизмом, выступают в большей степени как философские учения, нежели как религии, в которых Бог как создатель не является центральной фигурой, властителем Вселенной, Абсолютом и т.д. Так, почитаемые в Китае Конфуций, Лао-цзы и Будда являются очень уважаемыми символами и некими образцами для поведения.

Разумеется, существуют и другие философские направления, определяющие философскую китайскую мысль, в том числе конфуцианство, моизм, легизм, минцзя, учение об инь-янь и многие другие.

Основная идея даосизма заключается в понятии “дао” как основного закона мира, сущности всего, от которого все начинается и которым все заканчивается. При этом даосизм окончательно сформировался только к XII в. Основная практика даосизма — это медитация, которая стала популярной по всему свету и в своем классическом виде, и в западном понимании. Медитация пришла

в даосизм из буддизма, и в этом смысле мы можем рассматривать философские учения Китая как совместно, так и по отдельности. В частности, в европейских странах медитация стала одной из составляющих здорового образа жизни. Так, спортивные клубы по всему миру предлагают медитацию в качестве дополнительных практик после занятий в тренажерных залах, танцевальных студиях, секциях цигун (восточного единоборства, включающего в себя также и психопрактики) и др. Подобные предложения можно встретить в Санкт-Петербурге¹, в Париже², в Нью-Йорке³ и других крупных городах во всех частях света.

Конфуцианство как одно из основных учений Китая сформировалось под влиянием политического кризиса, в результате которого стало культивироваться некое счастливое прошлое, когда чиновники противостояли алчности и насилию. В этом смысле конфуцианство является не только философско-религиозным течением, но и политической идеологией. Кроме того, под влиянием данной идеи создается концепция совершенного человека — цзюнь-цзы. Считается, что конфуцианство возникло на 250 лет (или даже более) раньше христианства. Однако первые храмы появились только в VI в. н.э.

Что касается буддизма, то это учение зародилось в Индии, и лишь к I в. н.э. оно начинает распространяться в Китае. Тем не менее, многими исследователями буддизм воспринимается в большей степени как китайское религиозно-философское направление. Основная идея буддизма заключается в преодолении страдания и достижении нирваны, выходе из вечного перерождения, а также ошибочном представлении человека о своем собственном существовании. К XIV в. буддизм приобретает современную форму, а в научной литературе начинает обозначаться как неоконфуцианство. Суть трансформации данного учения заключалась в переосмыслении буддизма как мировой религии вселенского масштаба, а также государственной идеологии⁴.

Современные китайские исследователи отмечают, что влияние философии на общество снижается, в том числе, и в самом Китае,

¹ Официальный сайт клуба “Исцеляющий Цигун” (Санкт-Петербург). 2023. № 29–41. URL: <https://tao-light.ru.html> (дата обращения: 08.05.2023).

² Официальный сайт городского спортивного клуба в Париже. Цигун в Париже. 2023. № 34–70. URL: <https://urbansportsclub.com/ru/sports/qigong/paris> (дата обращения: 08.05.2023).

³ Официальный сайт Центра цигун в Нью-Йорке. 2023. № 31–82. URL: <https://www.qigongnyc.com/> (дата обращения: 05.08.2023).

⁴ Петрова Н.Э. Исторические и философские основы китайской культуры // Наука и практика регионов. 2019. № 1(14).

при этом указывая, что философия как предмет маргинализируется, не оказывая должного влияния на общество, как это было прежде⁵. Тем не менее, если не в самом Китае, то в Европе, Америке и Австралии китайская философия и китайская культура оказывают колоссальное влияние на общество через физкультуру и спорт: занятия цигун, ушу уже не являются чем-то экзотическим для жителей стран, где западная культура является доминирующей.

Важно отметить, что китайская идеология заключается в распространении философских и культурных ценностей далеко за пределы самого Китая. При этом здесь речь не идет о политике “мягкой силы” в западном понимании. Уместнее говорить о культурной и философской экспансии. И если сравнивать ее с политикой “мягкой силы”, то она является более агрессивной, а в китайских исследованиях по политической философии можно встретить прямые призывы к этой самой экспансии. Так, Се Фучжань в своей статье, посвященной достижениям китайской философии, указывает: “Нас вдохновляют великие достижения последнего столетия, и нас влечет мечта о тысячелетних свершениях. Давайте теснее сплотимся вокруг Центрального Комитета партии, ядром которого является товарищ Си Цзиньпин, высоко поднимем великое знамя идей Си Цзиньпина о китайском социализме новой эры и будем продолжать всесторонне претворять в жизнь дух нашей философии и других социальных наук”⁶. С точки зрения классической политологии использование подобных призывов в исследованиях недопустимо, однако для Китая оно является доктринально уместным. И в этом смысле можно предположить, что развитие традиционных философских учений в Европе является частью замысла политического истеблишмента Китая, не всегда осознанно, но в соответствии с идеологией доминирования, принятой в Поднебесной.

В Китае, как и в западной культуре, женщинам как слабому полу долгое время отводились второстепенные роли. Идеология конфуцианства не позволяла женщинам получать полноценное образование, поэтому впоследствии такой подход постепенно стал осуждаться в китайском обществе. Так, Лян Цичао отмечает, что без полноценного участия женщины в производстве невозможно построить по-настоящему эффективную экономику, ведь подоб-

⁵ Чен Сяньда. Дилемма философии и ее перспективы // Наука. 2023. № 3–17. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0213/c40531-29076193.html> (дата обращения: 08.05.2023).

⁶ Се Фучжань. Достижения и опыт китайской философии и социальных наук за столетие // Наука. 2020. № 230–271. URL: http://www.qstheory.cn/qshy/jx/2021-06/16/c_1127567354.htm (дата обращения: 08.05.2023).

ные ограничения оставляют не у дел половину населения целой страны⁷.

А.А. Лобова указывает, что понятие “права женщины” практически не рассматривается китайскими философами в качестве обсуждаемой категории, тем не менее, именно патриархальность и второстепенная роль женщины, очевидно, являются тем, что объединяет традиционную восточную и традиционные европейские философии. В этом смысле разница заключается лишь в том, что в западной культуре женщина гораздо раньше и гораздо в большей степени стала независимой и полностью эмансипированной⁸.

В настоящее время проблема гендерного неравенства стоит гораздо острее, чем в эпоху плановой экономики. Можно сказать, что в Китае произошла сексуальная революция подобная той, которая наблюдалась в СССР, однако возврат к рыночной экономике повлек за собой и стремление общества вернуть женщину “туда, откуда она пришла” — к домашнему очагу. Поэтому традиционная китайская мысль, как и во многих других культурах, идеологически отводит женщине второстепенную роль⁹.

Традиционная конфуцианская концепция “инь-ян” отводит женщине спокойную, но пассивную и второстепенную роль, что является полной противоположностью мужской роли. Единственная приемлемая социальная роль — это роль матери. Это ярко отражается в трактате “Ли Цзи”, в котором женщина является собственностью семьи своего мужа, а право на развод принадлежит только мужчине¹⁰. Вместе с тем, необходимо отметить, что подобное трактование “инь-ян” может являться несколько политизированным и сексистским, применительным к древнему восточному обществу, ведь идея данной концепции заключается также и в том, что во всем хорошем есть что-то плохое, во всем плохом — что-то хорошее, во всем мужском — женское, и наоборот.

Легизм, зародившийся в IV в. до н.э., как одно из направлений китайской философии, является некоей альтернативой конфуцианству, провозглашая диктатуру права. Как мировое учение, легизм оказал серьезнейшее влияние на мировую цивилизацию, в особенности на развитие юриспруденции и теории права. Однако и это

⁷ Лян Цичао. Об образовании для женщин // Рождение китайского феминизма: основные тексты по транснациональной теории. 2013. № 2.

⁸ Лобова А.А. Женский вопрос в философской мысли Китая в начале XX в. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 5.

⁹ Цзюхуа Ян. Женщины в Китае наступают: прогресс, вызовы и размышления // Социальная интеграция. 2020. Т. 8. № 2.

¹⁰ Ли Цзи. Древнекитайская философия // Древнекитайская философия. 1973. № 4.

философское направление подразумевает подчиненную роль женщины, обосновывая данный тезис не с точки зрения долга, а с точки зрения правовой доктрины. Так, согласно теории Шана Яна, “когда женщина отдает все свои силы делам домашним, а мужчина — делам вне дома, доходы велики”¹¹.

Единственным направлением китайской философии, в котором мужчина и женщина не противопоставляются, является даосизм¹². Идеальный человек, кроме прочего, должен быть гибким и принимающим, что присуще именно женщине. Здесь можно проследить очевидную отсылку к теории идеальных андрогинов, берущей свое начало от Платона Афинского (427–347 гг. до н.э.) и развившейся в современной гендерной психологии, согласно которой представители среднего психологического пола являются идеальными менеджерами, политиками, способными манипулировать обществом¹³.

Интересно, что согласно докладу Центра защиты прав женщин Университета Чжэнчжоу, китайские женщины в целом не считают себя полностью эмансипированными и опасаются возможных контрреформ, которые могут быть связаны с ограничениями их прав, при этом указывая, что настоящая эмансипация заключается в равном доступе к рынку труда. По мнению авторов доклада, права женщин в целом не относятся к возможности заниматься политикой и являться активными участниками жизни государства и общества¹⁴. Данный тезис является весьма спорным, однако из данного доклада можно заметить, что китайских женщин в большей степени беспокоит их экономическое состояние, нежели возможность серьезного политического влияния. Если исходить из данного доклада, то можно отметить, что его авторы далеки от соблюдения принципов традиционной китайской философии, более того, они указывают на их архаические начала, сложно совместимые с современностью.

Рядом китайских исследователей отрицается проблема гендерного неравенства. Так, Чжан Шаньшань, Се Цзиньюй и У Мин говорят о так называемом “доброжелательном сексизме”, в соответствии с которым следование традиционным китайским ценностям не несет в себе чего-то вульгарного и архаичного, указывая, что соблюде-

¹¹ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.

¹² Богомолова Я.К. Положение женщины в учениях древнего Китая (на примере конфуцианства, легизма и даосизма) // Студент и научно-технический прогресс. 2020. № 6.

¹³ Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2021.

¹⁴ О социальном развитии, положении и функциях женщин в Китае // Официальный сайт Центра защиты прав женщин Чжэнчжоуского университета. 2023. № 114–180. URL: <http://www5.zzu.edu.cn/womenlaw/info/1006/1148.htm> (дата обращения: 08.05.2023).

ние гендерных ролей не равносильно ограничению прав. Доброжелательный сексизм не принуждает, а предлагает женщине следовать традиционным ценностям, что является квинтэссенцией китайской традиционной, а также современной мировой философии (так как идея равенства женщин является мировой)¹⁵.

В современном Китае права женщины гарантированы действующей Конституцией, и, если не углубляться в вопросы правоприменения основного закона КНР, то государство охраняет женщин от возможного неравенства: «Женщины в Китайской Народной Республике пользуются равными с мужчинами правами во всех областях политической, экономической, культурной, общественной и семейной жизни. Государство охраняет права и интересы женщин, обеспечивает женщинам равную с мужчинами оплату за равный труд, воспитывает и выдвигает кадровых работников из числа женщин»¹⁶. В этом смысле стремление к культурно-идеологической и философской экспансии не соотносится с принципами китайского законодательства.

Важно отметить, что парламент КНР имеет в своем составе около 25% женщин, что является высоким показателем на фоне других азиатских стран, но достаточно низким на фоне стран Западной Европы¹⁷. Таким образом, нельзя сказать, что женщины не имеют своего представительства. Вопрос в том, насколько они влияют на принятие тех или иных решений. А.К. Чуракова отмечает, что Китай достиг определенного прогресса в отношении развития прав женщин, и нельзя сказать, что в Поднебесной ущемляются права слабого пола¹⁸. Иными словами, влияние китайской традиционной мысли на уровень гендерного неравенства существует, но оно мало-значительно.

Китай, как и другие мировые державы, подвергся влиянию глобализации, в соответствии с которым культуры и традиции отдельных стран постепенно размываются. В настоящее время уместно говорить о тотальной вестернизации человечества. Влияние традиционной мысли, в том числе и в КНР, резко снижается, оставаясь

¹⁵ Чжан Шаньшань, Се Цзинъюй, У Минь. Сладкий яд: как доброжелательный сексизм влияет на развитие карьеры женщин? // Успехи психологической науки. 2019. № 27(8).

¹⁶ Конституция Китайской Народной Республики // Официальный сайт правительства Китайской Народной Республики. 2023. № 1–9. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 08.05.2023).

¹⁷ Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. 2023. № 11–39. URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 08.05.2023).

¹⁸ Чуракова А.К. Политико-правовое положение женщин в современном Китае // Социально-политические процессы в меняющемся мире. 2021. № 4.

лишь на том уровне, на котором это возможно. Ушло то время, когда философия либо религия являлись определяющими для общества; сейчас же уместнее говорить о главенствующей роли науки, а это, в свою очередь, стирает культурные границы (закон всемирного тяготения везде одинаковый). В этом смысле проблемы гендерного неравенства в Китае являются сугубо экономическими и мало зависят от традиционной китайской философии и ее трактования современных норм поведения¹⁹.

Обратимся к результатам исследования. Традиционно основы китайской философии составляют идеи конфуцианства, буддизма, даосизма, а также легизма.

Такие практики, как медитация, ушу, цигун оказывают непосредственное влияние на женщин по всему миру за счет их использования исключительно в оздоровительных целях. В этом смысле уместно предположить, что таким образом китайская философия может влиять и на мировоззрение людей (в частности, на женщин). Однако большинство практик в странах западной культуры являются адаптированными, поэтому нельзя говорить, что, к примеру, занятие цигун может приблизить женщин во всем мире к более китайскому мировоззрению.

Есть определенные признаки того, что КНР как государство использует философию в качестве инструмента культурной экспансии. Вместе с тем, положение женщины в традиционной китайской мысли мало отличается от положения женщины в других религиях, в том числе и в христианстве. Женщина играет подчиненную роль, однако развитие права, глобализм не позволяют говорить о существенных проблемах защиты прав женщин в Китае: они есть, но есть также и правозащитные организации, которые играют немаловажную роль в развитии КНР. Поэтому возможная реэмансипация женщин в Китае исключается.

Если попытаться дать характеристику парламенту Китая с точки зрения гендерного состава, то можно отметить, что 25% — это довольно мало, но при этом это также и значительная часть народных представителей. Так, традиционная китайская мысль оказывает непосредственное влияние на политику государства, однако и в этом случае роль философии не стоит переоценивать.

Таким образом, исследование подтвердило изначальную гипотезу о том, что традиционная китайская мысль оказывает незначительное влияние на женщин. При этом сам факт того, что многие

¹⁹ Ильченко М.В. Особенности социального положения женщин в Китае // Социология. 2019. № 1.

ученые говорят о гендерном неравенстве в Китае, указывает на то, что проблема все-таки существует.

Итак, в заключение необходимо сказать следующее. Идеи, заложенные в конфуцианстве и легизме, отводящие женщине второстепенную и подчиняющуюся роль, с точки зрения истории могут оказывать непосредственное влияние на китайское общество, китайских женщин, а также на их самоидентификацию. При этом достаточно сложно утверждать, что китайская традиционная мысль определяет гендерную философию других стран: подчиненное положение женщины является традиционным практически для всех мировых религий, в то числе и для христианства. На наш взгляд, один из способов, который может адаптировать традиционные китайские учения к современным реалиям, должен заключаться в идее реализации женщины не только в качестве хранительницы домашнего очага, но и в качестве менеджера, переговорщика, управляющего (трансформация концепции даосизма). Так, способность договариваться, исходя из современной научной психологии, присуща людям с андрогинным типом мышления. И в этом смысле мужчины должны учиться коммуникативным навыкам, в первую очередь, у женщин. Это может быть актуальным не только с точки зрения нравственности, но и с точки зрения развития современной экономики. При этом данная идея является вполне применимой и для других стран, в том числе и для России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бендас Т.В. Гендерная психология. СПб., 2021.
- Богомолова Я.К. Положение женщины в учениях древнего Китая (на примере конфуцианства, легизма и даосизма) // Студент и научно-технический прогресс. 2020. № 6.
- Ильченко М.В. Особенности социального положения женщин в Китае // Социология. 2019. № 1.
- Конституция Китайской Народной Республики // Официальный сайт правительства Китайской Народной Республики. 2023. № 1–9. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (дата обращения: 08.05.2023).
- Ли цзи. Древнекитайская философия // Древнекитайская философия. 1973. № 4.
- Лобова А.А. Женский вопрос в философской мысли Китая в начале XX в. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 5.
- Лян Цичао. Об образовании для женщин // Рождение китайского феминизма: основные тексты по транснациональной теории. 2013. № 2.
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.
- О социальном развитии, положении и функциях женщин в Китае // Официальный сайт Центра защиты прав женщин Чжэнчжоуского университета.

2023. № 114–180. URL: <http://www5.zzu.edu.cn/womenlaw/info/1006/1148.htm> (дата обращения: 08.05.2023).

Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. 2023. № 11–39. URL: <http://www.npc.gov.cn> (дата обращения: 08.05.2023).

Цигун в Париже // Официальный сайт городского спортивного клуба в Париже. 2023. № 34–70. URL: <https://urbansportsclub.com/ru/sports/qigong/paris> (дата обращения: 08.05.2023).

Официальный сайт клуба “Исцеляющий Цигун”. 2023. № 29–41. URL: <https://tao-light.ru.html> (дата обращения: 08.05.2023).

Официальный сайт Центра цигун в Нью-Йорке. 2023. № 31–82. URL: <https://www.qigongnyc.com/> (дата обращения: 05.08.2023).

Петрова Н.Э. Исторические и философские основы китайской культуры // Наука и практика регионов. 2019. № 1 (14).

Се Фучжань. Достижения и опыт китайской философии и социальных наук за столетие // Наука. 2020. № 230–271. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2021-06/16/c_1127567354.htm (дата обращения: 08.05.2023).

Цзюхуа Ян. Женщины в Китае наступают: прогресс, вызовы и размышления // Социальная интеграция. 2020. Т. 8. № 2.

Чен Сяньда. Дилемма философии и ее перспективы // Наука. 2023. № 3–17. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0213/c40531-29076193.html> (дата обращения: 08.05.2023).

Чжан Шаньшань, Се Цзиньюй, У Минь. Сладкий яд: как доброжелательный сексизм влияет на развитие карьеры женщин? // Успехи психологической науки. 2019. № 27 (8).

Чуракова А.К. Политико-правовое положение женщин в современном Китае // Социально-политические процессы в меняющемся мире. 2021. № 4.

Ян Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950.

REFERENCES

Bendas T.V. Gendernaja psihologija [Gender psychology]. SPb., 2021 (in Russian).

Bogomolova Y.K. Polozhenie zhenshhiny v uchenijah drevnego Kitaja (na primere konfucianstva, legizma i daosizma) [The position of women in the teachings of ancient China (on the example of Confucianism, legalism and Taoism)] // Student i nauchno-tehnicheskij progress. 2020. N 6 (in Russian).

Ilchenko M.V. Osobennosti social'nogo polozhenija zhenshhin v Kitae [Features of the social status of women in China] // Sociologija. 2019. N 1 (in Russian).

Konstitucija Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Constitution of the People's Republic of China] // Oficial'nyj sajт pravitel'stva Kitajskoj Narodnoj Respubliki. 2023. N 1–9. URL: http://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (date of the application: 08.05.2023) (in Chinese).

Li Tszі. Drevnekitajskaja filosofija [Ancient chinese philosophy] // Drevnekitajskaja filosofija. 1973. N 4 (in Chinese).

Lobova A.A. Zhenskij vopros v filosofskoj mysli Kitaja v nachale XX v. [Women's question in the philosophical thought of China at the beginning of the 20th century] // Vostochnaja Azija: proshloe, nastojashhee, budushhee. 2020. N 5 (in Russian).

Liang Qichao. Ob obrazovanii dlja zhenshhin [About education for women] // Rozhdenie kitajskogo feminizma: osnovnye teksty po transnacional'noj teorii. 2013. N 2 (in Chinese).

Malyavin V.V. Kitajskaja civilizacija [Chinese civilization]. M., 2001 (in Russian).

O social'nom razvitii, polozhenii i funkciyah zhenshhin v Kitae [On the social development, position and functions of women in China] // Oficial'nyj sajt Centra zashchity prav zhenshhin Chzhjenchzhouskogo universiteta. 2023. N 114–180. URL: <http://www5.zzu.edu.cn/womenlaw/info/1006/1148.htm> (date of the application: 08.05.2023) (in Chinese).

Oficial'nyj sajt Vsekitajskogo sobranija narodnyh predstavitelej [Official website of the National People's Congress of China]. 2023. N 11–39. URL: <http://www.npc.gov.cn> (accessed: 08.05.2023) (in Chinese).

Qigong in Paris // Oficial'nyj sajt gorodskogo sportivnogo kluba v Parizhe [Official website of the city sports club in Paris]. 2023. N 34–70. URL: <https://urbansportsclub.com/ru/sports/qigong/paris> (accessed: 08.05.2023).

Oficial'nyj sajt kluba "Iscelajushhij Cigun" [Official site of the club "Healing Qigong"]. 2023. N 29–41. URL: <https://tao-light.ru.html> (accessed: 08.05.2023) (in Chinese).

The official website of the Qigong Center in New York. 2023. N 31–82. URL: <https://www.qigongnyc.com/> (accessed: 08.05.2023).

Petrova N.E. Istoricheskie i filosofskie osnovy kitajskoj [Historical and philosophical foundations of Chinese culture] // Nauka i praktika regionov. 2019. N 1 (14) (in Russian).

Xie Fuzhan. Dostizheniya i opyt kitajskoj filosofii i social'nyh nauk za stoletie [Achievements and experience of Chinese philosophy and social sciences for a century] // Nauka. 2020. N 230–271. URL: http://www.qstheory.cn/qshyix/2021-06/16/c_1127567354.htm (accessed: 08.05.2023) (in Chinese).

Juhua Yang. Zhenshhiny v Kitae nastupajut: progress, vyzovy i razmyshleniya [Women in China Are Coming: Progress, Challenges and Reflections] // Social'naja integracija [Social integration]. 2020. Vol 8. N 2 (in Chinese).

Chen Xianda. Dilemma filosofii i ee perspektivy [The dilemma of philosophy and its perspectives] // Nauka. 2023. N 3–17. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0213/c40531-29076193.html> (accessed: 08.05.2023) (in Chinese).

Zhang Shanshan, Xie Jinyu, Wu Min. Sladkij jad: kak dobrozhelatel'nyj seksizm vlijaet na razvitie kar'ery zhenshhin? [Sweet Poison: How Does Benevolent Sexism Affect Women's Career Development?] // Uspehi psihologicheskoy nauki. 2019. N 27 (8) (in Chinese).

Churakova A.K. Politiko-pravovoe polozhenie zhenshhin v sovremennom Kitae [The political and legal status of women in modern China] // Social'no-politicheskie processy v menjajushhemsja mire. 2021. N 4 (in Russian).

Yan Khinshun. Drevnekitajskij filosof Lao-czy i ego uchenie [The ancient Chinese philosopher Lao Tzu and his teachings]. M. - L., 1950 (in Chinese).

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ” в 2023 г.

№ Стр.

Теория и история социологии

<i>Батуренко С.А.</i> Гарри Браверман о рабочем классе и структурных трансформациях общества XX в.	2	103
<i>Мартыненко Т.С.</i> Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа	2	120

Методология и методы социологических исследований

<i>Зубова О.Г.</i> Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика.	1	194
--	---	-----

Тренды развития современного общества

<i>Газиева И.А.</i> Ценностные детерминанты профессиональной самореализации молодежи.	2	219
<i>Мамедов А.К., Коркия Э.Д.</i> Геймификация социальных практик.	2	197

Социальные проблемы современного российского общества

<i>Дорцева Е.В., Родин Н.В.</i> Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации).	4	65
<i>Елишев С.О.</i> “Большая игра”: противостояние русского и англосаксонского мира.	4	33
<i>Осипова Н.Г.</i> Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса.	4	7
<i>Смирнов В.А., Погодина Ю.А.</i> Социальное самочувствие российских девушек в условиях специальной военной операции.	4	89
<i>Смолин М.Б.</i> Обновленный строй Российской империи и царская прерогатива в проектах Льва Тихомирова.	4	102

Политическая социология

<i>Бредихин А.В.</i> Евразийский вектор развития Российской Федерации: исход к Востоку.	1	98
<i>Бредихин А.В.</i> К вопросу об этносоциальной идентификации в приграничье.	3	134
<i>Елишев С.О.</i> Особенности социологического анализа религии в России в имперский период ее истории (<i>Окончание</i>).	1	36
<i>Елишев С.О.</i> Имперская государственность как основа успешного национального развития России.	2	31
<i>Елишев С.О.</i> Имперская государственность как основа успешного национального развития России (<i>Окончание</i>).	3	88

Каневский П.С. Продвижение интересов российских бизнес-групп за рубежом в условиях геополитических рисков.	2	86
Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты (<i>Продолжение</i>)	1	7
Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты (<i>Окончание</i>)	2	7
Самсонова Т.Н. Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы развития	1	110
Смолин М.Б. Лев Тихомиров: преодоление революции и критика демократии.	1	79
Смолин М.Б. Лев Тихомиров: верховная власть и государство как политические аксиомы	2	67
Смолин М.Б. Лев Тихомиров: этический монархизм и верховная власть.	3	113

Экономическая социология и менеджмент

Ксенофонтова Е.Г. “Система высокой производительности труда”: трудности и позитивный опыт организаций разных стран	4	125
Сушко В.А. Способы реализации стратегий высшего образования как фактор формирования профессиональных ориентаций студента.	4	149

Социология организаций и управления

Васильев В.П. Продвижение специальных интересов публичных компаний	1	167
Маркеева А.В. Перспективы развития новых форм занятости российских пенсионеров.	2	168
Свердликова Е.А., Селезнёва А.С. Самозанятые в условиях санкций: проблемы и тенденции развития	1	179
Яковец Т.Ю., Голубков В.В. К вопросу о прогнозировании социальных трансфертов для макрорегионов России	2	140

Социология управления

Гавриленко О.В. Социальные технологии в эпоху “надзорного капитализма”: цифровизация и власть алгоритмов	3	145
Юрасова М.В. Обучение в бизнес-организациях	3	166

Социология здоровья

Галкин К.А. Стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе и в сельской местности	3	68
Лядова А.В. Образ здоровья в дискурсе блогосферы: социологический анализ (Часть 1) 3 28		
Лядова А.В. Дискурс о здоровье: историко-сравнительный анализ (Часть 2)	1	148
Новосёлова Е.Н. Рациональное питание как фактор здоровья: реалии и перспективы.	1	127
Новосёлова Е.Н. К вопросу о связи религиозности и здоровья	3	50
Осипова Н.Г. Цифровые манипуляции психическим здоровьем современной молодежи.	3	7

Социология коммуникаций и киберпространства

Багаева А.В. Социальные аспекты проявлений региональной идентичности в топонимических прозвищах	4	188
Гребенюк А.А., Максимова А.С., Агеев А.Ю. Русский язык в контексте социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России	4	167
Карпова С.Г., Некрасов С.В., Пинчук А.Н. Информационная безопасность: специфика феномена, методы и способы ее обеспечения	4	200

Социология в Китае

Ань Энъюй. Влияние пандемии COVID-2019 на социальное потребление в Китае	3	197
Ли Чжожу. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика	3	220
Ма Кэжоу. Культурные аспекты китаизации марксизма	3	209
Чень Сыли. Экстраполяция традиционных взглядов на женщин в Китае	4	221
Чжао Юньхуэй. Роль социальных норм и традиций в функционировании социального механизма управления предприятиями (на примере китайских компаний)	1	219

Научная жизнь социологического факультета

Баранов Н.В., Рябоконева Е.В., Васильева А.Е., Базаков А.З. Итоги работы НСО социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова с 2020 по 2022 г. На пути в десятилетие науки и технологий в РФ	2	244
---	---	-----

